

DISCOURSE-ANALYSIS ROUND TABLE

Дискурс
в академической перспективе

ДИСКУРС В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы
Международного круглого стола
3–5 апреля 2009 г., Минск, Беларусь

Белорусский государственный университет

Кафедра английского языка и речевой коммуникации

ДИСКУРС В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы
Международного круглого стола
3–5 апреля 2009 г., Минск, Беларусь

Минск
«Издательский Центр БГУ»
2010

УДК
ББК
Д48

О р г к о м и т е т:
Элеонора Лассан, доктор филологических наук, профессор (Литва);
Томаш Пекот, доктор филологических наук (Польша);
Михал Сарновски, доктор филологических наук, профессор (Польша);
Ирина Ухванова, доктор филологических наук, профессор (Беларусь);
Людмила Курчак, аспирантка (Беларусь)

Под общей редакцией
И. Ухвановой-Шмыговой и *М. Сарновского*

Дискурс в академическом пространстве : материалы Междунар. круглого
Д48 стола, 3–5 апр. 2009 г., Минск, Беларусь / под общ. ред. И. Ухвановой-Шмыговой, М. Сарновского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – 146 с.
ISBN 978-985-476-808-3.

Данный сборник представляет собой материалы первого заседания постоянно действующего с апреля 2009 г. Международного круглого стола. Заседание проходило в Минске по инициативе ученых-лингвистов университетов Беларуси, Литвы, Польши и России, которые специализируются в области теории и практики дискурс-исследований и преподавания дисциплин данного профиля.

Сборник издан на русском (под общей ред. И. Ухвановой-Шмыговой и М. Сарновского) и польском (под общей ред. И. Ухвановой-Шмыговой, М. Сарновского, Т. Пекота, П. Поправу и Г. Зажечного) языках. Англоязычная версия под общей редакцией И. Ухвановой-Шмыговой, Т. Скребцовой, Д. Бжозовской представлена в Интернете (www.dart.uni.wroc.pl).

Научное издание

ДИСКУРС В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы Международного круглого стола
3–5 апреля 2009 г., Минск, Беларусь

Ответственный за выпуск Т. Е. Янчук
Дизайн обложки *М. Рогозински*
Редактор *Г. А. Пушня*
Компьютерная верстка: *Г. Зажечны, М. Войдыла*

Подписано в печать __.06.2010. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria. Ризография.
Усл. печ. л. Уч.-изд. л. Тираж экз. Заказ 1353.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский центр Белорусского государственного университета». ЛИ № 02330/0494361 от 16.03.2009. Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика в Республиканском унитарном предприятии «Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009. Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

УДК
ББК

ISBN 978-985-476-808-3

СОДЕРЖАНИЕ

Участники Международного круглого стола «Дискурс в академическом пространстве» 5

Слово благодарности 6

Введение 7

1. МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНА «ДИСКУРС». ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ 10

Дискурс и другие понятия дискурс-исследований 10

Дорота Бжозовска. Дискурс и его коллокации 10
Ирина Ухванова-Шмыгова. Прошлое и будущее понятия «дискурс» 11
Томаш Пекот. Три варианта понимания слова «дискурс» 14
Анна Маркович. Дискурс – дискурсные практики – текст 15
Татьяна Скребцова. Дискурс – текст – высказывание - стиль 17
Елена Савич. Дискурс – контекст 18

Дискурс-исследования: интердисциплинарный и интерпарадигмальный контексты 20

Мартин Поправа. Исследование дискурса как интегрированной гуманитарной науки 20
Томаш Пекот. Лингвистика и социология в контексте подхода Тойн ван Дейка 21
Елена Савич. Дискурс в социологической и лингвистической традициях 22
Ирина Ухванова-Шмыгова. Интеграция парадигм и методов в дискурс-исследованиях 23

Дискурс-исследования: актуальные вопросы 26

Дорота Бжозовска. Обыденный дискурс 26
Михал Сарновски. Межкультурная интерференция; негативная коммуникация 26
Мартин Поправа. Политические теледебаты 27
Людмила Курчак. Дискурс переговоров 31
Элеонора Лассан. Политическая корректность 32
Татьяна Скребцова. Критичность 33
Ирина Ухванова-Шмыгова. Дискурс-компетенция 33
Елена Савич. Метарефлексия 33

Краткие выводы 34

2. ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ГРУППЫ И ОБЪЕДИНЕНИЯ 36

Национальные обзоры: Польша и Беларусь 37

Дорота Бжозовска. Исследования дискурса в польском языкознании 37
Мартин Поправа. Исследования публичного дискурса в польском языкознании 40
Рафал Зимны. Исследования публичного и городского дискурсов в университете Казимира Великого (Польша) 41
Анна Маркович. Исследования дискурса в Минском государственном лингвистическом университете (Беларусь) 42

Самоидентификация научно-исследовательских групп и школ 46

Татьяна Скребцова. Самоидентификация как необходимость 46
Марина Гаврилова. Самоидентификация в контексте ключевых тенденций языкознания 48
Елена Савич. Самоидентификация и качественная исследовательская парадигма 49
Ирина Ухванова-Шмыгова. Критерии самоидентификации 49

Культурологическая лингвистика, прагмалингвистика и стилистика в дискурс-исследованиях 51

Михал Сарновски. Анализ дискурса в контрастивных исследованиях 51
Вальдемар Жарски. Анализ кулинарного дискурса (методологические заметки) 55
Рафал Зимны. Анализ дискурса в поле этно- и прагмалингвистики 60
Мартин Поправа. Вроцлавские исследованя публичного дискурса 61
Дорота Бжозовска. Исследования дискурса в Опольской школе стилистики 66

Когнитивно-риторическое и когнитивно-дискурсивное направления в дискурс-исследованиях 70

Элеонора Лассан. Анализ дискурса как анализ сознания 70
Марина Гаврилова. Российский политический дискурс: дискурсивно-когнитивный подход 78

Каузально-генетическая перспектива и обоснованная теория в контексте дискурс-лингвистических исследований 82

Ирина Ухванова-Шмыгова. Каузально-генетическая перспектива исследования дискурса 82
Елена Савич. Медийный дискурс лоббирования: пространственная организация содержания 90
Алена Попова. Анализ дискурса элитарных средств информации 99

Дискурс-исследования в критической парадигме 106

Томаш Пекот. Рефлексия как самоидентификация в критическом дискурс-анализе 106

Краткие выводы 110

3. ДИСКУРС-НАПРАВЛЕНИЯ В ДИДАКТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 116

Томаш Пекот. Коммуникология как обучение социальному действию 116
Елена Савич. Основы межкультурной коммуникации 118
Ирина Ухванова-Шмыгова. Текст и реконструкция его содержания в профессиональной деятельности документоведа 122
Марина Гаврилова. Дискурс-анализ в программах учебных курсов для студентов гуманитарных специальностей 124
Дорота Бжозовска. Анализ дискурса: обзор академических программ 126

Краткие выводы 127

4. ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ 128

Маргарет Охиа. Расистские структуры (на примере случаев Фестона и Веслава) 128
Гжегож Зажечны. Проблемы при переводе международных новостей: случай Латвии в польских СМИ 133
Алена Попова. Дискурс-аналитические практики в обучении реконструкции дискурс-картины мира текста 138
Елена Васильева, Анна Рыбчинская, Инга Халиманович. Распаковываем текст: три дискурс-аналитические практики 141

Краткие выводы 145

Заключение 146

УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «ДИСКУРС В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Невского института языка и культуры, г. Санкт-Петербург, Россия

Лассан Элеонора, доктор гуманитарных наук, профессор филологического факультета Вильнюсского университета, г. Вильнюс, Литва

Сарновски Михал, доктор филологическтх наук, профессор, декан факультета филологии Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша

Ухванова-Шмыгова Ирина Фроловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Бжозовска Дорота, адъюнкт (доцент), зам. декана по науке филологического факультета Университета г. Ополе, Польша

Жарски Вальдемар, адъюнкт (доцент) Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша

Зимны Рафал, адъюнкт (доцент) Университета Казимижа Великого, г. Быдгощ, Польша

Пекот Томаш, адъюнкт (доцент) Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша

Поправа Мартин, адъюнкт (доцент) Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша

Скребцова Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Маркович Анна Александровна, старший преподаватель кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Попова Алена Викторовна, старший преподаватель кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Зажечны Гжегож, аспирант Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша

Курчак Людмила Васильевна, аспирантка кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Охиа Маргарет, аспирантка Вроцлавского университета, г. Вроцлав, Польша

Савич Елена Владимировна, аспирантка кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Васильева Елена, студентка Института журналистики Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Рыбчинская Анна, студентка Института журналистики Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Халиманович Инга, студентка Института журналистики Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

Работа Международного *круглого стола* «Дискурс в академической перспективе» проходила в стенах Белорусского государственного университета, который спонсировал данное мероприятие. Мы выражаем благодарность сотрудникам НИР БГУ, всем, кто имел отношение к продвижению и реализации данной идеи.

Мы также благодарны спонсорам наших участников *круглого стола*, поддержавших приезд своих ученых в Беларусь, – администрации Вильнюсского университета, Вроцлавского университета, университетов г. Ополе и г. Быдгощ, а также Санкт-Петербургского государственного университета.

Дискуссии в рамках *круглого стола* проводились на трех языках (английском, русском и польском), что потребовало кропотливой переводческой работы. В этой связи выражаем особую благодарность нашим переводчикам, работавшим на заседаниях: Людмиле Курчак, аспирантке кафедры английского языка речевой коммуникации БГУ, и Любови Подпориновой, студентке 3-го курса отделения польского языка, филологического факультета БГУ. Соответственно, подготовка данной книги на трех языках была еще более трудоемкой в плане переводов и мы обратились за помощью к нашим коллегам, аспирантам и студентам. Мы благодарим Анну Александровну Маркович, Любовь Сергеевну Подпоринову, Алену Викторовну Попову, Татьяну Генриховну Ришелье, Татьяну Ивановну Тулуш и Татьяну Васильевну Пархамович из Белорусского государственного университета, а также Барбару Дзедзиц, Элизу Еж, Александру Кусьпет, Дануту Паперник, Маргарет Охиа, Катажину Попендзе и Павла Чуксанова из Вроцлавского университета за то время и усилия, которые они потратили на перевод публикуемых здесь материалов.

Выражаем особую благодарность и тем, кто активно помогал редакторам издания в организации материалов, предлагая свои идеи для оптимизации содержания книги и сравнения русской и польской версий книги: Елене Владимировне Савич и Людмиле Васильевне Курчак.

Мы признательны также рецензентам книги, благосклонно принявшим наш первый опыт организации материалов *круглого стола*: профессору Университета г. Ополе Станиславу Гайде, профессору Белорусского государственного университета Алле Андреевне Кожиновой и профессору Минского педагогического университета им. Максима Танка Анатолию Антоновичу Гируцкому.

Спасибо мы говорим также нашим помощникам в подготовке материалов к публикации Ирине Вадимовне Быковой и Галине Алексеевне Пушне.

ВВЕДЕНИЕ

Научное общение в каждом фиксированном временном промежутке – это определенные форматы и жанры. В научном сообществе этих форматов и жанров не так и много. Но и из них активно используются далеко не все, разве что такие, как выступление на конференции или ученом совете (устное общение), а также тезисы, статьи, монографии (письменное общение). *Круглый стол* относится к форматам, которые сегодня начинают все более активно использоваться в академической и научной среде. Общение в рамках *круглого стола* – это доверие и открытость участников друг другу, высокий уровень подготовки участников к дискуссии, спонтанность и совместный поиск. Все это и является той основой, которая способствует рождению нового знания. Иначе говоря, это «стол» не только и не столько с «приготовленными блюдами»: такой стол открыт идеям, которые возможно еще и не зародились к тому моменту, когда за него сели. Данный формат во многом созвучен сократовскому методу взаимодействия коммуникантов: его цель – помочь общающимся в рождении новых идей, осознать как ценность индивидуальное знание, которое всегда может стать общим. Мы полагаем, что проблемы современного дискурс-анализа (анализа дискурса) требуют именно такого подхода. Чем сложнее, многомернее, противоречивее объект исследования, тем более приемлем для его обсуждения формат открытого общения.

Данное издание – результат работы первого международного *круглого стола* «Дискурс в академической перспективе», который состоялся 3–5 апреля 2009 года в Белорусском государственном университете на кафедре английского языка и речевой коммуникации и объединил ученых таких стран Восточной Европы, как Беларусь, Литва, Польша, Россия. Среди участников – ученые, представляющие Белорусский государственный университет, Вильнюсский университет, Вроцлавский университет, Опольский университет, университет Казимира Великого (Быдгощ), Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург) и Санкт-Петербургский государственный университет.

Рабочие языки *круглого стола* – английский, польский, русский. Данная книга представляет два языковых поля – польское и русское. Материал *круглого стола* на английском языке будет предложен читателю в ближайшее время в электронном формате.

Обсуждаемые проблемы *круглого стола* – дискурс-теория и практика дискурс-анализа, а значит и вопросы методологии, методики, технологии анализа дискурса в контекстах исследовательского и академического пространств. Пристальное внимание мы уделили тому, какие направления лингвистики дискурса представлены в университетах участников *круглого стола*,

какие научные школы уже сформированы или только формируются в пространстве этих университетских сообществ, каков потенциал развития данного направления в этих университетах Восточной Европы и в данном регионе в целом. Понятно, что это вопрос не одного круглого стола, но начало положено.

Что есть научная школа? Это – определенное исследовательское направление, исследовательское поле, которое ученые «возделывают»; это и методологические основания, и исследовательский аппарат, и технологии, используемые для реализации целей и задач исследования; а также и результаты, полученные учеными (не только потенциал ученых, но и его реализация).

Дискурс-исследования – это огромнейшее поле, в котором трудятся ученые разных стран, а соответственно это и огромный объем литературы, множество имен. И все же развитие тех или иных направлений порой видится как бы предопределенным, закрытым с каких-то позиций. Эти направления определены (предопределены?) как дисциплинарным, так и методологическим, парадигмальным пространствами. Их идентификация, как и самоидентификация ученых данного поля, – необходимая работа по упорядочиванию наших знаний в данной области гуманитарно-социальной науки. Важным шагом в этом направлении явился первый словарь по дискурс-анализу, изданный во Франции в самом начале нашего века. Словарь помог синтезировать усилия французских ученых, занимающихся дискурс-исследованиями. Мы полагаем, что проведение такой работы необходимо и в странах Восточной Европы, ученые которой сегодня не только активно занимаются практикой дискурс-исследований, но и вносят значимую лепту в методолого-теоретические основания дискурс-направления. Именно в этом направлении и начал свою работу наш *круглый стол*, предполагая в дальнейшем расширить свое дискуссионное пространство тематически и географически. Наши *круглые столы* мы планируем проводить ежегодно и не только в Минске, но и в странах всех участников *круглого стола*.

Пространство данной книги реализовано в четырех частях. Каждая часть – результат работы одного из заседаний нашего *круглого стола* (всего их было четыре). Посмотрим на эти заседания в некотором приближении.

Первое заседание было посвящено вопросам вариативности понятия «дискурс», в частности тому, что участникам *круглого стола* ближе, что они непосредственно используют в своей исследовательской и педагогической практике, на что ссылаются, от чего отталкиваются. Здесь ссылки и на авторитетные лексикографические издания, и на первоисточники, а также и на свои трактовки, развивающие принятые сегодня в мировой практике подходы. Здесь и размышления участников *круглого стола* о том, что для них видится актуальным, значимым для исследований в контексте научных и социальных проблем современности. Здесь читатель найдет и материалы в формате письменной речи, специально подготовленные для данного сборника, и материалы устного общения, некоторые мысли, идеи, непосредственно озвученные на первом заседании в контексте вышеназванной проблематики.

Второе заседание было посвящено вопросам вариативности научно-методологического плана. В этой части мы предлагаем читателю познакомиться с уже состоявшимися или зарождающимися в Восточной Европе на-

учными школами дискурс-исследований. При этом участники *круглого стола* очень аккуратны в выборе слова «научная школа», понимая всю серьезность данного заявления, поэтому и здесь в нашей книге мы сохраним эту тенденцию, не называя все представленные направления школами в самом тексте, но все же сохранив это название в заголовке данной части. Обсуждаемые направления репрезентированы значительным количеством монографических изданий, а также публикациями в авторитетных научных журналах. Они дали по-своему уникальные результаты, значимые для понимания сегодняшних социальных проблем и их дискурс-репрезентаций, а также для развития теории в лингвистических, лингвосемиотических и когнитивных направлениях поиска.

В частности участники заседания обсуждают отправные позиции своих подходов, ключевые категории своих исследований, вопросы, связанные с выбором теоретического и методического (технологического) характера. Они представляют ученых своих исследовательских групп, определяют целевые установки, задачи, которые решают в своей научной деятельности, объекты и предметы исследований, корпусы текстов (выборки), которыми непосредственно занимаются, результаты, к которым приходят. Это знакомство с современными подходами уже не столько отдельных ученых, сколько исследовательских коллективов, которые ученые организуют вокруг себя. В данной части есть информация библиографического характера; она нам важна как шаг к обсуждению проблем самоопределения ученых в относительно новой для нас исследовательской парадигме.

Третье заседание было посвящено вопросам преподавания данного направления в университетах участников *круглого стола*. Нам показалось интересным обменяться опытом, посмотреть, какие факультеты заинтересованы сегодня методиками дискурс-анализа, что готовы предложить им специалисты вуза. Здесь мы посчитали нужным предложить программы некоторых курсов или модулей к ним, читаемых участниками *круглого стола* и комментарии к этим программам.

Четвертое заседание было посвящено исследованиям отдельных случаев, которые были представлены в формате стендовых докладов. Целевая установка этих материалов – продемонстрировать, как работают научные группы участников *круглого стола*. Материалы отражают перспективу предложенных научных направлений.

В качестве заключения мы предлагаем посмотреть вперед: что сохраняет свою актуальность сегодня и требует совместных поисков ученых завтра.

1
МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНА «ДИСКУРС». ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ

Первое заседание *круглого стола* привлекло внимание участников к вопросу разночтений понятия «дискурс» и вариативности его лексикографических трактовок, к сформировавшимся или формирующимся направлениям исследования дискурса и к перспективам исследования этого явления.

ДИСКУРС И ДРУГИЕ ПОНЯТИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ

Дорота Бжозовска (Польша, Ополе)

Дискурс и его коллокации

Лингвистика и социология были в Польше первыми дисциплинами, которые использовали понятие дискурса в своих исследованиях. В последнее время этот термин стал популярным и среди исследователей, работающих в русле других дисциплин, таких как философия, психология, литературоведение, культурология, медиалогия и т.д. Само понятие *дискурс* в польском языке включает следующие значения, происходящие из латыни (в латинском языке *дискурс* означает «*разговор*», «*дискуссия*», «*аргументация*»): «дискуссия на академические темы», «исследование, основанное на строгой логической аргументации», «процесс доказательства, состоящий в достижении когнитивной цели с помощью опосредованных умственных процессов, отличных от восприятия или интуиции»[1].

В последние годы популярность понятия *дискурс* привела к нечеткости и расширению термина. В самом широком значении дискурс – это любой процесс использования языка или любое использование языка продолжительностью больше, чем одно предложение. На практике каждый ученый дает определение дискурсу в соответствии со своими исследовательскими целями и решает, к какой из многочисленных школ относится определение, на которое он/она ссылается.

В настоящее время количество опубликованных научных работ в различных областях, в которых употребляется слово *дискурс*, исчисляется сотнями. Можно уверенно говорить о том, что на сегодняшний день это одно из самых популярных понятий в гуманитарных дисциплинах. На основании встречаемости этого слова в названиях печатных работ на польском книжном рынке

(я имею в виду названия книг, доступных в двух крупных интернет-магазинах: магазин с общей тематикой [2] и магазин научной литературы [3] – всего 500 названий) появилась возможность реконструировать группы словосочетаний, в которых этот термин появляется чаще всего. Таким образом, получились следующие группы:

- *некий* дискурс (нарративный, академический, танцевальный, философский, любовный, образовательный, постмодернистский, гражданский, общественный, религиозный, социальный и политический, старопольский, медийный, феминистский, гендерный);
- дискурс *в чем-то* (в социологии, литературе или дидактике);
- дискурс *о чём-то* (о культуре, о рационализме, о встрече);
- дискурс *с чем-то* (философия);
- дискурс *чего-то* (газетные новости);
- дискурс *над* (ролью);
- *нечто в* дискурсе (неком) (анализ текста, культура, точка зрения);
- *нечто* дискурса (анатомия, грамматика, порядок, теория, перспективы, разнообразие);
- дискурс и *нечто* (археология, критика).

Самые популярные термины – анализ дискурса (современный, когнитивный, критический) и направления, следующие из него. Популярным также стало употребление слова *дискурс* во множественном числе:

- *некие*, или *чьи-то* дискурсы (литературный, образовательный, несуществующий, критический, польский, публичный, возможный, любовный, на встрече, романтичный);
- *теории* дискурсов.

Все эти факторы делают *дискурс* противоречивым и сложным понятием, которое часто употребляют и которым иногда даже злоупотребляют как «модным» словом.

1. www.encyklopedia.pwn.pl; www.sjp.pwn.pl
2. www.merlin.pl
3. www.kapitalka.pl

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

Прошлое и будущее понятия «дискурс»

Сегодня слово «дискурс» можно встретить не только в научном, но и разговорном регистре, а наиболее частые *ассоциации*, которые предлагают респонденты, – это «речь», «текст», «коммуникация». При этом слово «дискурс» многими почему-то считается новым (так ли это на самом деле?) и модным, что уже автоматически предполагает размытость объема значения, включенного в него. Очевидно все же следует обратиться к конкретным словарям и посмотреть более внимательно на предлагаемый ими объем понятия. В частности, если мы обратимся к современным словарям русского и английского языков (толковым или переводным), то обнаружим в них пометки «*арх.*», «*книжн.*». Так, в ***Оксфордском словаре*** английского языка слово «discourse» трактуется как «*беседа (арх.)*», но также «*диссертация, трактат, проповедь*», т. е. как определенный жанр, в центре внимания которого *мысль в ее развитии* [1]. ***Словарь***

Вебстера (словарь американского варианта английского языка), в свою очередь, трактует дискурс как «*общение, коммуникация как предмет изучения*», но также и как «*процесс общения (устный или письменный), сосредоточенный на предмете разговора и его развивающий; лекция, трактат, проповедь, диссертация*». Здесь дискурс – это и поле деятельности, и материальная форма воплощения, и структура (формат) вербальной деятельности [2]. ***Словарь французского языка*** не ставит таких пометок, а в дефиниции фиксирует внимание на двух аспектах: содержательном (предмет разговора) и формальном (речь с позиции ее организации, формы, грамматической заданности) [3]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет объем значения слова «дискурс», который дает ***Испанско-русский словарь*** [4], где сочетаются идеи реальности и потенции, содержания и формы, формы лингвистической и экстралингвистической: «*discurso» – (1) речь, дар речи; (2) речь, выступление; (3) грам. предложение; (4) промежуток времени*».

Как видим, *дискурс* – это и *речь*, сосредоточенная на *предмете* разговора в его развитии, и *текс*т в его четко заданной *жанр*овой репрезентации, подчиненный правилам формального характера. Сам факт наличия огромного разнообразия установок и реализаций современной речи говорит о том, что *сегодня мы не можем уравнять понятия «дискурс» и «речь».* Каждое из них может быть шире и одновременно значительно у́же другого. Они лишь соприкасаются своими значениями, оставляя огромный потенциал вне точки соприкосновения. Так, становится понятным интерес к этому слову в русскоязычной среде, а именно: оно меняет фокус внимания, поднимает значимость аналитического мышления, заставляет по-иному взглянуть на такое явление, как речь. Впрочем, эта традиция – далеко не новое явление для русскоязычного менталитета, хотя само слово «дискурс» в русский язык пришло недавно.

Отметим другие варианты прочтения слова «дискурс», которые собирались нами в течение последних двух лет из разных лексикографических и научных изданий:

- *Дискурс* в самом широком смысле слова как: (1) предмет разговора; (2) общение, коммуникация как предмет изучения; (3) поле деятельности.
- *Дискурс как объект лингвистики* – (1) речь с позиции ее организации, формы, грамматической заданности; (2) слово, предложение; (3) *речь*, сосредоточенная на *предмете* разговора в его развитии; (4) *текс*т в его четко заданной *жанр*овой репрезентации, соподчиненный правилам формального характера; (5) материальная форма воплощения деятельности, структура (формат) вербальной деятельности.
- *Дискурс как жанр* – (1) (ист., книжн.) диссертация, трактат, т. е. жанр письменного общения, вид общения, требующий от автора и читателя серьезного отношения и умственной работы; (2) лекция, выступление, беседа, проповедь, слово, т. е. жанр устного общения, вид общения, требующий непосредственного взаимодействия общающихся.
- *Дискурс как сосредоточенный на содержании вид деятельности* – (1) процесс общения (устный или письменный), сосредоточенный на предмете разговора и его развивающий; (2) термин, несущий в себе печать не одной, а целого ряда социальных и гуманитарных наук – философии, лингвисти-

ки, психологии, социологии, этнографии, культурологии, политологии, коммуникативистики, – словом, тех наук, которые изучают речь, ее содержательный потенциал и реализацию этого потенциала.

- *Дискурс как интегративная функциональная данность* – совокупность дискурсий, отражающих и формирующих дискурсы.
- *Дискурс как потенция* – дар речи.
- *Дискурс как мера* – промежуток времени.
- *Дискурс в рамках каузально-генетического подхода* – (1) деятельность (одновременно социальная и индивидуальная); деятельность ограниченная (*закрытая*) своими социально ориентированными речевыми манифестациями (несущими *отношения*, оценку и информацию о речевом поведении); дифференцированая и описанная в социально маркированных условиях; деятельность *открытая* индивидуальному пониманию (когнитивная характеристика) и проявлению (поведенческая характеристика); (2) репрезентант (представитель) действительности (и дискурс-миров) как социальной конструкции (конструкций), а также сообществ (и дискурсных сообществ); репрезентант реальности и одновременно вербально адаптированной реальности; (3) языковые единства (набор категорий и кодов) в их функциональной данности, реализующие взаимодействие людей (субъект-объектного и субъект-субъектного планов), обеспечивающие обмен знаниями и отношениями, выявляющие содержание смыслового и сущностного порядков (способствующие установлению самоидентификации и самоопределения коммуникантов).

Как уже отмечалось, для русскоязычного лингвистического сообщества весьма актуальным до сих пор является ***Лингвистический энциклопедический словарь,*** изданный почти 20 лет назад, и в частности словарная статья Н.Д. Арутюновой «Дискурс» [5]. Согласно этой статье дискурс есть текст плюс *контекст* (отсутствие контекста для исторических текстов не позволяет их называть дискурсом); дискурс включает в себя *паралингвистическое*, что прочитывается через *функции* – ритмическую (автодирижирование), референтную (дейктические жесты), семантическую (мимика, жесты, сопутствующие значениям), эмоционально-оценочную, а также функцию воздействия на собеседника (иллокутивная сила); дискурс выступает как треугольник: три его стороны – прагматическая, когнитивная (фреймы/сценарии) и ментальные процессы (discourse processing как выбор средств для реализации цели). Иначе говоря, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика и синтактика выступают в качестве непосредственных составляющих дискурс-теории, в качестве его источников. Так, становится более понятным тот факт, почему дискурс-анализ неизбежно представлен в этих направлениях независимо от того, декларируют ли это лингвисты, работающие в них, или нет.

Понятие «дискурс» поистине интердисциплинарно и несет в себе печать не одной, а целого ряда социальных и гуманитарных наук. В Беларуси это понятие уже стало привычным не только для лингвистики, но и для таких наук, как *философия, психология, социология, культурология, политология, коммуникативистика* – словом, тех наук, которые так или иначе обращаются к изучению ***речи***, ее содержательному потенциалу и реализации этого потенциала.

Если мы посмотрим на лингвистику, то современные исследования речи значительно отличаются от исследований прошлых лет. Вторая половина прошлого века – время осознания того, что речь это не просто вербальная (знаковая) и тем самым социальная деятельность, а сама жизнь. Речь есть событие, воплощенное в знаке, а значит ставшее жизненно важным событием. В речи отражено единство содержания (контента) и ситуации общения (контекста). Речь есть реалия когнитивная и поведенческая, лингвистическая и экстралингвистическая, актуальная и потенциальная. Это процесс и результат, действие, взаимодействие и воздействие. Речь есть переплетение текстов, интертекстуальность. Появляется новый объект исследования – речь в ее новом видении, новом прочтении, то есть дискурс, ибо именно такая, обогащенная новым содержанием, речь и называется дискурсом. Любопытно, что то же происходит и с современными исследованиями текстов, которые уже невозможно представить вне понятия «интертекстуальность». При всем очевидном сближении понятий *речь, текст, дискурс* объем их значений не совпадает. Дискурс это всегда речь (или текст) плюс что-то еще. И вместе с тем встает вопрос: «Что же это еще?».

Есть и еще одно промежуточное слово – «дискурсия», которое обращает наше внимание на конкретные тексты, конкретные речевые отрезки, которые становятся объектом конкретных исследований – исследований отдельных случаев (case-studies). Именно из изучения дискурсий складывается наше знание дискурсов.

1. *Colins J.* Glasgow University Media Group. The bad news books // Reading into cultural studies / M. Barker and A. Beezer (eds.). Routledge, 1992.
2. *Ухванова И. Ф.* Квалитативный (качественный) анализ текста. Постмодернизм: энциклопедия. Минск: Интерпрес-сервис; Книж. Дом, 2001.
3. *Ухванова И. Ф.* Квантитативный (количественный) анализ текста: Постмодернизм: энциклопедия. Минск: Интерпрес-сервис; Книж. Дом, 2001.
4. *Ухванова И. Ф.* В поисках реалий семантического ядра текста // Вестник БГУ. 1992. № 3. С. 45–49.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1990. С. 685.

Томаш Пекот (Польша, Вроцлав)

Три варианта понимания слова «дискурс»

Дискурс – весьма актуальная тема для польских гуманитариев и представителей социальных наук уже многие годы. Но особенно это заметно в среде лингвистов и социологов, где уже сформировались группы поклонников и оппонентов дискурс-направления. К сожалению, эта новая мода, беспрецедентная со времен структурализма, ничуть не способствовала формированию и стабилизации дискурс-анализа как нового исследовательского поля в Польше. Наоборот, мода повинна в размывании и так уже размытого понятия дискурса. Тем не менее множественность значений слова может быть сведена к следующим базовым вариантам:

- дискурс как нечто ***абстрактное***,
- дискурс как нечто ***конкретное*** и, внутри второго,
  – дискурс как ***особое*** и
  – дискурс как ***общее***.

Согласно первому варианту дискурс – это система норм, правил, ограничений или поведенческих моделей, которые определяют рождение коммуникации (текстов); в свою очередь, согласно варианту (2а), дискурс – это текст, погруженный в контекст или коммуникативное событие. Ну а в варианте (2б) дискурс есть последовательность текстов, объединенных неким началом (адресантом, жанром, проблематикой, др.).

Я полагаю, что первый вариант предпочтительнее. В контексте этого подхода дискурс есть высшая единица (знак) в структуре коммуникации. Она (он) рождается в социальной среде (группе) как результат взаимодействия ее членов, но, лишь только появившись на свет, оказывает непосредственное влияние на коммуникативное (речевое) поведение данной социальной группы.

В этом смысле дискурс «окружен» (взят в плен) системой понятий и пропозиций (суждений), а также системой коммуникативных форм и структур/моделей (означенное и означаемое). Думаю, что в такой подаче дискурс лучше называть ***интерпретативными фреймами***, то есть тем, что используется представителями этой группы для понимания и коммуницирования реальности. С этих позиций общение между группами – это система (в понимании с позиций теории систем), которая, будучи установленной (рождение дискурса), далее проникает в другие системы (рождение интердискурса).

Анна Маркович (Беларусь, Минск)

Дискурс – дискурсные практики – текст

Я хотела бы обратить внимание на интересный феномен русского языка, а именно на различие в произношении терминов ди́скурс и диску́рс. Этимон слова «дискурс» определяется как – «discursus» рассуждение, довод, аргумент [1, с. 300]; «дискурс» восходит к латинскому «discere» – блуждать [2, с. 233]. Подробную картину возможной этимологии предлагает В. В. Мароши – латинское «discursus» имеет следующие значения: беганье туда и сюда, движение, круговорот; беспрерывное мелькание; бестолковая беготня, суета; разрастание, разветвление; барахтанье; беседа, разговор [3]. Факты латинского языка позволяют произвести очень важное разграничение двух омонимов, различающихся лишь ударением (ди́скурс, диску́рс), а также образованных от них прилагательных (дискурси́вный и диску́рсный) [4].

Развитие значения понятия «ди́скурс» связано с метафорическим переосмыслением ряда значений латинского слова discursus, связанных с движением (мысль – движение, логическое поступательное развитие мысли, как бег), «диску́рс» же есть актуализация одного из периферийных значений discursus – беседа, разговор. И тогда «ди́скурс» – термин, обозначающий тип западноевропейской интеллектуальной стратегии рационально-классического ряда; дискурси́вный – рассудочный, понятийный, логический опосредованный формализованный (в отличие от чувственного, созерцательного, интуитивного, непосредственного) [4]. Диску̀рс как лингвистический термин, первоначально обозначающий разговор, речь и далее получивший уточнение и расширение (см. ниже); диску̀рсный – относящийся к функционированию речи в определенном контексте.

В терминологию лингвистической науки понятие «дискỳрс» пришло из французского языка, где под дискурсом первоначально понималась «публичная речь на заданную тему, произнесенная оратором с целью поучения или убеждения» [5, с. 118], а также более широко – любая диалогическая речь. Разрабатывая теорию высказывания, Э. Бенвенист применяет традиционный для французской лингвистики термин «discours» в новом значении – как характеристику «речи, присваиваемой говорящим», в отличие от повествования, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания [6].

Дискурсная (дискурсивная) практика. Термин «дискурс» усложняется и в то же время уточняется в ходе его соотнесения с другими смежными терминами, такими как «дискурсивная практика» или же «дискурсная практика», а также «дискурсия». А.Я. Сарна рассматривает дискурсивную практику в статье Социологического словаря как категорию, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства (фактически принимая лингвистическое определение дискурса и затушевывая определение дискурсивного как рассудочного, понятийного, логического). Данная категория подразумевает наличие в повседневной реальности не одного, но множества самых различных типов и видов дискурса (а точнее, дискурсов), функционирующих одновременно и пронизывающих социальное пространство в виде автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков [7, с. 288]. Анализ в таком случае направлен на реконструкцию структур и правил, делающих возможной реализацию того или иного типа дискурса, и реконструкцию этого дискурса как абстракции. Лингвистическая традиция, принимая такое определение, изучает реализацию дискурса через анализ дискурсивных практик, фокусируясь на специфике функционирования и закономерностях реализации этих практик в различных видах контекста.

Возможно и использование термина *дискурсная практика* как *способа производства, распространения и получения текстов.* Анализ дискурсной практики происходит исходя из того, как отражается способ кодирования и декодирования в *содержании текста*.

Мы исходим из того, что дискурс определяет реализацию типов дискурсных практик. Объектом изучения при этом являются дискурсные практики. В ходе исследования производится реконструкция типа дискурсии, а на основе этого создается модель изучаемого дискурса. Таким образом, дискурс-анализ представляет собой моделирующее описание-реконструкцию принципов и целей коммуникации, выявляемых в содержании дискурсных практик определенного типа, что позволяет выявить специфику функционирования и реализации этих практик.

Дискурс и текст. Вопрос о соотношении категорий *«текст»* и *«дискурс»* следует причислить к широко обсуждаемым в лингвистике, лингвопрагматике, социолингвистике и других смежных дисциплинах. Рассмотрение взглядов на соотношение категорий «текст» и «дискурс» можно кратко представить следующими тремя тезисами:

- текст нетождествен дискурсу;

- текст тождествен дискурсу;
- текст и дискурс взаимозависимы.

Придерживаясь позиции о нетождественности текста и дискурса, мы выявляем в существующих подходах к характеристике и определению текста различия между текстом и дискурсом, прежде всего, по основаниям, которые могут быть как лингвистическими, так и экстралингвистическими. К *экстралингвистическим* относятся основания, обуславливающие порождение текста, сопровождающие его функционирование и связанные с его устройством лишь косвенным образом (например, деление: письменный текст – устный дискурс). Здесь значимыми оказываются особенности области использования текстов, тип коммуникативной ситуации, коммуникативные задачи, реализуемые текстом, его функции и т. д. *Лингвистические* признаки включают все свойства текста, непосредственно отражающие его внутреннюю, содержательную структуру и внешнюю, формальную организацию. К числу основных дифференциальных признаков текста чаще всего относят: информативность, членимость, когезию, континуумность, модальность, автосемантию [8, с. 25]; тематичность, связанность, цельность, законченность, отдельность [9, с. 42]. На нетождественность понятий «текст» и «дискурс» указывают и их различительные признаки. Так, за широкой трактовкой дискурса кроется его понимание как коммуникативного события, происходящего между говорящим и слушающим (наблюдателем) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте; «текст» же больше актуализирует структурно-семантические признаки. Очевидно также, что дискурс имплицитно включает понятие сознания; он не является линейной и завершенной последовательностью, оказываясь, в конечном счете, шире текста.

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1972. Т. 8. С. 300.
2. *Можейко М.А.* Дискурс // Постмодернизм: энциклопедия. Минск, 2001. С. 233.
3. *Мароши В. В.* Что есть дискурс // Дискурс. 1996. № 2. С. 98–112. http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_27.htm
4. Перспективы метафизики: Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.С. Уварова. СПб., 2000. http://philosophy.ru/library/uvarov/perspmet/index.html
5. Grand Larousse Encycklopedique. Paris: Librarie Larousse, 1960. T. 4. P. 118.
6. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
7. *Сарна А.Я.* Дикурсивные практики // Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.] Минск: Книж. Дом, 2003. 1312 с.
8. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 86 с.
9. *Акишкина А. А.* Структура целого текста. Вып. 1. М.: МГУ, 1979. 87 с.; Вып. II. М.: МГУ, 1979. 79 с.

Татьяна Скребцова (Россия, Санкт-Петербург)

Дискурс – текст – высказывание – стиль

В работах по дискурс-анализу в России обычно ссылаются на определение дискурса, которое дала Н.Д. Арутюнова в Лингвистическом энциклопедическом словаре [1]. Эта словарная статья суммирует разные понимания дискурса, пытаясь прийти к какому-то общему ядру (знаменателю). Помимо того есть еще ряд статей московских исследователей Елены Кубряковой, Александра Кибрика, которые тоже стали уже классическими и на которые тоже принято ссылаться [3, 4].

Возможно, нам и не нужно стремиться выработать какое-то единое понимание дискурса, а всякий раз следует исходить от того материала, который мы анализируем.

В своей педагогической практике я стремлюсь показать разнообразие дефиниций дискурса и подходов к анализу дискурса. Так, на моих лекциях мы обсуждаем со студентами сложные *соотношения понятий* «дискурс», «текст», «речь» и «стиль». Ключевая оппозиция здесь – «дискурс-текст», хотя затрагиваются и другие.

По поводу разграничения понятий «текст» и «дискурс». Часто утверждается, что Зелиг Харрис, американский ученый, употребил слово «дискурс» первым и сказал, что это «language above the sentence», но и текст у него тоже имеет такую же дефиницию [2]. Московские исследователи пытались разграничить понятия «текст» и «дискурс» по разным основаниям [5, 6]. Они говорили, что текст – это статичный продукт, а дискурс – это динамичный процесс. Далее, они отмечали, что дискурс в отличие от текста воспринимается и обрабатывается on-line, что является очень важным параметром. Отмечается, что когда мы говорим о тексте, мы обращаем внимание на его структуру, на то, из каких блоков он состоит, в то время как в дискурсе мы обращаем внимание на функциональный аспект. Предлагались и другие параметры для размежевания этих понятий. В то же время некоторые исследователи считают, что необязательно их размежевывать и считают, что дискурс включает в себя текст. То, как мы понимаем дискурс, влияет на многообразие дискурсивных исследований.

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1990. С. 685.
2. *Harris Z.* Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28. № 1.
3. *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М., 2000.
4. *Кибрик А.А., Плунгян В.А.* Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997.
5. *Богданов В.В.* Текст и текстовое общение. Санкт-Петербург, 1993.
6. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995.
7. Жанры речи. Вып. 1–3. Саратов, 1997, 1999, 2002.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

Дискурс – контекст

В свете всеми признаваемой интердисциплинарности дискурс-исследований хотелось бы поразмышлять о месте лингвистики в этой все же *интер-* (а не поли-) дисциплинарности и о том, что же на самом деле может быть ***объектом*** *дискурс-исследования*. Едва ли можно говорить об интердисциплинарности, когда результатом исследования лингвиста становится любого рода типологизация коммуникативных стратегий и тактик, приемов и средств манипуляции и т.д. в каком бы то ни было типе дискурса. *Дискурс* в таком исследовании является *материалом*, а не объектом. И если все же понимать дискурс как «текст+социальный контекст», то объектом в таком исследовании является *текст*. Я полагаю, что объектом дискурс-исследования должен быть

именно ***контекст***, с одной стороны, отраженный, а с другой стороны, конструируемый дискурсом.

Термин «контекст» не является новым для лингвистики. Однако его наполнение и способы представления в формальной и функциональной лингвистике, а также в рамках дискурс-аналитических теорий несколько отличаются.

Формальная лингвистика трактует понятие «контекст» как фрагмент текста, «включающий избранную для анализа единицу». В рамках *функциональной лингвистики* контекст предстает необходимым условием коммуникации. Оба подхода наделяют контекст функцией *определения значения* языковой единицы и рассматривают его как нечто внешнее по отношению к языковой единице. Функциональная лингвистика разделяет собственно лингвистический и экстралингвистический контексты. Экстралингвистический контекст включает ситуацию коммуникации: условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношения друг к другу.

Трансформация представлений о «контексте» как экстралингвистической категории связана с развитием теории жанров, где контекст общения является одним из основных критериев их выделения. Разница в трактовке этого понятия определяет различные теории жанра. Так, А.Д. Степанов критикует бахтинское отнесение речевых жанров к определенной сфере общения (каждая сфера распадается на «тысячи совсем не похожих друг на друга “малых сфер”») и видит возможность модернизации этой мысли через соотнесение ее с теорией фреймов (теория искусственного интеллекта Марвина Минского). Фреймом А.Д. Степанов называет общую схему, наполняемую индивидуальным содержанием в зависимости от конкретной ситуации, а также широкую модель коммуникативной ситуации. В результате очевидно разделение на *фреймовую* и *конкретную* ситуации общения. Несмотря на разницу в терминологии, разделение контекстов общения на *внешний* (по отношению к ситуации общения) и *внутренний* является общим для концепций Битцера (некий абстрактный контекст крайностей и ситуация непосредственного общения), Халлидэя (типичный и реальный контексты), Рассела и Миллер (культурный контекст и контекст непосредственной ситуации общения), Карасика (на основе широты анализируемого контекста общения выделяет жанр и формат дискурса) и других ученых.

С появлением дискурс-анализа «контекст» трактуется не столько как внешняя по отношению к тексту среда его функционирования, сколько его [текста, дискурса] содержательная категория. В недавно изданной Оксфордским университетом (2007) книге «Discourse-analysis» («Дискурс-анализ») H.G. Widdowson определяет **контекст** как аспекты экстралингвистической реальности, которые проявляют себя релевантными в коммуникации. Говоря об **актуализации** контекста в дискурсе, автор противопоставляет *контексты ситуационные*, характеризующиеся временным и пространственным параметрами реальной ситуации общения, *контекстам когнитивным*, которые представляют собой ментальные конструкты реальности, соответствующие знаниям отдельных социальных групп о мире и способам их представления. Кроме того, Widdowson отмечает, что дискурс может актуализировать контексты-конструкты разного типа: *идеационные/референтные* (концептуальные структуры, представляющие мир с позиции отстраненного наблюдателя)

и *интеракционные* (конвенциональные структуры субъект-субъектного взаимодействия). Полагаю, ситуационные контексты также можно разделять на идеационные (непосредственные условия коммуникации, имеющие отношение к окружающей действительности: время, место) и интеракционные (субъекты коммуникации как носители объективных социальных характеристик: возраст, пол, социальный статус и т.д.). Разделение контекстов на физические (ситуационный) и когнитивные относительно дискурса представляется весьма условным, так как любой из них, будучи актуализован в тексте, становится элементом содержания и приобретает квазиреальный характер (становится когнитивным). Кроме того, существенным становится разделение когнитивного контекста на основании природы составляющих его ментальных конструктов на гносеологический (включает знания о мире) и аксиологический (включает оценки) контексты.

Таким образом, **контекст дискурса** может быть классифицирован по трем (разным) основаниям:

- *по отношению к коммуникативной ситуации*, составляющей физический контекст дискурсного взаимодействия, контекст дискурса может быть ***широким*** (культурно-исторический контекст) и ***узким*** (риторическая ситуация общения);
- *по характеру экстралингвистической реальности*, включенной в контекст, – ***идеационным*** (включает непосредственные условия коммуникации, рассматриваемые статично как элементы реальности) и ***интеракционным*** (включает контекст субъектного взаимодействия);
- *по природе ментальных конструктов*, составляющих когнитивный контекст дискурса, – ***гносеологическим*** (включает знания о мире) и ***аксиологическим*** (включает оценки).

С моей точки зрения, лингвистический вклад в дискурс-исследования заключается в том, чтобы использовать наработки науки о языке для изучения собственно *актуализованных в текстах контекстов дискурса* – дискурс-картин реальности, которые можно классифицировать на основе предложенной классификации контекстов. Вклад других наук в дискурс-анализ заключается в исследовании реальных, физических, доактуализованных контекстов и их элементов. Именно такой подход к созданию теории дискурса представляется мне гармоничным, законченным и по-настоящему интердисциплинарным.

ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И ИНТЕРПАРАДИГМАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ

Мартин Поправа (Польша, Вроцлав)

Исследование дискурса как интегрированной гуманитарной науки

Понятие «*дискурса*», выражающего интердисциплинарные перспективы исследований социальных, психических и культурных последствий употребления текстов (высказываний, жестов, образов и других невербальных знаков), стало «волшебным» и тем самым труднообъяснимым термином-символом ре-

волюционных изменений в современных гуманитарных науках [1, 4, 3]. Оно разрушило довольно твердые границы между ранее автономными научными дисциплинами, а также внесло свой вклад в контаминацию многих исследовательских принципов (методов, парадигм), которые служат для описания языковых аспектов коммуникации.

Перелом в познании, точно названный Станиславом Гайдой [2] «дискурс-ориентацией», появился в польском языкознании под конец XX века и внес свой вклад в становление интердисциплинарных исследований в пределах интегрированных гуманитарных наук, занимающихся социальными аспектами коммуникации. Господство «моды на дискурс» в языковедческих исследованиях подтверждается также научными достижениями группы вроцлавских лингвистов. В этом духе выделяются работы, посвященные публичному дискурсу (точнее, политическому). В основном они представляют собой:

- описание функциональных и стилистических характеристик политических текстов XX века в условиях изменяющихся историко-системных обстоятельств;
- инвентарь стратегий языкового поведения, используемых в целях политической пропаганды (как в условиях присвоения политической коммуникации властями, в условиях коммуникации, метафорически называемых новоязом, так и в условиях свободы слова, гарантированной свободами демократической и многопартийной политической системы);
- критическую оценку публичного дискурса, в том числе особо выделяются исследования, отражающие употребление языка в социальной коммуникации как средства манипуляции, основанного на использовании идеологии, стереотипов и агрессии в текстах, социальных по сфере воздействия;
- исследования, показывающие вербальные и невербальные (семиотические) особенности разных практик дискурса (например, в рекламе, в СМИ и новых электронных средствах передачи информации).

1. *Duszak A.* Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa. Warszawa, 1998.
2. *Gajda S.* Tekst/dyskurs oraz jego analiza i interpretacja // Współczesne analizy dyskursu. Kognitywna analiza dyskursu a inne metody badawcze / M. Krauz, S. Gajda (red.). Rzeszów, 2005.
3. Analiza dyskursu w socjologii i dla socjologii / A. Horolets (red.). Warszawa, 2009.
4. *Poprawa M.* Kilka uwag na temat terminu „dyskurs publiczny" // Studia Linguistica. XXIII. 2004.

Томаш Пекот (Польша, Вроцлав)

Лингвистика и социология в контексте подхода Тойн ван Дейка

Какие модели дискурс-анализа сегодня «работают» в Польше? Когда в начале 70-х в нашем литературном журнале «Pamiętnik Literacki» появилась первая на польском языке публикация Тойн ван Дейка, она, хотя и не дала большой резонанс в научных кругах, но, я полагаю, сыграла решающую роль для развития в нашей лингвистической науке такого направления, как дискурс-анализ. Принятие модели дискурс-анализа ван Дейка имело два важных последствия для развития у нас лингвистических направлений дискурс-анализа:

- *первое* – это обсуждение и использование методологического исследовательского аппарата исключительно для того, чтобы эффективно реа-

лизовать исследовательскую цель (Тойн ван Дейк неоднократно высказывался против какой-либо институционализации исследовательских направлений и их воспевания, что, по его мнению, превращает исследователей в научную секту) [2];

- *второе* – это фокус на идеологический анализ дискурса, а теперь и на критический анализ дискурса (КДА) [1].

Можно добавить, что модель дискурс-анализа Тойн ван Дейка не стала значимой для польских социологов, и это произошло, как я полагаю, в силу психологических (когнитивных) установок автора. Для наших социологов более приемлемыми оказались подходы, представленные в работах Фуко и Бурдье.

1. *Duszak A.* Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa. Warszawa, 1998.
2. Dyskurs jako struktura i proces / Van Dijk T. A. (red.). Warszawa, 2001.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

Дискурс в социологической и лингвистической традициях

В различных направлениях дискурс-анализа само *явление* ***дискурса*** трактуется по-разному и в соответствии с трактовкой по-разному изучается.

Общественно-научный дискурс-анализ (при сравнении подходов социально-политический дискурс-анализ, критический дискурс-анализ, дискурсная психология) рассматривает дискурс как явление, характеризуемое: (1) *языковой/речевой природой;* (2) его воздействующим эффектом на *социальное взаимодействие* и одновременной обусловленностью результата этого воздействия *контекстом взаимодействия;* и (3) результатом этого воздействия в виде системы социальных знаний и отношений (определенная *картина мира/реальности*). Основной акцент общественно-научный дискурс-анализ делает на реконструкции социального контекста и образа реальности.

В лингвистике понятие дискурса трактуется неоднозначно. Так, в «Основах теории дискурса» М.Л. Макаров делает обзор и классифицирует ***подходы*** к изучению дискурса, основываясь на тех аспектах, которые каждый из них ставил во главу угла. Он выделяет (1) формальный, (2) функциональный, (3) формально-функциональный и (4) деятельностный подходы.

Представители ***формально***-*ориентированной* лингвистики (Stubbs, Schiffrin, Steiner, Veltman, Stenström, Звегинцев) подходят к дискурсу как к речевой проекции языка, воплощенной в конкретных языковых единицах (предложениях).

Функциональный подход (Fasold; Brown, Yule, Schiffrin) ориентируется на речевую природу дискурса и предполагает исследование его форм (высказываний и их компонентов) через их соотнесение с функциями языка, т.е. соотносит дискурс с широким социокультурным контекстом.

В рамках ***формально-функционального*** подхода (Schiffrin, Clark, Renkema, Drew) подчеркивается собственная интенциональность и целостность (как формальная, так и функциональная) дискурса как совокупности контекстуализованных единиц употребления языка.

Как видно, формальный, функциональный и формально-функциональный подходы к дискурсу учитывают его содержательный (в рамках целостности и интенциональности) и контекстный компоненты, но через обращение к содержанию описывают языковые единицы.

Деятельностный подход к дискурсу вскрывает его языковой и речевой аспекты, определяя его как *речевую деятельность*, результатом которой является *текст* – языковой материал (В.В. Богданов, Д. Таннен, Л.В. Щерба и др.) в устной или письменной репрезентации. В.З. Демьянков в «Словаре англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста» (1982 г.) представляет дискурс как текстовую данность, которая обладает грамматической структурой (является последовательностью предложений), семантической структурой (обладает тематической цельностью), когнитивной структурой (конструирует общий для субъектов дискурса мир, «описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.д.»). Элементы дискурса в данном определении предстают содержательными категориями. Это «излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями». Дискурс как деятельность (помимо результата в виде текста) определяется и через *социальную* (коммуникативную), а также *когнитивную функции* в дефинициях В.Б. Кашкина и Н.Д. Арутюновой. В представлении последней дискурс – это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие», которое имеет место в рамках взаимодействия людей и участвует в механизмах их сознания. Таким образом, деятельностный подход к дискурсу выдвигает на передний план его содержательную составляющую (информационную и контекстную): через обращение к языку, отдельным языковым единицам, вскрывается то концептуальное и социальное, которое «предлежит» и «постлежит» речевой деятельности.

Подытоживая данный краткий обзор подходов к трактовке понятия **дискурс**, отметим, что лингвистический дискурс-анализ (так же, как и общественно-научный) признает *языковую/речевую природу* дискурса, его влияние на *социальное взаимодействие*, обусловленность *контекстом взаимодействия* и наличием результата такого воздействия в виде определенной *картины мира/реальности*, конструируемой дискурсом. Понятно при этом, что фокус лингвистического внимания смещен в сторону изучения языковых механизмов дискурса.

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

Интеграция парадигм и методов в дискурс-исследованиях

Вывод синтаксиса за пределы предложения в гиперсинтаксис (Палех), макросинтаксис (Тойн ван Дейк), синтаксис текста (Дресслер); выход в прагматику речи, а затем и речь как социальное действие (в контексте изучения перформативной стороны речи), интеграция гуманитарных исследований – это, на мой взгляд, не просто смена исследовательского объекта, и весьма четко очерченная смена доминанты, а именно: переход от лингвистики текста

к лингвистике дискурса. Соответственно лингвистика дискурса принесла с собой и новые методы познания объекта. Вместе с разведением понятий «текст», понимаемый как *структура*, и «дискурс», понимаемый как *актуализация этой структуры,* произошло и разведение методов анализа потенциального содержания (структура-фокусированный анализ) и актуального содержания (контекст-фокусированный анализ). Методический аппарат пополнился множеством частных методик, технологий, практик, сосредоточивших внимание исследователей вначале на расчленении исследовательского объекта (на основании семиотических и семиологических теорий содержания), а затем и на его интеграции – что есть содержание в своей функциональной данности.

Важно отметить, что параллельно дискуссиям «Что есть содержание текста/дискурса?» появляются дискуссии «Где оно?». При этом мы наблюдаем ту же последовательность действий ученых – от расчленения, разведения объекта на составляющие к единению и видению его в интегративном ключе. Так, вначале мы наблюдаем стремление отделить «содержание автора» от «содержания аудитории». Бенвенист определил дискурс как «речь, присваиваемую говорящим». В результате дискурс (*discours)* стал прочитываться в качестве авторского или субъективного повествования (иллокуция), а речь (*recit)* как речь, независимая от автора, как объективная данность (пропозиция). В результате такого деления дискурс-исследования обрели некую свободу концентрировать свое внимание на субъективном и, что важно в нашем контексте, не только авторском содержании, но и на содержании, которое рождается в аудитории. И уже затем это содержательное пространство, как бы делимое между адресантом и адресатом, начинает осознаваться и трактоваться, интерпретироваться в ключе движения коммуникантов навстречу друг другу, в ключе взаимодействия.

Все это говорит о неизбежности признания множества методов и методик, технологий, а значит, моделей дискурс-исследований. Добавим, что и саму перспективу лингвистических исследований в Лингвистическом энциклопедическом словаре Ю.С. Степанов определил как ***сочетание и комбинирование разных методов*** [1]. И именно такой подход мы наблюдаем в дискурслингвистике. Тенденция к сочетанию и комбинированию в ее логическом развитии приводит исследователей к такой методологической перспективе, как интегративная, которая, конечно же, не предполагает простое суммирование подходов, а именно синтез подходов, что помогает увидеть иное в исследовательском объекте, а, по существу, найти *новый предмет исследования.*

В контексте такого поворота дискуссии можно вновь обратиться к Лингвистическому энциклопедическому словарю, в частности, как этот словарь трактует понятие «методология» (статья Л.С. Мельничука). Так, словарная статья фиксирует, что исследовательская методологическая парадигма в любом случае обращается к трем уровням осмысления – **общефилософскому, общенаучному и частному**, являющемуся достоянием конкретной дисциплины. Понятно, что каждый из этих уровней за всю историю развития науки обогатился значительным набором исследовательских подходов. Однако в словаре самый высокий уровень – общефилософский – представлен лишь одним измерением – марксистским (что неудивительно, с учетом того, где и когда сло-

варь был издан). Данное измерение означало соподчинение лингвистической науки принципам и законам материалистической диалектики.

Сегодня, отказавшись от марксизма как от «единственно правильного подхода», мы вообще почти перестали говорить о высокой теории (в англоязычной традиции – перспективе, *perspective*), поставив на первое место общенаучную методологию, а порой и ее не касаемся, а обращаемся сразу к частной методологии, а точнее, к методикам, технологиям анализа. Означает ли это, что мы не пользуемся никакой методологией? Конечно, нет. Мы все равно находимся в той или иной перспективе, независимо от того, осознаем мы это или нет. А ведь осознание/неосознание есть факт свободы /несвободы ученого. Несвобода значит непонимание, почему я делаю так, а не иначе. Я это делаю лишь потому, что так делают другие ученые? А почему они делают именно так?

Я полагаю, что понимание приходит со знанием методологии, которая только и может выступать в качестве арбитра в научном споре. Решать спор на уровне выбора методик, равно как и на уровне определения выборки (какая лучше?), – бесперспективно.

Какие же общефилософские методологии имели место в истории научного познания? Хотя лингвистический словарь об этом умалчивает, нам важно это знать, ибо тогда мы лучше поймем, что находилось в то или иное время в фокусе внимания лингвиста-исследователя и что теперь находится в фокусе внимания, когда мы выходим на дискурс-перспективу.

Исторически мы говорим о существовании шести общефилософских методологий (теорий-парадигм): (1) ***холистическая парадигма,*** аристотелевская, видящая мир и познающего субъекта в единстве и взаимодействии; (2) ***позитивистская,*** отделяющая объективное от субъективного, факт от идеи о факте; абсолютизирующая факт; (3) ***интерпретативная***, игнорирующая факт (материю), абсолютизирующая идею; (4) ***критическая***, поднимающая на высоту абсолюта идею полезности и волю познающего и, главное, действующего субъекта к преобразованию мира; (5) ***постмодернистская***, по-своему уточняющая позиции «реальность-идеальность-волеизъявление» и выходящая на иные ценности бытия и познания, а именно: она переводит фокус внимания на субъективный опыт человека, на идею «плавающей» формы, имплицитное содержание (затекстовое), идею без формы, волю без субъекта (некое мистическое начало), переходит от поля реального, задающего референцию, к полю субъективному – виртуальному; (6) ***интегративная*** или *синергетическая* (обобщающая весь предыдущий опыт познания, сводящая разнодействующие, разнонаправленные силы в определенное единство, суть которого не простая сумма исходных величин, а новое разрешение, новая целостность).

Интегративная парадигма предполагает соучастие всех вышеназванных перспектив. Для познания реальности, включающей познание социальной реальности, необходимо многогранное видение изучаемого явления, нахождение места каждому из этих подходов в единой интегративной модели. В этой связи и сочетание количества-качества видится иным. Здесь ценность – во множественности методик, но и минимальности анализируемых текстов.

---

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1990. 685 с.

ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Дорота Бжозовска (Польша, Ополе)

Обыденный дискурс

Я думаю, что с помощью дискурс-анализа могут быть изучены различные аспекты социальной жизни, отражающиеся в языке. Больше всего меня интересует применение методов дискурс-анализа в изучении межкультурной коммуникации, стереотипов, идентичности, политической корректности, этнической принадлежности, сексуальности, проявлений сексизма и расизма. Сферой моего особого интереса является юмористический дискурс [1, 5] и общая теория вербального юмора [2].

Дефиниции юмористического дискурса могут быть сконструированы на основе предположений об определении дискурса, предложенного ван Дейком [3, с. 10], который утверждает, что самыми важными являются три измерения дискурса: а) использование языка; б) передача идей; в) взаимодействие в социальных ситуациях. Принимая во внимание эти факторы, я полагаю, что юмористический дискурс – это «тип коммуникативного события, в котором передаваемая идея принимает форму шутки (развлечения) (от латин. *ludus* – «игра, развлечение»), а целью взаимодействия является создание «сообщества смеха». Расширив это определение с учетом конструктивистского положения о дискурсе как «действии, которое постоянно формирует обсуждаемые объекты» [4], я полагаю, что польский юмористический дискурс влияет на формирование национальной идентичности, и это происходит, главным образом, из-за включенных в нее стереотипов. Эти вопросы детально исследованы в моей книге «Польская народная шутка. Стереотип и Идентичность» [6].

1. *Attardo S.* Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Anatysis. Berlin, 2001.
2. *Attardo S.*, *Raskin V.* Script Theory Revis(it)ed: joke similarity and joke representation model // Humor, 4-3. 1991.
3. Dyskurs jako struktura i proces / Van Dijk T. (red.). Warszawa, 2001.
4. *Foucault M.* Porządek dyskursu. Gdańsk, 2002.
5. *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht, 1985.
6. Polski dowcip etniczny. Stereotyp a tożsamość. Opole, 2008.

Михал Сарновски (Польша, Вроцлав)

Межкультурная интерференция; негативная коммуникация

Исследования, которые я последнее время веду и полагаю, что они весьма актуальны, касаются польско-русских и русско-польских культурных отношений. Моя задача инвентаризировать список феноменов русской ментальности (русских и советских явлений), которые как своеобразные прецедентные феномены бытуют в польском культурном пространстве. Приобретая в итоге изменений этих исходных русских концептов новую форму и новую семантику, они функционируют в совершенно других, уже типично польских контекстах и становятся польскими когнитивными феноменами. Приведу простейшие примеры. Есть такие всем известные русские явления, как «ванька-встанька»

и «матрешка». Эти русские прецедентные феномены (обозначающие то, что мы все знаем) вдруг в польских текстах начинают функционировать как концепты, при помощи которых называются уже сугубо польские явления. Для меня это новые исследования и я нахожусь на этапе поиска материала. Список русских или советских феноменов, которые начинают бытовать с новой семантикой в польском культурном и информационном пространстве, на сегодняшний день состоит из примерно 120 элементов. На каждый из этих элементов у меня имеется довольно большое количество примеров текстового употребления. Важным критерием отбора является то, чтобы при помощи русских понятий можно было говорить не о России, не о Советском Союзе, а о чем-то другом. Приведу пример: как-то в информации об Австралии и об отношениях между Британской Короной и Австралией вдруг Австралия называется Британской Сибирью. Это польское понимание того места, куда ссылали на каторгу. При помощи русского концепта «Сибирь», обработанного на основе нашей истории и нашего опыта, вдруг начинают говорить о совершенно другой части мира.

Другая проблема, которой, на мой взгляд, стоит заниматься, ибо она продолжает сохранять свою актуальность и сегодня, – конфликтные коммуникативные ситуации. Результат моей работы по данному направлению – издание книги «Пространство негативной коммуникации в русском и польском языках. Ссора как специфическая языковая ситуация». Мне показалось важным ввести новое понятие – «*пространство негативной коммуникации*». За этим понятием стоят нестандартные языковые ситуации, которые четко просматриваются на лексическом уровне и в польском и в русском языках. Это понятие помогает упорядочить определенную множественность составляющих данную коммуникативную ситуацию элементов и определить место *ссоре* между такими также коммуникативными событиями, как *драка* и *спор*. Отграничение ссоры от драки и спора помогает увидеть ссору как итог определенной деформации *просто* разговора, *просто* собеседования, проходящего по принципу face-to-face. Одним из показателей того, что деформация разговора приобретает уровень или форму уже ссоры, является утрата темы. Обычно получается так, что участники коммуникации как-будто забывают о том, что было темой их общения. Это, во-первых, а во-вторых, я пытался как-то разграничить ситуацию ссоры и спора, и разговора тоже, на сугубо языковом уровне. По-русски, например, ссора «из-за чего», а спор «о чем». Тут тоже можно искать определенные параметры, которые позволяют как-то противопоставить и контрастировать эти часто находящие друг на друга ситуации. Для меня отправной точкой был еще и просто посторонний обозреватель. В Польше это была первая книга, посвященная ссоре как специфической языковой ситуации.

Мартин Поправа (Польша, Вроцлав)
Политические теледебаты

Одной из самых интересных сфер исследования, представляющей, каким образом коммуникационные события создают (изменяют либо усиливают) сознание субъектов социальной коммуникации, являются **теледебаты поли-**

тиков [14, 7, 2, 10, 11, 12]. Потому что в них фокусируются те проблемы, которые для дискурс-анализа отражают самое важное измерение использования слов и текстов, кроме того, передачи, которые используют этот жанр, делают очевидными изменения, происходящие на уровне отношений «язык – СМИ – политика». Перечислю, а потом и коротко охарактеризую те факторы, которые на сегодняшний день значимы для политического дискурса в его широком понимании, и которые непосредственно влияют на структурный, прагматический и языковой уровени политических бесед в телестудии.

Расширение политической тематики в СМИ. Современные СМИ не только наметили границы постижения мира и создали формы интерпретации фрагментов действительности, но и стали также важной сферой конструирования знаний об общественной жизни. И потому можно смело повторить тезис многих исследователей пропаганды, который касается всеобщего социального мифа о СМИ как о репрезентанте «четвертой власти», о том, что институты массовой коммуникации создали и распространили эффективные модели влияния в сфере политики не только на уровне контроля решений политических деятелей, но и на уровне усиления массовых реакций и позиций, которые занимают граждане, создающие формы общественной жизни, пользуясь знанием символов, получаемых ими от СМИ.

Непосредственный контакт политических деятелей с гражданами. Современные публицистические программы, использующие иногда разные коммуникационные варианты (как, например, ток-шоу, интернет-чат, интернет-форум) и совершенствуемые с развитием техники, с одной стороны, служат представителям власти средством декларации, напоминания и утверждения своих взглядов, а с другой стороны, заменяют более старые формы общения правящих с управляемыми, классическими и культурновыразительными примерами которых были массовые собрания на греческом агоре либо на римском форуме, иногда оживающие в ритуализированных формах общественной жизни, например, во время митингов и предвыборных встреч.

Создание новых параметров политических дебатов. Опыт государств с развитой демократией показывает, насколько важную роль в календаре политических событий играют средства телевидения.

Яркие примеры дают не только дебаты кандидатов на самые важные государственные посты (особенно заимствованные из американской политической культуры столкновения кандидатов перед президентскими выборами), но также и разнообразие мнений их приверженцев и критиков, журналистов и экспертов, которые часто используют единичные встречи в СМИ с целью придать им новое значение и форму в виде полемичных статей, монографий и иных вариантов политического спектакля – и, таким образом, обозначить новые горизонты публичного дискурса [3, 9, 4, 5].

«Скрытая мода» на политический маркетинг. Теледебаты с участием политиков – о чем свидетельствует разнообразие программ в СМИ, которые создаются в этом жанре, – это уже не только одна из возможностей создания более привлекательного предложения зрителям различных каналов (общественных и частных), но также и определенным образом ритуализированная форма выражения связи между политической элитой и гражданами. Это так-

же эффективная и популяризируемая PR-агентствами (о чем свидетельствуют многочисленные исследования общественного мнения) форма осуществления политического маркетинга на более высоком организационном уровне, благодаря которому лица, связанные с миром политики, создают, укрепляют и поддерживают свой имидж, а часто также стараются произвести наилучшее впечатление на зрителя, как правило, унижая либо дискредитируя при этом на форуме своего оппонента.

Во многих исследованиях, посвященных социологии, политологии либо СМИ, теледебаты политиков воспринимаются как ритуализированное и привлекательное событие, вырастающее до уровня зрелища. Пользуясь повсеместно принятой в политологии и происходящей от общего анализа Э. Гоффмана (2002) перспективой описания политической и медиакоммуникаций как театральной сцены, можно согласиться, что в роли режиссеров чаще всего выступают журналисты (как реализаторы, хозяева и модераторы публичных дебатов), приглашающие к полемике политических деятелей, представляющих, как правило, различные идеологически точки зрения и уверенно позиционирующих свое негативное отношение к собеседникам.

Во многих современных публицистических передачах проявляется похожая схема коммуникации между журналистами и представителями политической элиты. С одной стороны, собеседники позиционируют себя в качестве вовлеченных в социально-идеологические дела представителей мира политики, пользуясь при этом коммуникативными стратегиями, имеющими большую самопрезентационную ценность, которая заключается в «символизме ролей» (например, трибун, моралист, защитник интересов общественности, комментатор политических событий, политический лидер и т. д.). Таким образом, пишет Рената Пшибыльска [13, с. 280], адресант такого публичного выступления, «как правило, не представляет только себя, и даже – прежде всего, свою партию либо свою программу, а в определенных условиях коммуникации стремится к тому, чтобы воплощаться в разных социальных ролях, надевать «маски», делающие актером, играющим определенную роль на политической сцене».

С другой стороны, в выступлениях дискутирующих проявляются типичные для поэтики беседы (интервью, дискуссии на публичном форуме) стратегии языкового поведения, которые можно назвать «коммуникационными ролями» (например, антагонист – протагонист в споре, модератор) [1, 8, 15]. Их часто используют в качестве средства манипуляции, которое служит политикам в целях дискредитации остальных собеседников (в том числе журналистов), а также в качестве скрытого репертуара коммуникационных приемов, служащих постоянному укреплению публичного образа (обоснованию своего присутствия на политической сцене) либо привлечению общественного мнения.

Особенностью сегодняшних публичных телепрограмм является то, что избыток коммуникативных стратегий, считающихся политиками средством самопрезентации и произведения впечатления на других (особенно на телезрителей), привел также к расшатыванию традиционных уровней коммуникации перед камерой и тем самым привычек адресатов. Стратегии самопрезентации, используемые политиками, часто приводят к нарушению непосредственного диалога между участниками дискуссии в телестудии. Такое явление возника-

ет в ситуации, в которой реально отсутствующий и призываемый участниками дискуссии телезритель становится главным адресатом их высказываний, а также воображаемым собеседником, арбитром в споре, а в первую очередь, постоянно создаваемым избирателем. Яркие примеры этого явления дают многочисленные выступления, в которых монолог доминирует над традиционным для схемы беседы диалогом. Политики, как правило, избегают ответов на острые вопросы своих собеседников, часто на их место подставляя эмотивные призывы, обращенные к телезрителям, либо языковые средства, напоминающие предвыборные слоганы. В результате образуется вторичная структура коммуникации, в которой, как выразил бы это Хеллвег, «диалог переходит из кадра в закадровое пространство».

На многих уровнях дискурса процесс достигает уровня, на котором изменяется сам жанр теледебатов, а также жанр беседы в условиях телестудии. Такие колебания в жанрах наблюдаются также на уровне глобальной и локальной организации бесед журналистов и политиков. Примером этого являются многочисленные попытки монологизации диалога (беседы), характеризующиеся многочисленными преградами на уровне связности высказываний, а также многочисленные попытки нарушения принципов содействия в переговорах. Общий хаос, в котором участвуют и журналисты, и политики, отражается в эмоциональных и стихийных попытках захватить голос, перекричать и вовсе не скрываемой склонности собеседников к использованию языковых средств оскорбления. Участники теледебатов (как политики, так и журналисты) лишь в малой степени поддаются очарованию публицистики, только внешне вовлечены в решение актуальных общественных и политических проблем; в то же время они охотно используют эфир для повторения своих взаимных предубеждений и негативной позиции относительно идеологических оппонентов. Источником же бурных споров являются не расхождения в оценке затронутых тем, а нескрываемая неприязнь по отношению к собеседникам и отказ им в праве высказывать свое мнение в дискурсе. Политики и журналисты в процессе беседы обмениваются между собой похожими стратегиями языкового поведения: провоцируют нелепыми репликами, бьются за право голоса, пренебрегая при этом правилами вежливости, либо придерживаясь их только внешне.

Теледебаты политиков все чаще появляются в сфере интересов языковедов и исследователей, представляющих разные методологические школы в сфере социальной коммуникации. Кроме исследований на тему изменяющихся коммуникативных стратегий и форматов СМИ (жанровых форматов) в коммуникации, в которой участвуют представители СМИ и политики, появляются монографии, где содержится анализ невербальных аспектов этой формы коммуникации [16]. Складывается впечатление, что в свете интегрированных исследований коммуникации разработка методики описания вербальных и невербальных явлений является для представленного в этом очерке фрагмента дискурса одним из наиболее важных постулатов.

1. *Awdiejew A.* Strategie konwersacyjne (próba typologii) //Socjolingwistyka. XI. 1991.
2. *Biniewicz J.* Rozmowy Tomasza Lisa z politykami – pragmatyka, struktura, język // Mechanizmy perswazji i manipulacji / G. Habrajska, A. Obrębska (red.). Łódź, 2007.
3. Rytualny chaos. Studium dyskursu publicznego / Czyżewski M., A. Piotrowski, S. Kowalski (red.). Kraków, 1997.

4. *Dobek-Ostrowska B*. Media masowe i aktorzy polityczni w świetle badań nad komunikowaniem masowym. Wrocław, 2004.
5. *Fras J*. Komunikacja polityczna. Wrocław, 2006.
6. *Goffman E*. Człowiek w teatrze życia społecznego. Warszawa, 2002.
7. *Jachimowska K*. Tekst jako element komunikatu telewizyjnego. Łódź, 2005.
8. *Kita M*. Wywiad prasowy. Język – gatunek – interakcja. Katowice, 1998.
9. *McNair B.* Wprowadzenie do komunikowania politycznego. Poznań, 2007.
10. *Poprawa M*. Scenariusze komunikacyjne „konfliktu" i „pozornej kooperacji" w telewizyjnej debacie polityków // Oblicza komunikacji 1. Perspektywy badań nad tekstem, dyskursem i komunikacją. T. 1 / I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Zaśko-Zielińska (red.). Kraków, 2006.
11. *Poprawa M*. Zakłócenia konwersacyjne w telewizyjnych dyskusjach polityków // Style konwersacyjne / B. Witosz (red). Katowice, 2006.
12. *Poprawa M*. Telewizyjne debaty polityków jako przykład dyskursu publicznego. Kraków, 2009.
13. *Przybylska R*. Jak stworzyć typologię wystąpień publicznych // Język a Kultura / A. Dąbrowska (red.). T. 20, Tom Jubileuszowy. Wrocław, 2008.
14. *Trysińska M*. Jak politycy komunikują się ze swoimi wyborcami? Warszawa, 2004.
15. *Wojtak M.* Gatunki prasowe. Lublin, 2004.
16. *Załazińska A.* Niewerbalna struktura dialogu. Kraków, 2006.

Людмила Курчак (Беларусь, Минск)

Дискурс переговоров

Я полагаю, что сегодня весьма актуальны исследования дискурса деловых переговоров. Сфера бизнеса относится к числу наиболее значимых областей общественной жизни. Экономические и социальные условия выдвигают на первый план необходимость повышения уровня коммуникативной компетентности как у представителей бизнеса, так и у населения в целом, что привело к рождению нового научного направления – *бизнес-коммуникации*. Эффективная коммуникация очень важна для успеха в современном деловом мире, так как, *во-первых*, решение многих задач в бизнесе строится на непосредственном взаимодействии людей в рамках различных ситуаций. *Во-вторых*, деловая коммуникация является лучшим способом обсуждения и решения вопросов.

Бизнес-коммуникации представляют собой составную часть маркетинга, они являются связующим звеном как между элементами внутри производственно-хозяйственной системы, так и вне ее – между данной системой и элементами внешней среды. Когда речь заходит о международном маркетинге, имеют место международные бизнес-коммуникации. К задачам непосредственно международных бизнес-коммуникаций относится активизация таких сопутствующих направлений, как *рекламная деятельность, связи с общественностью, спонсорство* во всех его проявлениях (включая спонсорство в контексте предоставления деятельности или продукту имени известных лиц или наименования бренда), а также *техническая и коммерческая документация, установление связей и контактов* посредством участия в ярмарках, международных салонах, *проведение деловых встреч и переговоров*.

Количественное увеличение международных переговоров по различным политико-экономическим и социальным вопросам, качественное усложнение характеристик и типов международных переговоров, интернационализация международных проблем, проникновение международных переговоров во все сферы и аспекты взаимодействия в системе международных отношений – все

эти факторы влияют на то, чтобы признать *переговорную деятельность* значимой составляющей жизни современного делового сообщества. В нашей стране проблемы структуризации деловых переговоров и формирования лингвистической компетенции участников переговорного процесса оказались в центре внимания ученых лишь последние десять лет.

Меня интересует изучение *лингвистической составляющей переговорного процесса,* анализ *организации содержания* и представление целостного описания дискурса переговоров, т.е. ***описание переговоров как особого типа дискурса.*** Мне показалось интересным и актуальным соединение нескольких теорий содержания и анализа дискурсного пространства для изучения этого вопроса. Так, в фокусе моего внимания – *прагма-диалектическая теория аргументации* и *каузально-генетическая теория содержания дискурса.* Интересно, что эти направления, несущие актуальное сегодня дискурс-знание, хотя и родились в разных традициях дискурс-исследований, имеют точки пересечения, позволяя под разным углом зрения увидеть изучаемый объект. Параллельно я открыта возможности привнести в исследование и другой опыт изучения дискурса, полагая, что сегодня много интересного в этом плане можно найти не только в теориях аргументации и содержания, но и в неориторике, прагматике и прагмалингвистике, качественной социологии и социолингвистики, когнитивистике, теории коммуникации, общей теории дискурса, общей теории переговоров и деловой коммуникации, а также межкультурной коммуникации.

Примерный перечень задач, решение которых мне видится актуальным сегодня в контексте моего исследования, – это понимание того, как манифестирует себя социальный контекст в процессе функционирования дискурса переговоров, какие составляющие содержания становятся ведущими, а какие уходят на периферию в процессе ведения переговоров, как быстро может меняться та или иная модель коммуникативного поведения участников переговоров, какие модели общения в целом характерны для данного типа дискурса, возможно что-то еще.

Элеонора Лассан (Литва, Вильнюс)

Политическая корректность

Что актуально сегодня изучать? Литовская тема – политкорректность. Франция объявила Литву ксенофобной страной. Пример: недавно состоялся футбольный матч «Литва – Франция». Литовские болельщики вышли с лозунгом «Добро пожаловать в Европу!» ... – потому что французская сборная состояла из чернокожих.

В сегодняшних публикациях для меня слишком много слова «дискурс». «Дискурс» правомерен только тогда, когда весь анализ ведет к раскрытию *сознания, стоящего за ним*. Тогда мы можем разграничить «дискурс» и «текст». И тогда получаются действительно интересные, актуальные сегодня исследования.

Татьяна Скребцова (Россия, Санкт-Петербург)
Критичность

Сегодня актуальны публикации, в которых бы был не просто дескриптивный материал, будь то концептуальная метафора в политическом дискурсе или что-то еще. Важно, чтобы материал был бы подан с четкой критической интерпретацией, с ответами на вопрос «Почему это так? К чему это ведет?».

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)
Дискурс-компетенция

Я полагаю, что помимо общественно-политических направлений исследования дискурса (политический дискурс, лингвистика лжи, дискурс консолидации, конфронтации, лоббирования и т. п.) нужно обратить внимание на такие прикладные вопросы дискурс-исследований, как «эффективный коммуникант» и «эффективное взаимодействие в различных субъект-субъектных ситуациях, например, в академической среде: учитель-студент, студент-студент, студент-книга». Формируя у студентов языковую и речевую компетенцию, мы готовим грамотных коммуникантов, а формируя у них ***дискурсную компетенцию*** (не дискурсивную, которая ориентирует студентов на порождение целостных текстов, а дискурсную, которая учит видеть коммуникантов – адресанта и адресата – в непосредственном единстве, причем коммуниканты видят не только текст, но и себя в нем), мы готовим ***эффективных коммуникантов***. Эффективный коммуникант – это тот, кто понимает тех, с кем общается, а не просто ждет, чтобы понимали только его; это коммуникант, формирующий субъектную ситуацию общения, строящий взаимоотношение с аудиторией. Еще вчера это не считалось важным, а сегодня многие начинают рассматривать грамотность как *триединство* этих составляющих. Лингвистика – это один из источников методики преподавания языков. Понять новую страницу развития лингвистики означает поднять на новый уровень и процесс преподавания языка, и само языкознание.

Елена Савич (Беларусь, Минск)
Метарефлексия

Когда мы говорим об актуальных вопросах дискурс-исследований, мы неизбежно обращаемся к материалу и типу дискурса – что именно и какой тип дискурса сегодня актуальны для общества, значимы для науки? Однако, я полагаю, что среди актуальных, значимых может быть и вопрос сугубо теоретического плана. Приведу пример.

Тезис о том, что дискурсы (тексты и их интерпретации) формируются социальной реальностью и циркулирующими в ней идеологиями, берет свое начало в лингвистической и риторической теории о роли референции в продукции и интерпретации дискурса. И *восточная* и *западная* ***лингвистические традиции*** сходятся в том, что дискурсы отражают уже существующий поря-

док вещей и соответствуют устоявшимся нормам, в том числе и правилам построения текстов. Какой же *тезис* противостоит этой традиции? И здесь мы обращаемся к новым лингвистическим теориям, рожденным уже в XX веке. Среди основателей таких теорий – Бюрк, Сэпир, Уорф, Фуко (Burke 1945, Sapir 1949, Whorf 1941, Foucault 1980), список можно продолжить. Новые теории не разрушают традицию. Они лишь предлагают убедиться также и в истинности обратного: социальное пространство формируется (!) дискурсами. Сегодня для нас и это направление теоретической мысли видится как наследие, как еще одна традиция.

Я полагаю, что актуальными для лингвистики дискурса являются также дальнейшая работа над осмыслением теоретического наследия разных традиций и поиск своего лица в XXI веке.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Объективно существующее многообразие трактовок понятия «дискурс», обсуждаемое на первом заседании *круглого стола*, привело к тому, что вольно или невольно участники стали обращаться к этому многообразию трактовок, проводить своего рода инвентаризацию подходов, сравнивать это понятие с близкородственными.

Так, было построено своего рода лексико-семантическое поле понятия «дискурс», куда, *с одной стороны,* вошел целый блок коллокативных единств, как то: (1) *некий* дискурс (нарративный, академический, танцевальный, философский, любовный, образовательный, постмодернистский, гражданский, общественный, религиозный, социальный и политический, старопольский, медийный, феминистский, гендерный); (2) дискурс *в чем-то* (в социологии, литературе или дидактике); (3) дискурс *о чем-то* (о культуре, о рационализме, о встрече); (4) дискурс *с чем-то* (с философией); (5) дискурс *чего-то* (газетных новостей); (6) дискурс, *представленный субъектом* (взявшим на себя роль); (7) *нечто* в дискурсе (культура, точка зрения); (8) *нечто* дискурса (анатомия, грамматика, порядок, теория, перспективы, разнообразие); (9) дискурс и нечто (напр., археология, критика). Таким образом, определился круг возможных *объектов* дискурс-знания и дискурс-исследований.

С другой стороны, вошедшие в лексико-семантическое поле понятия «дискурс» лексические единицы определили круг возможных *предметов* дискурс-знания и дискурс-исследований. Это: (1) общение, коммуникация, процесс и результат общения, жанр, вид общения, вид деятельности, структура (формат) вербальной деятельности; (2) разговор, дискуссия, аргументация (дискуссия на академические темы), исследование, основанное на строгой логической аргументации, процесс доказательства; (3) объект, материальное воплощение деятельности; (4) поле деятельности, интердисциплинарное поле (несущее печать не одной, а целого ряда социальных и гуманитарных наук, которые изучают речь, ее содержательный потенциал и реализацию этого потенциала); (5) речь, слово, предложение, текст; (6) использование языка или любое использование языка продолжительностью больше, чем одно предложение; (7) сама мысль, предмет разговора; содержание в единстве с его контек-

стом; (8) дискурс, дискурсы, дискурсии, дискурсные практики; (9) интегративная функциональная данность, потенция; (10) мера (промежуток времени).

Участниками были выделены самые популярные термины, сопровождающие публикации об анализе дискурса, – современный, когнитивный, критический; а также самые востребованные сегодня направления – когнитивный анализ и критический дискурс-анализ.

Констатируя поистине огромный диапазон значений и словосочетаний, которые оказываются вполне приемлемыми для употребления сегодня слова «дискурс», участники *круглого стола* отнюдь не сетовали на проблему размывания самого термина. По всей вероятности, вопрос здесь совершенно в другом. Мы наблюдаем замену одной лингвистической парадигмы другой – **на смену лингвистики текста приходит лингвистика дискурса**, а значит, требуется пересмотр наполнения далеко не одного термина «дискурс». Мы полагаем, что речь идет о пересмотре всей ключевой терминологической базы лингвистики.

Отсюда становятся актуальными вопросы пересмотра и обновления методологического аппарата, инвентаризации новых подходов, исследовательских групп, лингвистических школ, развивающих дискурс-теорию и практику дискурс-анализа. На данном заседании *круглого стола* вопрос о методологических основаниях дискурс-исследовательского направления был затронут лишь в общих чертах в качестве старта для следующего заседания и с целью привлечения внимания собравшихся к вопросу о том, каково место теории в наших дискурс-исследованиях и насколько она нам нужна, а также насколько актуальна идея самоопределения и интеграции лингвистов, причастных к новому витку развития лингвистической науки.

2
ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ГРУППЫ И ОБЪЕДИНЕНИЯ

Второе заседание *круглого стола* привлекло внимание участников к вопросам необходимости более четкого самоопределения, а точнее, самоидентификации ученых и тех исследовательских групп, которые непосредственно работают в таком весьма обширном и достаточно противоречивом поле, как дискурс-теория и практика дискурс-анализа.

Актуальность самоопределения связана со многими факторами, среди которых и интердисциплинарные корни данного направления лингвистики, и факт существования множественности методологических установок, методик, технологий, приемов анализа и, конечно, неумолимость самого хода развития науки. Однако при этом многие исследователи не видят необходимости описания используемых аналитических процедур даже тогда, когда выносят их на интердисциплинарную, разноуровневую, международную аудиторию, оставляя эту информацию по умолчанию. Есть и такие исследователи, которые полагают, что самоопределение должно идти по пути отрицания других подходов, а не поиска того, как оптимизировать описание своего подхода. В результате представители различных направлений дискурс-анализа выходят на изначально неконструктивный диалог, а порой и прямой конфликт (как это до сих пор имеет место в диалогах представителей качественной и количественной исследовательских парадигм, обсуждающих корректность/некорректность исследовательской выборки (корпуса текстов). Отметим еще один фактор актуальности самоопределения ученых, работающих в этом поле – фактор постоянного поступательного движения внутри устоявшихся научных школ. Сам ход развития дискурс-знания показал невозможность удержать в едином пространстве любой национальной научной школы все многообразие направлений и, конечно же, открытое множество значимых персоналий. Пример тому Франция. Мы все еще продолжаем говорить *французская школа дискурс-анализа*, отдавая дань стране-основателю дискурс-анализа. Однако в реальности единой французской школы дискурс-анализа давно уже нет (это реалия уже сугубо историческая, но не внутри ее самой). Путь специалистов этой страны к определению своего внутреннего потенциала прошел через создание первого (!) словаря дискурс-анализа, который стал научным событием Франции в начале нашего века (Dictionnaire D’analyse du Discours).

Дискурс-наука восточной части Европы уходит своими корнями в глубь центрально-европейской, что не противоречит тому факту, что у нее может быть и есть свое лицо, свои наработки, свои подходы. И это интересная задача – открывать для других, а в равной степени и для себя, то, что может предложить сегодня наше научное сообщество.

Итак, цель нашего второго заседания – оттолкнуться от ключевых методологических оснований и провести (насколько это возможно в рамках данного формата) своего рода инвентаризацию подходов, способствующих обретению дискурс-знания в обозримом нами пространстве. При этом мы не ставим никаких глобальных задач. Это задача других форматов общения. Мы же продолжаем общение в рамках *круглого стола.* И здесь интересно будет познакомиться с сообщениями-обзорами и поразмышлять, какие же направления дискурс-исследований непосредственно затребованы сегодня нашими коллегами, а какие мы выбираем для себя сами, что сделано для их развития, к каким результатам мы пришли, в каких публикациях с ними можно познакомиться.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ: ПОЛЬША И БЕЛАРУСЬ

Дорота Бжозовска (Польша, Ополе)

Исследования дискурса в польском языкознании

В польской лингвистике, которая представляет для меня наибольший интерес, дискурс появляется в конце XX столетия, хотя область исследований, называемая ***дискурсными исследованиями***, признана сегодня областью работ по ***текстологии*** и ***генеалогии***. Впервые этот термин появился в работах по зарубежной филологии у ученых, которые имели систематический доступ к иностранной литературе – в особенности к работам по дискурсу на английском, французском и немецком языках.

Польский перевод сборника научных работ под редакцией ***ван Дейка*** [9], несомненно, внес вклад в популяризацию термина и соответствующих исследований на кафедрах польской филологии. В одном из самых важных современных лингвистических исследований [3] дискурс практически не упоминается, а всего через несколько лет этот термин станет ключевым словом в многочисленных польских публикациях по гуманитарным дисциплинам.

Первыми работами в области лингвистических дискурс-исследований были работы ***Янины Лабоха*** [16], ***Станислава Грабяса*** [13] и ***Анны Душак*** [10], в которых представлена история и эволюция термина, начиная от оппозиции *анализ дискурса* (как разговорного языка) – *анализ текста* (ассоциирующегося с письменными формами), или восприятия дискурса как «коммуникативного процесса» и текста как «продукта этого процесса», или дискурса как «свидетельства коммуникативной компетенции» и текста как «свидетельства языковой компетенции» до, наконец, взаимозаменяемости терминов «текст» / «дискурс» [19], и признания того, что дискурс «позволяет пересечь границы текста» [10, с. 20; 16, с. 51]. Воспринимая дискурс как «стандарт и стратегию,

используемые в процессе создания текста и высказывания», с учетом, что этот стандарт создают социальные и культурные паттерны и его результатом является текст или высказывание со специфическими жанровыми характеристиками, – в этой концепции ясно видна ссылка на теорию речевых жанров ***Бахтина*** [1]. Вслед за ван Дейком Грабяс также утверждает, что дискурс – это речевое поведение, форма которого зависит от того, кто с кем разговаривает, в какой ситуации и почему [13, с. 264]. Таким образом, дискурс охватывает уровень психосоциальных и социальных феноменов, а также уровень языка как семиотической системы. В определении дискурса, которое предложила Душак (Duszak) [10, с. 20], место стандарта занимает прототип текста, коррелирующий с прототипом ситуации.

С позиции здравого смысла определение дискурса относится к употреблению языка, устной речи и способам высказывания. Оно также может относиться к концепциями и идеям, которые выражает говорящий. Во избежание неясности в употреблении термина в значении идей или идеологии используется термин «порядок дискурса» (order of discourse). В настоящее время опубликовано много работ по различным дисциплинам, где в названии используется слово «дискурс», как, например, работы ***Клоха*** и ***Пекота*** [15, 18], причем термин используется в ряде различных значений. Ван Дейк [9, с. 10] выделяет три различных измерения дискурса: а) использование языка; б) передача идей; в) взаимодействие в социальных ситуациях. Термин «дискурс» относится к 1) единичному случаю коммуникативного события; 2) событию в целом; 3) типу событий [19, с. 67]. Неопределенность понятия «дискурс» позволяет нам использовать его очень специфичным способом, со ссылкой на отдельный специфичный образец текста или на образец высказывания [9, с. 12]. Мы также можем использовать его в общем и абстрактном значении – как коммуникативное событие или говорение, относящееся к определенным типам использования языка или социальных областей дискурса (политический и юмористический дискурс).

С точки зрения ***конструктивизма***, дискурс воспринимается как «действие, которое постоянно формирует обсуждаемые объекты» [12]. Этот подход предполагает конструирование реальности и делает акцент на роль отношений власти, а также на принятие того факта, что субъекты, обладающие властью, имеют возможность определять, описывать, объяснять и конструировать мир языковыми средствами своим собственным способом и для достижения своих собственных интересов.

Популярность ***критического дискурс-анализа*** (КДА) в польских исследованиях также возрастает. КДА берет начало в постмодернизме и постструктурализме, и разделяет убеждение о том, что не существует независимого восприятия, стабильной идентичности или объективной истины. Все они сконструированы, поэтому задача исследователя – выявить способ этого конструирования. Результаты качественных исследований, проведенные в русле КДА, не претендуют на истину для всех. Напротив, подчеркивается, что выводы исследований можно отнести только к специфичной (анализируемой) группе и специфичному контексту. Если мы предположим, что различные реципиенты привносят свои предположения и мнения в декодирование значений текста,

мы должны принять во внимание множество различных интерпретаций. Сторонники КДА признают, что ищут идеологию, рассматривая дискурс с точки зрения идеологии. Однако рассматривая дискурс и коммуникацию как фундаментальный интерактивный феномен, мы должны принять во внимание тот факт, что и наблюдатель, и исследователь – это всегда субъекты, репрезентирующие определенные ценности, даже если они не говорят о них прямо.

В Польше отдельные академические центры работают в русле несколько отличающихся друг от друга традиций дискурс-исследований. Представители различных школ встречаются на польских и международных конференциях, разрабатывают общие методы и проекты или участвуют в совместных публикациях. Специфические особенности школы обычно сохраняются, а различия касаются распределения фокуса внимания, выбора ***тем и методологии*** исследования.

Люблинская этнолингвистическая школа. Одна из наиболее крупных и развитых польских школ – Люблинская школа – основана профессором ***Ежи Бартминьским***, исследующим языковую картину мира. Люблинская этнолингвистическая школа проводит исследования в русле антропологической лингвистики и когнитивной этнолингвистики. Первоначальная специализация школы – диалектология и фольклористика, изучавшиеся с позиций антропологической культурной лингвистики и московской школы. Так, были опубликованы исследования по польскому фольклорному языку, языку и поэтике фольклорных текстов [2] (пробный выпуск в 1980 году), а также так называемые «культурные серии» совместно с Вроцлавскими «белыми» сборниками Język a kultura (Язык и культура) как результат встреч в рамках одноименного польского семинара. С 1988 года в Люблине публикуется ежегодный журнал “Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury” (Этнолингвистика. Проблемы языка и культуры). Начиная с 16-го тома (2004 год) это издание стало печатным органом Этнолингвистической комиссии Международного комитета славистов и Этнолингвистической комиссии лингвистов Польской академии наук. В настоящее время ведутся исследования по общим вопросам польского языка, разговорному языку и его внутреннему разнообразию с учетом сравнительного, интралингвистического и интракультурного аспектов.

Одним из исследовательских методов школы является ***профилирование***. В подходе, который несколько отличается от исследований Лангакера и пропагандируется Ежи Бартминьским и его коллегами, этот метод воспринимается как «способ представления объекта с различных точек зрения, понятие формируется в зависимости от отношения к нему определенного субъекта». Профили – это «варианты значений, данных субъективно, они появляются из субъективной концептуализации такого же объекта» [8].

Степень типичности концептуализации (которая совершается в так называемом опытном фрейме) – это социальная повторяемость и возможность декодировать утверждения участников, принадлежащих к одному и тому же сообществу. Концептуализация зависит, среди прочего, от так называемой точки зрения, которая является «субъективным и культурным фактором, определяющим, как говорится об объекте». Точка зрения в значительной мере зависит от ситуации говорящего (политической, экономической, культурной

ситуации). Категоризация совершается в рамках так называемых когнитивных домен, то есть соответствующих областей концептуализации, по отношению к которым определяются семантические структуры, содержащие понятия и типы опыта [17].

1. *Bachtin M.* Estetyka twórczości słownej. Warszawa, 1986.
2. Słownik stereotypów i symboli ludowych (zeszyt próbny) / J. Bartmiński (red.). Lublin, 1980.
3. Współczesny język polski / J. Bartmiński (red.). Lublin, 2001.
4. *Bartmiński J.* O profilowaniu i profilach raz jeszcze // O definicjach i definiowaniu / J. Bartmiński, R. Tokarski (red.). Lublin, 1993.
5. *Bartmiński J.* Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu // Etnolingwistyka. T. 16. 2004.
6. *Bartmiński J.* Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2006.
7. *Bartmiński J.* Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne. Lublin, 2007.
8. *Bartmiński J., S. Niebrzegowska.* Profile a podmiotowa interpretacja świata // Profilowanie w języku i w tekście / J. Bartmiński, R. Tokarski (red.). Lublin, 1998.
9. Dyskurs jako struktura i proces / Van Dijk T.A. (red.). Warszawa, 2001.
10. *Duszak A.* Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa. Warszawa, 1998.
11. Etnolingwistyka / J. Bartmiński (red.). Lublin.
12. *Foucault M.* Porządek dyskursu. Gdańsk, 2002.
13. *Grabias S.* Język w zachowaniach społecznych. Lublin, 1997.
14. Język a Kultura / A. Dąbrowska (red. serii). T. 1–21. Wrocław.
15. *Kloch Z.* Odmiany dyskursu. Semiotyka życia publicznego w Polsce po 1989 roku. Wrocław, 2006.
16. *Labocha J.* Tekst, wypowiedź, dyskurs // Styl a tekst / S. Gajda, M. Balowski (red.). Opole, 1996.
17. *Langacker R.W.* Wykłady z gramatyki kognitywnej. Lublin, 1995.
18. *Piekot T.* Dyskurs polskich wiadomości prasowych. Kraków, 2006.
19. *Żydek-Bednarczuk U.* Wprowadzenie do lingwistycznej analizy tekstu. Kraków, 2005.

Мартин Поправа (Польша, Вроцлав)

Исследования публичного дискурса в польском языкознании

Исследования политического дискурса пользуются в польском языкознании большим интересом и все чаще обретают вид интердисциплинарных [7]. Во многих монографиях успешно описаны стратегии языкового поведения, используемые в целях пропаганды в условиях меняющейся историко-системной реальности, охарактеризованы также «знаменательные слова» (дискурсные символы, идиолекты) [9, 5, 1] и аксиологический объем текстов различных политических группировок. Кроме того, развернуты исследования в сфере реконструкции наиболее важных средств убеждения (манипуляции), используемых для нужд разнообразных общественных практик коммуникации [2, 6]. Постоянной популярностью пользуются исследования, в которых традиционная лингвистика совмещается с распространенным в Польше критическим дискурс-анализом [3, 4] по таким тематическим исследованиям, как идеологизация пространства массовой коммуникации, социальная и культурная самоидентификация общества, зафиксированная в языковых образах, вербальное насилие и агрессия в общественной жизни, вербальные и невербальные коммуникационные стратегии, используемые субъектами общественной жизни в целях пропаганды, создания публичного (медиа) образа, либо образа в политической борьбе.

1. *Bralczyk J.* O języku polskiej polityki lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych. Warszawa, 2003.

2. Zmiany w publicznych zwyczajach językowych / J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska (red.). Warszawa, 2001.
3. Dyskurs jako struktura i proces / T.A. Van Dijk (red.). Warszawa, 2001.
4. Krytyczna analiza dyskursu. Interdyscyplinarne podejście w komunikacji społecznej / A. Duszak, N. Fairclough (red.). Kraków, 2008.
5. *Fleischer M.* Teoria kultury i komunikacji. Wrocław, 2002.
6. Mechanizmy perswazji i manipulacji / G. Habrajska, A. Obrębska (red.). Łodź, 2007.
7. *Kamińska-Szmaj I.* Agresja językowa w życiu publicznym. Leksykon inwektyw politycznych 1918–2000. Wrocław, 2007.
8. Oblicza komunikacji 1. Perspektywy badań nad tekstem, dyskursem i komunikacją / I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Zaśko-Zielińska (red.). T. 1. Kraków, 2006.
9. *Pisarek W.* Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność. Kraków, 2002.

Рафал Зимны (Польша, Быдгощ)

Исследования публичного и городского дискурсов в университете Казимира Великого (Польша)

Языковеды-полонисты Института Польской филологии университета Казимира Великого (г. Быдгощ) не образуют единой школы исследования дискурса, однако работают именно в этом направлении. Так, изучение дискурс-проблематики ведется учеными двух кафедр – журналистики и социальной коммуникации (под руководством профессора Эльжбеты Лясковской) и стилистики и языковой прагматики (руководит профессор Малгожата Свентицка).

Коллектив профессора Э. Лясковской (Гражина Савицка, Люцина Сополиньска, Веслав Чеховски) ведет исследования проблем, прежде всего, касающихся **публичного дискурса**, в основном **парламентского** [1], а также анализа стратегий аргументации (В. Чеховски), метадискурсивных операторов в разговорной речи (Л. Сополиньска), анализа отношений между языком и традицией [2].

Методологические основы этого коллектива определяются встречей двух парадигм. С одной стороны, **прагмалингвистической парадигмой**, согласно которой дискурс понимается как «последовательность проявлений языкового поведения, объединенных темой, целью и способом построения высказывания. Тема, способ и цель обусловлены, в свою очередь, стилем, жанром речи и коммуникационной ситуацией» [1, с. 14]. С другой стороны, **концепцией коммуникационной грамматики**, разрабатываемой около 10 лет Алексеем Авдеевым (Краков), Гражиной Хабрайской (Лодзь) и Э. Лясковской (Быдгощ). Авторы ссылаются на идеи Майкла Холидея и выделяют при описании языка 3 уровня: (1) идеативный, касающийся содержания; (2) интерактивный, включающий анализ интенций речевых актов; (3) метадискурсивный (организация дискурса в аспекте взаимодействия сообщений, одинаковых по содержанию и одинаковых по интенциям).

На каждом из вышеперечисленных уровней функционируют конкретные операторы (языковые единицы), описание которых является главным предметом исследований коллектива коммуникационной грамматики [3, 4, 5]. Методология **коммуникационной грамматики** используется в дидактической работе, проводимой на занятиях специальности «социальная коммуникация», особенно на занятиях языковой коммуникации и языка во взаимодействии.

На кафедре стилистики и языковой прагматики осуществляются исследования разных типов дискурса, в основном **городского, рекламного и политического**. На протяжении нескольких лет кафедра организует конференции и издает серию книг «Польский язык жителей Быдгоща», целью которых является многоаспектное описание польского языка города [11, 8, 7, 9, 6, 10]. В этом направлении возможно выделить работы, посвященные описанию **городского дискурса** (в основном Быдгоща), который понимается как географически обусловленная совокупность разнообразных высказываний, касающихся данного города, выявляющих характерное ему языковое поведение, системы ценностей (в том числе авто- и гетеростереотипы), картины действительности. Городской дискурс в таком понимании реализуется в различных типах высказываний: в литературе, прессе, интернете, кабаре, а также, например, в городском граффити.

1. *Laskowska E.* Dyskurs parlamentarny w ujęciu komunikacyjnym. Bydgoszcz, 2004.
2. *Sawicka G.* Język a konwencja. Bydgoszcz, 2006.
3. *Awdiejew A., Habrajska G.* Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej. T. I. Łask, 2004.
4. *Awdiejew A., Habrajska G.* Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej. T. II. Łask, 2006.
5. *Habrajska G.* Komunikacyjna analiza i interpretacja tekstu. Łódź, 2004.
6. Miasto 2. Przestrzeń zróżnicowana językowo i kulturowo / M. Święcicka (red.). Bydgoszcz, 2008.
7. Miasto. Przestrzeń zróżnicowana językowo i kulturowo / M. Święcicka (red.). Bydgoszcz, 2006.
8. Polszczyzna bydgoszczan 2. Historia i współczesność / M. Święcicka (red.). Bydgoszcz, 2005.
9. Polszczyzna bydgoszczan 3. Historia i współczesność / M. Święcicka (red.). Bydgoszcz, 2007.
10. Polszczyzna bydgoszczan 4. Historia i współczesność / M. Święcicka (red.). Bydgoszcz, 2009.
11. Polszczyzna bydgoszczan. Historia i współczesność / M. Święcicka (red.). Bydgoszcz, 2003.

Анна Маркович (Беларусь, Минск)

Исследования дискурса в Минском государственном лингвистическом университете (Беларусь)

Проблематика дискурс-исследований в Беларуси весьма актуальна и не только для лингвистов, но и в контексте исследований других гуманитарных и социальных наук. В частности, интересные работы представлены сегодня учеными Беларуси, занимающимися вопросами истории, психологии, социальной работы, философии, качественным направлением социологии. Но мне хотелось бы сосредоточить свое внимание на исследователях-лингвистах, в частности, на работах лингвистов, работающих в Минском государственном лингвистическом университете, аспирантуру которого я в свое время закончила. Мое внимание к этому высшему учебному заведению вызвано тем, что оно представлено большинством направлений дискурс-исследований и очень активно работает в последнее время над развитием данного направления лингвистики. Так, среди работ этих ученых можно выделить такие подходы, развивающие практику и теорию анализа дискурса, как коммуникативный, семиотический, когнитивно-дискурсивный, дискурсивно-диалогический, интегративный и каузально-генетический.

В контексте развития ***коммуникативного подхода***, объединяющего дескриптивный анализ дискурса и прагматические исследования, последовательно учитывая коммуникативную и прагмалингвистическую стороны ре-

чевого взаимодействия, следует назвать работы представителей факультета французского языка А.Н. Степановой, В.В. Макарова, Т.С. Николиной [28, 18, 19, 20, 21].

Дескриптивный дискурс-анализ восходит к классической методике риторического анализа публичных выступлений, лингвистике текста и теории коммуникации. В современной лингвистике один из аспектов дескриптивного подхода связан с изучением языкового поведения: языковых средств, риторических приемов и манипулятивных стратегий. В рамках дескриптивного направления изучаются ситуация общения, коммуникативные ограничения, налагаемые на реализацию дискурса, дискурсивные жанры, коммуникативная компетенция, дискурсивные стратегии, соотнесение дискурсивных форм с коммуникативными нормами. И здесь следует назвать работы представителей английского факультета Т.В. Поплавской, Е.Г. Задворной, Т.П. Карпилович, Н.Е. Сычевской, а также ранние работы И.Ф. Ухвановой-Шмыговой, работавшей какое-то время на этом факультете [23, 24, 9, 10, 11, 12, 13, 27].

Семиотический анализ дискурса всегда оставался здесь хоть и немногочисленным, но в то же время значимым направлением исследований. Развитие подхода к изучению дискурса как знаковому образованию, изучение его знаковой организации, внимание к системообразующим характеристикам и типологии знаков различных дискурсов можно обнаружить в работах В.В. Макарова, Е.Г. Задворной [19, 20, 9, 10].

Прагматический подход в дискурс-анализе включает теории, рассматривающие общее знание и интерференцию. Важное значение в нем играет понятие интерсубъектности, что связано с изучением речевых актов, конверсационных максим, дейксиса, эпистемики дискурса. Это мы видим в работах Д.Г. Богушевича и представителей его школы прагматики и семантического синтаксиса М.К. Ветошкиной, Г.Б. Филимоновой, Р. Карческого, Е.А. Снегиревой [2, 3, 4, 5, 8, 29, 14, 26].

Когнитивно-дискурсивный подход сочетает в себе интерес когнитивистики к производству и пониманию речи и интерес анализа дискурса к контексту, ситуации общения. Когнитивный подход позволяет от описания единиц и структур дискурса перейти к моделированию структур сознания участников коммуникации. Моделирование когнитивной базы дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов дискурса. Когнитивно-дискурсивный подход имеет и прикладные направления, например, по созданию лингвистического обеспечения алгоритмической модели смысловой компрессии текста. Здесь следует назвать представителей Витебского государственного университета В.А. Маслову и Белорусского государственного университета С.М. Прохорову и Л.Н. Чумак, активно сотрудничающих с МГЛУ. Они принимают участие в работе Ученого Совета МГЛУ, организуют совместные международные научные конференции (например, «Язык и Социум», которая проводится уже на протяжении 20 лет).

Дискурсивно-диалогический подход – еще одно значимое для МГЛУ направление, непосредственно выходящее из идей М.М. Бахтина о диалогизме текста. Данное направление сосредоточивает внимание на особенностях функционирования текста как дискурса в диалогическом социокультурном

пространстве, предполагает акцент на собственно диалогическом моменте речевого общения. И здесь в первую очередь (но не исключительно) следует отметить работы Т.Ф. Плехановой и Д.Г. Богушевича [22, 5]. Не исключительно потому, что идея интерсубъектности уже стала неотъемлемой частью чуть ли не всех направлений дискурс-лингвистики, независимо от того, используется ли сам термин или нет.

Интегративный подход рассматривает дискурс в единстве многих позиций, в том числе позиций коммуникативистики, семиотики, прагматики, когнитивистики, психолингвистики. Здесь предмет исследования выступает как сложный феномен, несущий различные виды информации. Работы М.Г. Боговой, А.П. Клименко, И.А. Бубновой, В.В. Макарова, Д.Г. Богушевича – яркий тому пример [1, 15, 16, 6, 18, 19, 20, 2–5]. Было бы неверным исключать из интегративного подхода и ***каузально-генетический подход***, ибо именно таковым он и является. В то же время он имеет свое лицо в силу его особой методологической установки – включения в содержание дискурса позиции традиционно называемой социальным контекстом и определения ее в качестве кортежного содержания, которое, соответственно, можно реконструировать (взаимодействие общающихся данный подход видит как единое целое, в котором каждый коммуникант – кортеж другого). Подход интересен порождением новых методик, которые тут же апробируются на актуальном для Беларуси и соседних стран материале. Результаты апробации представлены в монографических изданиях, одно из которых получило второе место в номинации «Политическая коммуникация» первого конкурса на лучшую книгу по коммуникативным наукам и образованию (2006-2007 академический год), проводившегося Российской ассоциацией коммуникативистики (www.russcomm.ru/rca_projects/bookcomp/pobed.doc). Подход рассматривает дискурс как интегративную единицу речевой деятельности и в ней вычленяет типы и виды содержания, составляющие систему дискурса. Это направление представляется также как ***лингво-семиотическая школа*** дискурс-анализа. Школу представляют И.Ф. Ухванова-Шмыгова, А.В. Попова, О.М. Калиновская, Е.В. Савич, Л.В. Курчак, О.А. Туркина, Я.Р. Зинченко. Мои исследования также имеют прямое отношение к этому направлению дискурс-исследований. Все представители школы в настоящее время работают в Белгосуниверситете, однако большинство из них начинали свою исследовательскую карьеру именно в МГЛУ.

Основные публикации представленных нами ученых даны ниже, за исключением работ представителей каузально-генетической школы дискурс-исследований, которые даны отдельно в части 2.5.

1. *Богова М.Г.* Политическая корректность как организующая сила политического дискурса. Межкультурная коммуникация: теория и практика: материалы междунар. научн. конф. Минск, 2007.
2. *Богушевич Д.Г.* Опыт классификации эпизодов вербального общения. Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988.
3. *Богушевич Д.Г.* Феноменологическая сущность языка в контексте когнитивных и коммуникативных отношений. Язык как система коммуникативных отношений: сб. науч. статей. Минск, 2004.
4. *Богушевич Д.Г.* Единица, функция, уровень: к проблемам лексикологических единиц языка. Минск: Выш. шк., 1985.

5. *Богушевич Д.Г.* Виды речи и их взаимодействие в структуре научного текста. Романское и германское языкознание. Минск: МГПИИЯ, 1985. Вып. 15.
6. *Бубнова И.А.* Абстрактное имя и интеллект: когнитивная модель как отражение индивидуального ментального опыта. Минск, 2004.
7. *Бурло В.Д.* Прагматический порядок компонентов текста. Семантика и прагматика французского предложения. Пятигорск, 1988; «Референциальная тема» говорящего // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. Минск, 1983. № 5.
8. *Ветошкина М.К.* О непосредственно составляющих диалога. Функционирование и развитие языковых систем. Минск, 1990.
9. *Задворная Е.Г.* Речевые тактики уклонения в повседневном общении. Теория коммуникации. Языковое значение. Минск, 2002. Вып. 2.
10. *Задворная Е.Г.* Epistemic pecularities of different types of discourse // XVII International Congress of Linguists. Prague, 2003.
11. *Карпилович Т.П.* Дискурсивные подходы к автоматизации смыслового свертывания текста // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. Минск, 2004. № 3(15).
12. *Карпилович Т.П.* Когерентность текста в когнитивном аспекте // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. Минск, 2004. № 4(16).
13. *Карпилович Т.П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход. Минск: МГЛУ, 2003.
14. *Карчевски Р.* Вербализация угрозы в политическом дискурсе. Актуальные проблемы германистики и профессионально-педагогического иноязычного общения. Барановичи, 2003.
15. *Клименко А.П.* Лексическое ассоциирование и связность текста. Проблемы внутренней динамики речевых норм. Минск, 1983.
16. *Клименко А.П.* Взаимодействие грамматики и лексики в ассоциативных биномах: материалы ежегодной науч. конф. преподавателей и аспирантов: в 5 ч. Минск, 2005. Ч. 3.
17. *Кунцевич С.Е.* Лингвистическое моделирование современного военно-политического дискурса. Минск: МГЛУ, 2006.
18. *Макаров В.В.* Метатекст и художественное произведение // Художественный дискурс: интертекстуальность и коммуникативные константы: материалы науч.-теорет. конф. Минск, 2006.
19. *Макаров В.В.* Понятие кода и этносемиотическая специфика общения // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики. Минск, 2001.
20. *Макаров В.В.* Семиотика и разрешение конфликтов в обществе. Пример Франции // Интегративные тенденции в современном социально-гуманитарном знании. Минск, 2000.
21. *Николина Т.С.* Коммуникативная динамика и текстовые константы французской художественной прозы. Минск: БГЭУ, 2007.
22. *Плеханова Т.Ф.* Текст как диалог. Минск: МГЛУ, 2003; Художественный текст как диалог и дискурс // Вестник МГЛУ. Сер.1. Филология. Минск, 2006. № 5(25).
23. *Поплавская Т.В.* Коммуникативная практика в аспектах несовпадения культур // Language, Society and Problems of Intercultural Communication: materially Miedzynar. Konf. Naukovey, Bialystok, 2005.
24. *Поплавская Т.В.* Отрицательные апелляции в английском и русском массовом дискурсе // Коммуникация. Дискурс. Пакет: сб. науч. статей. Минск, 2005.
25. *Сечейко О.Г.* Влияние категорий общения на форму представления информации // Структура, семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сб. науч. статей преподавателей и аспирантов МГЛУ. Минск, 2002.
26. *Снегирева Л.А.* Уровни импликации в рекламных текстах // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. 1997. № 2.
27. *Сычевская Н.Е.* Структурная организация политической публичной речи и религиозной проповеди // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. 2006. № 2.
28. *Степанова А.Н.* Темпоральная организация художественного текста (на материале французского языка). Минск: МГЛУ, 2007.
29. *Филимонова Г.Б.* Детерминированность высказывания коммуникативной ситуации // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. 2002. № 9.
30. *Bogushevich Dmitry G.*, *Vetoshkina Marina K.* A structural approach to the pragmatic components of language // Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists. Pergamon, Oxford, 1997. Paper 1fc 0322.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ГРУПП И ШКОЛ

Татьяна Скребцова (Россия, Санкт-Петербург)

Самоидентификация как необходимость

Как я уже говорила, в России, по моему мнению, еще не сложилось целостной парадигмы дискурсивных исследований, национальной школы дискурс-анализа. Есть отдельные ученые – представители разных дисциплин, которые ведут работу в этой области. Их исследования носят частный и разрозненный характер. Каждый автор использует свое понимание дискурса и, выбирая интересный ему объект изучения, анализирует и описывает его в тех понятиях и терминах, которые кажутся ему более близкими и подходящими. Само по себе это естественно, и я далека от мысли о том, что следует выработать какую-то единую трактовку дискурса, соответствующие понятийный аппарат и свод терминов, а затем всем их навязывать в качестве непреложных.

Но проблема в том, что авторы исследований (в большинстве своем) не позиционируют свой подход в рамках обширного поля дискурс-анализа. А это приводит к тому, что за отдельно стоящими деревьями мы перестаем видеть лес во всем его богатстве и разнообразии «тропок», которыми можно идти. Для того чтобы сложилась картина всего «леса», необходимо, чтобы автор, осуществляя выбор объекта, цели, методики исследования, эксплицитно ориентировал читателя, в рамках какого подхода он работает, чем обусловлен его выбор, какие именно аспекты дискурса ему интересны и почему и т.д. Иными словами, читатель должен представлять, о какой «клеточке» в многообразной картине дискурсивных исследований идет речь, каковы соседние с ней «ячейки», как согласуются в данном случае предмет и метод анализа. Практика подобного осмысления и сознательного самоопределения исследователей позволит сделать изучение дискурса более систематичным и научно обоснованным. Только таким путем и может в будущем сложиться российская школа анализа дискурса с ее отличительными особенностями.

Область дискурсивных исследований, как мы знаем, необычайно широка и многообразна, и на своих лекциях я неоднократно это подчеркиваю. Эта широта возникает за счет вариативности в понимании дискурса и подходов к его изучению. Сейчас мне хотелось бы перечислить некоторые важные параметры этой вариативности:

- принадлежность к той или иной национальной школе анализа дискурса (среди общепризнанных школ отметим англо-американскую, французскую, немецкую);
- опора на ту или иную научную традицию (например, теорию речевых актов, лингвистическую прагматику, этнографию коммуникации, конверсационный анализ, лингвистику текста и т.д.);
- дисциплинарная принадлежность ученого, обусловливающая преимущественный интерес к определенным аспектам дискурса (лингвистическим,

коммуникативным, литературоведческим, когнитивным, общественно-политическим, культурологическим и пр.);
- формальный vs. функциональный подход к анализу дискурса (разумеется, это бинарное противопоставление сильно упрощает истинную картину, и следовало бы, скорее, говорить о шкале, крайние точки которой символизируют преимущественное внимание либо к структуре, либо к функционированию);
- общественная позиция автора как фактор, влияющий на выбор между сугубо теоретическим, дескриптивным исследованием и критическим анализом;
- обобщающие работы в контрасте с эмпирическими исследованиями конкретного материала (так называемые case studies);
- использование качественных или количественных методов (или их комбинации).

В этом перечне я постаралась наметить самые крупные разделения, но существует еще множество более частных, например, исследование письменного или устного дискурса (или электронной коммуникации), предпочтительное внимание к тем или иным жанрам и др. Важно также отметить, что перечисленные параметры не существуют отдельно друг от друга. Так, принадлежность к национальной школе и область специализации исследователя может ограничивать выбор научной традиции. Специфика предмета и цели исследования влияют на соотношение формального и функционального аспектов анализа. Общественная позиция автора является релевантной не для любого предмета и материала исследования. И так далее. Вообще, как справедливо заметил Т. А. ван Дейк, все многообразие дискурсивных исследований вертится вокруг треугольника «дискурс (в суженном значении как языковая структура) – когниция – общество», в котором каждая вершина неразрывно связана с двумя другими [1, с. 24–25].

Нередко сам материал «навязывает» исследователю определенный подход или метод. Так, при исследовании первомайских лозунгов в СССР хорошие результаты дал контент-анализ, потому что лозунги вообще отличаются высокой эксплицитностью, и простой подсчет того, сколько раз в них фигурировали те или иные слова (например, революция, интернационал, пролетарий, патриотизм, враг, агрессия, кулаки, пятилетка, гражданин, прогрессивный, борьба, красноармейцы, человечество и т.д.), был весьма показательным [2]. С другой стороны, в большинстве случаев контент-анализ оказывается не только недостаточным, но и нерелевантным – требуются качественные методики, для того чтобы вскрывать скрытые смыслы, интерпретировать коммуникативные намерения, анализировать социальный контекст. Хорошим примером может служить дискурс о мигрантах, исследования которого на Западе начались уже давно [3–6], а в России отдельные работы стали появляться только в последнее время [7, 8]. При анализе такого материала наиболее адекватным оказывается критический подход.

Возвращаюсь к вопросу о широте и вариативности в понимании того, что есть дискурс. Мы видим, что междисциплинарность неизбежна, и в этих условиях я призываю не столько к «чистоте» позиции, сколько к ее определен-

ности. Было бы весьма желательно, чтобы авторы работ по анализу дискурса отчетливо формулировали, в рамках какой традиции они работают, какие термины и в каком значении употребляют, какие аспекты дискурса и с каких позиций исследуют, какие методики применяют и т.п. Отмечу, что западные авторы ведут себя в этом отношении более сознательно и последовательно, чем российские. Но если мы в России не начнем этого делать, у нас так и не сформируется никакого отчетливого направления дискурс-анализа, никакой собственной школы.

1. *Van Dijk T.A.* The study of discourse // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 1: Discourse as Structure and Process. London: SAGE Publications, 1997.
2. *Yakobson S., Lasswell H.D.* Trend: May Day slogans in Soviet Russia // Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics. Cambridge, MA: MIT Press, 1949.
3. *Ван Дейк Т.А.* Когнитивные модели этнических ситуаций // Язык. Понимание. Коммуникация. М., 1989.
4. *Ван Дейк Т.А.* Предубеждения в дискурсе. Рассказы об этнических меньшинствах // Язык. Понимание. Коммуникация. М., 1989.
5. *Ван Дейк Т.А.* Расизм и язык. М., 1989.
6. *Van Dijk T.A.* Discourse and cognition in society // Communication Theory Today / D. Crowley, D. Mitchell (eds.). Cambridge, 1994.
7. *Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х.* Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3.
8. *Скребцова Т.Г.* Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3.

Марина Гаврилова (Россия, Санкт-Петербург)

Самоидентификация в контексте ключевых тенденций языкознания

Сегодня, обращаясь к методологической основе дискурс-исследований, можно отметить, что становятся актуальными такие демаркационные параметры современной парадигмы науки о языке, как экспансионизм, экспланаторность, антропоцентризм и неофункционализм.

Первая тенденция – экспансионизм – заключается в усложнении и расширении пределов и интересов лингвистики, в поиске новых подходов к изучаемому объекту. Она проявляется в междисциплинарности и межуровневости лингвистического анализа.

Антропоцентризм выражается в ориентации на человеческий фактор в языке, постановке и решении вопросов воздействия языка на поведение и мышление человека, взаимоотношения языка и общества.

Неофункционализм исходит из положения о том, что язык, представляя собою орудие познания и описания действительности, реализует свои функции в действии, в дискурсе. Новизна этого наиболее традиционного подхода проявляется в выдвижении на первое место семантики и прагматики с их ориентацией на изучение речевой действительности.

Экспланаторность являет собой поиск путей объяснения наблюдаемых языковых явлений.

Эти, а возможно, и какие-то иные позиции важны для самоопределения исследователя. Насколько они включены в свой круг размышления, осознания?

Чем именно они заполнены в контексте реальной исследовательской практики? Поиск ответов на эти вопросы не может не быть конструктивен в контексте определения методологической состоятельности подхода.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

Самоидентификация и качественная исследовательская парадигма

В связи с выделенными в предыдущем выступлении «демаркационными параметрами современной парадигмы науки о языке» – экспансионизмом, экспланаторностью, антропоцентризмом и неофункционализмом – представляется возможным выделить и параметры самого исследования, проводимого в рамках такой парадигмы.

Как только аналитик расширяет свое исследовательское поле (экспансионизм), делает объектом исследования речевую действительность (неофункционализм) в рамках общей социально направленной деятельности человека (антропоцентризм) с целью объяснить речевые и языковые механизмы этой деятельности и описать конструируемую ею речевую действительность (экспланаторность), он помещает себя в **парадигму качественного исследования**. Движущей силой такого исследования признается чувствительность аналитика к восприятию различных контекстуальных источников, ограничивающих содержательный план дискурса, на основе которых создается теория конкретного дискурсивного явления. Характеристиками такого исследования являются эмпиричность (так как оно основывается на наблюдении, а не только на интроспекции), этнографичность (поскольку анализируемые дискурсивные практики и их контекст являются понятными и современными тем субъектам, которые проводят его анализ), а также обоснованность (в силу постоянного возвращения к материалу в процессе построения теории).

Таким образом, предлагаю обратить внимание еще на три термина – эмпиричность, этнографичность и обоснованность.

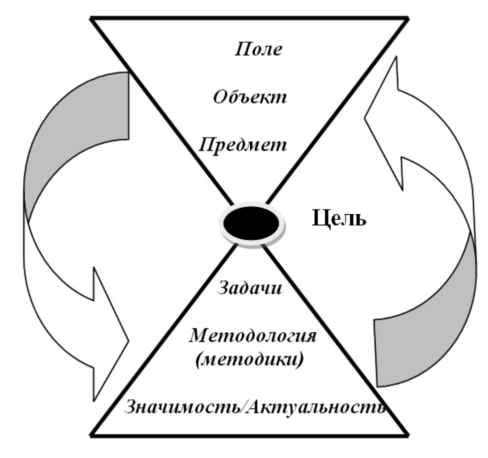
Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

Критерии самоидентификации

Критерии самоопределения. Действительно, самоопределение – понятие комплексное, многоуровневое, затрагивающее как категориальное (категории, свойственные науке вообще и каждой отдельной науке или дисциплине в частности), так и парадигмальное пространство. Ученый не может не размышлять над этими позициями в контексте написания своей квалификативной работы (диссертации), ибо ее написание и есть процесс самоопределения ученого. То же самое мы делаем и сейчас, в контексте самоопределения себя, своей научно-исследовательской группы.

Можно было бы предложить подумать и над другими категориями – общеметодологическими, также парадигмальными: что есть для меня как дискурс-исследователя действительность как таковая; что есть я как субъект познания; что есть лингвистическая наука (если она является моей базовой дис-

циплиной); каковы цели моего лингвистического исследования (меняются ли они в зависимости от позиции исследователя: быть вне изучаемого объекта или внутри его); и, наконец, что есть знаковая реальность; достаточно ли этих категорий и нужно ли мне понятие «знаковый субъект»? Но пока «спустимся на землю» с парадигмальных «высот». Обратимся к тем категориям, в которых мы все время «варим» наших аспирантов, готовя из них настоящих ученых, а значит, и нам самим будет небесполезно «повариться» в них еще раз, если мы возвращаемся к этапу самоопределения. Эти категории – исследовательское поле, объект, предмет, цель, задачи, методология, актуальность-значимость можно представить метафорически в качестве песочных часов.

Наша модель-метафора удобна тем, что она функциональна: требует постоянного движения – не забыть перевернуть часы, иначе они уже не работают. Если не перевернул, то и не увидел, насколько актуально для общества и значимо для твоего научного поля (и в том ли ты поле?) то, что ты делаешь (и то ли ты делаешь?). Давайте посмотрим на саму модель, отметив, что она хорошо работает не только на микроуровне (на уровне одного исследовательского проекта), но и на макроуровне (уровне исследовательской группы, школы, подхода).

Предлагаю, если это видится актуальным здесь и/или значимым, по возможности, следовать в контексте нашего с вами обсуждения по плану внутренне вмонтированному в модель «солнечные часы». А в конце заседания мы увидим, насколько предлагаемый план обсуждения оказался эффективным.

Здесь хотелось бы сделать маленькое отступление и сказать буквально пару слов об одной проблеме роста современной науки, которая, как мне кажется, связана с пониманием, а точнее, с непониманием двух терминов данной модели – актуальность и значимость. Термины представлены на одной линии, но они сегодня нередко противостоят, имея, по сути, разных адресатов. Так, для администратора науки важным является перенос акцента на позицию «актуальность исследования», в то время как для ученого естественной была и остается позиция «значимость исследования». Когда администратор берет верх, тормозя защиту диссертаций, не несущих моментальную пользу стране, наука болеет. Не лучше ли рассматривать позиции актуальность (для общества) и значимость (для науки) не как отдельные, а как взаимозаменяю-

щие друг друга, а значит, как одну позицию: пусть в одном исследовательском проекте перевешивает одно, а в другом другое (что-то из них должно быть). И тогда, возможно, станут реже ошибки в администрировании науки, и от этого наука (в тех странах, где исторически сохранилась ступень административного утверждения научных работ) только выиграет. А это, по большому счету, нужно именно обществу.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА, ПРАГМАЛИНГВИСТИКА И СТИЛИСТИКА В ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯХ

Михал Сарновский (Польша, Вроцлав)

Анализ дискурса в контрастивных исследованиях

Круг моих научных интересов представляют такие поля лингвистических исследований, как теория коммуникации, социолингвистика, устные жанры речи, польско-русские и русско-польские языковые и культурные контакты, русский язык постсоветского периода.

В моей монографии «Пространство негативной коммуникации в польском и русском языках. Ссора как специфическая ситуация вербальной коммуникации» [1] была предпринята попытка описания пространства негативной коммуникации (ПНК) и определения ссоры как одного из наиболее частых явлений этого пространства, а также осмысления концепта ссоры, его места в нашей культуре и языковом самосознании.

Ссора – это явление общечеловеческое, присущее всем, без исключения, языкам и культурам. На этом основании сформулирован основной тезис монографии о близости концептов ссоры в польском и русском языках (культурах).

Предложенное в монографии исследование ссоры проведено на фоне нового понятия, а именно – пространства негативной коммуникации. Это пространство было определено как некий участок речевого общения, в котором наблюдается противостояние коммуникантов в сущности, перерастающее в интерсубъектный конфликт. Выделение ПНК было проведено с учетом двух взаимосвязанных и взаимообусловленных параметров: характер коммуникативных актов и их определенная интенциональность. Определение «негативная» в выражении «пространство негативной коммуникации» связывалось нами с социологической и аксиологической ненормативностью осуществляемых действий и с фактом, что в этом пространстве активизируются и проявляются всевозможные отрицательные аспекты речевого общения, которые приводят не только к так называемым коммуникативным неудачам, но прежде всего – к краху межчеловеческих отношений.

ПНК было представлено нами в двух аспектах (измерениях): 1) физическом и 2) понятийном. В физическом аспекте ПНК это синоним «конфликтного» участка речевого общения. Это измерение ПНК позволило выделить в потоке речевого общения ряд коммуникативных ситуаций (спор, размолвка, ссора), расположенных на оси общения между разговором и дракой, а также опре-

делить статус ссоры как центрального звена этого пространства. В понятийном аспекте ПНК представляет собой лексико-семантическое поле, которое было нами организовано вокруг архисемы «конфликт в вербальной коммуникации». Поиски языковых репрезентаций этой семы позволили включить в лексико-семантическое поле ПНК обширные пласты лексики польского и русского языков: глагольные и именные номинации конфликтных коммуникативных ситуаций (стилистически нейтральные и маркированные), названия участников конфликтных коммуникативных ситуаций, номинации вербальных и невербальных действий конфликтующих субъектов, а также многие лексические и фразеологические единицы, которые используются поляками и русскими для описания, интерпретации, оценки и для концептуализации конфликтных вербальных событий (в том числе и языковые средства концептуализации сварливости – одной из личностных, характерологических черт человека, «обеспечивающих» возможность ссоры).

Коммуникативные ситуации, образующие ПНК (спор, размолвка, ссора), в потоке речевого общения диффузны и недифференцированы. Идентификация этих ситуаций может быть успешно произведена не самими коммуникантами, а лишь посторонним наблюдателем, который сегментирует речевое общение посредством фреймов интерпретации (фрейм разговора, фрейм спора, фрейм ссоры) сквозь призму осуществляемых (сознательно/бессознательно) отступлений от стандарта и нормы коммуникации. Иначе говоря, в моих исследованиях ссоры и пространства негативной коммуникации была использована «внешняя точка зрения».

Различия между коммуникативными ситуациями ПНК не подвергаются лингвистическому описанию (грамматическому и семантическому), не определяются их параметрами (такими как диалогичность, участники, роли говорящих), а также самой своей сутью (все реализуют какую-то форму конфликта). Квалификация вербального события всегда проводится субъектом, который находится вне самой ситуации. В роли внешней инстанции выступает наблюдатель, некто посторонний, свидетель, комментатор, нарратор. Вооруженный опытом наблюдатель, знаток теории коммуникации и конвенций речевого общения, описывает то, что увидел, услышал и понял. Описывание конфликтных коммуникативных ситуаций не лишено интерпретативного компонента. Он содержится в использованных им номинациях и дескрипциях. Авторский выбор такой номинации или дескрипции является для нас знаком его дистанцированности от события. Дескрипции связаны с концептуализацией ПНК и содержат специфичный культурный аксиологический потенциал.

Перспектива наблюдения «извне» составила основу исследовательской позиции автора.

Механизм ссоры и особенности общественного восприятия этого культурного феномена рассматривались мною в монографии на основе анализа двух типов текстов: 1) текстов ссоры в прямой речи (фрагменты художественной литературы, имитирующие конфликтные коммуникативные ситуации); 2) текстов о ссоре (наррации о конфликтных коммуникативных ситуациях). Эти два типа текстов, принципиально различные, в художественном изложении соседствуют друг с другом, взаимопроникают, образуя единые текстовые

блоки. Перед анализом текстов двух групп были поставлены различные цели и задачи. Анализ литературных диалогов (текстов ссоры) создал возможность рассмотрения ссоры сквозь призму теории речевых актов и теории речевых жанров; работа с текстами второй группы позволила расширить прагматический анализ ссоры и перспективу опосредованного наблюдения. Этот подход был поиском ответа на вопрос: каким образом эти тексты воспроизводят собственно ссору, т.е. вербальную составляющую ситуации, а также: каким образом представляют ссору как экземпляр устного текста.

Кроме монографии по теме «Ссора и конфликтная коммуникация» нами опубликовано свыше 20 статей в научных сборниках Польши и Украины.

В настоящее время я активно разрабатываю некоторые аспекты польско-русских и русско-польских языковых и культурных контактов. Я концентрирую свое внимание на исследовании количества, а также места и роли различных русских и российских культурных феноменов в картине мира современных поляков, т.е. наличия и функциональной нагрузки культурных русизмов в польской когнитивной базе.

Свои исследования я провожу, прежде всего, на газетном материале, хотя часть примеров попала в мои списки «понаслышке» из радио- и телепередач, а также повседневных диалогов. Семиотическая рефлексия над формами и объемом польско-русских культурных отношений (прежде всего в лингвистическом измерении) на фоне специфики наших взаимоотношений, а также глобализации контактов и культурного обмена кажется, на наш взгляд, необходимой, нужной и своевременной. Эта необходимость, по нашему мнению, является требованием текущего момента по двум причинам: 1) переориентировке политических и культурных ориентаций в нашем государстве и в ограниченной степени в самом обществе; 2) постоянным попыткам редефиниции всего спектра всех польско-русских взаимоотношений.

Исследования по такой теме должны быть направлены на синтез взаимовлияний на язык и культуру, а также на концептуальные и когнитивные структуры. Это связано с фактом, что современное польское культурное пространство и польская когнитивная база наполнены определенным количеством русских, российских (также советских) разнообразных понятийных категорий.

Разрабатываемый список «россиков» содержит около 100 единиц (регистрация новых – продолжается). В составе списка российские историзмы (opricznina, czarna sotnia, liszeńcy, Smuta, Iwan Groźny, samodzierżawie, caryca), но прежде всего – советизмы политического, общественно-политического и культурного характера, например, концепты личностей, персонажей и институтов советской политической истории (Lenin, Stalin, Dzierżyński, Breżniew, Gorbaczow, aparatczyk, poputczyk, czerezwyczajka stachanowiec, gensek, politruk, gułag, kołchoz, samizdat, Kreml, KGB), концепты литературных и киногероев (Pawlik Morozow, Pawka Korczagin, Lejzorek Rojtszwaniec, Stirlitz), постсоветские политологические понятия (Pribałtika, „bliska zagranica”). Список «россиков» не ограничивается историческими, политическими и идеологическими феноменами, и поэтому в его состав попали также названия некоторых русских (российских) артефактов и предметов культуры (wańka-wstańka, matrioszka, trojka).

Методология моих исследований лишь только на первый взгляд перекликается с теорией лексических заимствований. Такой подход к проблеме, с моей точки зрения, бесперспективен, и поэтому объекты своих исследований я не называю ни экзотизмами, ни ксенизмами. Особенность моей методологии состоит в том, что я в исследованных примерах по-другому расставляю акценты между планом выражения и планом содержания. В поле моих интересов находится, прежде всего, трансгрессия символов, понятий, идей, пучков-смыслов (их экспонентами являются лексические русизмы или их польские дескрипции), которые (уже в рамках другой, т.е. польской культуры) подвергаются иерархической и аксиологической верификации, занимая тем самым новое (как правило, отличное от предыдущего) место в новой семиотической системе. Эти трансгрессивы в новом семиотическом пространстве подвергаются перепрофилированию и различным модификациям, после чего используются для когнитивных (познавательных) и коммуникативных нужд нового субъекта (общества).

Все эти символы, понятия, сохраняя «русскость» своей материи или ее интертекстуальные и интерсемиотические следы, в своей внутренней (концептуальной и содержательной) структуре оторвались от парадигмы «русскости» и прочно обосновались в нашем сознании и репертуаре средств выражения и неоднократно используются в новых для себя функциях, из числа которых самой интересной кажется использование их для концептуализаций как самостоятельных уже польских когнитивных феноменов.

В новой ситуации их употребления в польских современных текстах, рассказывающих о делах польских и других (но никогда не русских и российских!), старая кодировка русских и российских (советских) предметов и положения дел подвергается модификации и можно говорить о новых польских концептах, экспонируемых rossicum. В новых текстах и новых контекстах создаются новые концепты, которые, обрастая новыми смыслами, меняют свою аксиологию, а их языковые экспоненты начинают выполнять новые прагматические функции. Некоторые из таких «россиков» обладают большим концептуализационным потенциалом и прочно входят в состав польской когнитивной базы (wańka-wstańka, matrioszka). Идиосинкратичный (т.е. идиоматичный, мотивированный общественным контекстом и культурой) русский (российский) концепт «социализируется» в новом культурном контексте, что способствует его полной полонизации.

В поле моих наблюдений попадают также крылатые слова и прецедентные выражения русского (и советского) происхождения, которые встречаются в современных польских текстах. Такие примеры трактуются мною как случаи интертекстуальности, которые реализуют лотмановскую модель «текст в тексте». Интертекстуальность, понимаемая как проявление диалога культур, придает актуальному тексту признак (walor) культурной (кодовой) гетерогенности; чужеязычные текстовые блоки возрождаются в новых контекстах с новой силой.

В данном случае можно говорить о нескольких транспозициях: культурной, текстовой и прагматической. Культурная транспозиция является функцией межкультурного диалога, а также политических и идеологических влияний.

Русские прецедентные тексты (чаще всего происходящие из художественной литературы, языка политики и пропаганды) в канонической или модифицированной форме введенные в новый контекст (текстовая транспозиция), взаимодействуя с содержанием актуального текста, порождают в нем не только новые смыслы и возможности прочтений, но как интертекстуальная игра автора с читателем создают совершенно новое значение текста и довольно часто служат для формулировки оценок и заключений более общего, универсального характера. Культурная транспозиция и текстовая модификация имплицируют изменение прагматического контекста. Большинство примеров польских модификаций русских прецедентных текстов (пропагандистские лозунги) употреблено в ироническом и шутливом ключе (прагматическая транспозиция). Наблюдается интереснейший контраст между высокими стилистическими регистрами употребления лозунгов в текстах советского времени (Ленин всегда живой!) и низкими, иронически окрашенными польскими контекстами (Lenin wiecznie żywy!). Комплекс этих трех транспозиций – культурной, текстовой и прагматической – профилирует польский облик (семантика и прагматика) прецедентов, благодаря чему намечаются польские инварианты русских (российских) прототипов. Интертекстуальность в подобных случаях является одним из самых представительных экспонентов польско-русского и русско-польского культурного диалога, а также новой парадигмой осмысления континуальности культуры. По этой теме нами опубликовано 17 статей в различных научных сборниках Польши, Украины, Беларуси и России.

ЛИТЕРАТУРА

Sarnowski, M. Quasi-deminutiwa w języku rosyjskim i polskim / M. Sarnowski. Wrocław, 1991.

Sarnowski, M. Porównanie i metafora: dwa różne sposoby wartościowania / M. Sarnowski // Slavica Wratislaviensia. № 49. 1993.

Sarnowski, M. Przestrzeń komunikacji negatywnej w języku polskim i rosyjskim. Kłótnia jako specyficzna sytuacja komunikacji werbalnej / M. Sarnowski. Wrocław, 1999.

Sarnowski, M. Dialog między kulturami. O elementach rosyjskich w przestrzeni kulturowej współczesnych Polaków / M. Sarnowski // Dialog w literaturach i językach słowiańskich, t. 2; Językoznawstwo. Opole, 2003.

Sarnowski, M. Uwagi o perspektywach i zakresie badań nad oddziaływaniem języka rosyjskiego na polski / M. Sarnowski // Ogród nauk filologicznych. Opole, 2005.

Sarnowski, M. «Rossica» w bazie kognitywnej współczesnych Polaków (zarys problematyki) / M. Sarnowski // W kręgu problemów językoznawstwa i literaturoznawstwa. Warszawa, 2006.

Sarnowski, M. Polsko-rosyjskie kontakty językowe i kulturowe. O niektórych fenomenach rosyjskiej historii w polskim dyskursie medialnym / M. Sarnowski // Język a Kultura, t. 20, Tom Jubileuszowy. Wrocław, 2008.

Вальдемар Жарски (Вроцлав, Польша)

Анализ кулинарного дискурса (методологические заметки)

Дискурс-анализ как методология представляет интерес и для тех, кто изучает типы дискурса, возникшие относительно недавно, и для тех, чье внимание приковано к анализу типов дискурса, имеющих глубокую историю. К последнему можно отнести и кулинарный дискурс. Я полагаю, что актуальность изу-

чения последнего возрастает, с одной стороны, с усилением внимания исследователей к бытовой стороне истории человечества, а с другой стороны, с переносом фокуса внимания с общего на отдельное, особенное, эксклюзивное.

В центре наших исследований кулинарного дискурса – анализ структуры и функционального назначения кулинарной книги, под которой подразумевается собрание кулинарных рецептов, организованных в соответствии с общепринятыми принципами, выполняющими коммуникативную функцию. Кулинарная книга – способ наиболее наглядно отобразить рецепты приготовления пищи, и это ее главный и неотъемлемый компонент. Кулинарная книга есть конфигурация постоянных элементов композиции – названия, введения, рецептуры и ее содержания. При анализе дискурса кулинарной книги два направления ее функционального назначения должны быть приняты во внимание – культурная и текстуальная. Как лингвистический текст со специфической грамматикой, семантикой, прагматикой, геологией и визуальным рядом кулинарная книга есть артефакт культуры, продукт кулинарной традиции.

Естественные и культурные аспекты приема пищи зарождались как проявление кулинарной мысли, на которую оказали влияние факторы прагматического характера: политические, социальные, культурные. Подход к анализу текста кулинарной книги, в том числе описание ее стилистических и лексических детерминантов, может быть реализован в аспекте прагматического рассуждения, максимально открывающего феномен кулинарного дискурса. Анализ работ по семиотике, этнологии и культуроведению подталкивает нас к выводу, что получение и производство продуктов питания имеют социальный объем, корни которого уходят в культуру народа. Так, выбор продуктов и форм их потребления – феномен, выработанный социальными и культурными системами норм и ценностей определенного языкового коллектива. Взятые вместе они создают кулинарное действие. Кулинарное действие, в свою очередь, воспринимается как преднамеренная деятельность в континууме человеческого поведения, вытекающая из перцептивных стимулов, этических и эстетических норм и поведенческих моделей конкретного общества. Это и набор питательных веществ, и их переработка в пищевые продукты, и потребление результата кулинарного действия в виде различных блюд.

Принятая интерпретация кулинарного акта подразумевает существование трех дискурсов, относящихся к пище:

- *дискурс приема пищи;*
- *дискурс приготовления пищи;*
- *дискурс, сопровождающий прием пищи*.

От этого отталкивается лингвистический анализ форм выражения, определяющих суть данной сферы лингвистического взаимодействия (анализ структурного плана, а также стилистического и лексического регистров). И здесь вопрос лингвистической формы рассматривается максимально широко. Так, лингвистическая форма не ограничивается только субстантивной сферой, но включает в себя также и тематический аспект, т.е. особенности восприятия культурного контекста, состоящего из разнообразных социально осмысленных кулинарных действий и приемов.

Анализ истории кулинарной книги и главных направлений эволюции кулинарного действия подталкивает к выводу, что кулинарная книга, стимулируя воображение читателя и возбуждая его креативность, может быть воспринята как одно из значимых изобретений цивилизованного мира. Кулинарный акт – это искусство приготовления и применения пищи. Это также навык селекции питательных веществ и продуктов. Это и искусство узнавания их положительных качеств или негативных и вредных свойств. И, наконец, это таинство вкуса, получаемого с помощью нахождения оптимальных сочетаний, которым подвергаются все ингредиенты блюда, становясь с помощью умелого и рационального использования приправ и ароматов, вкусной и гигиеничной пищей, способной поддержать здоровье потребителя.

Семантическая структура кулинарного акта может быть представлена в форме обобщенной модели: один готовит пищу для потребления ее другим(и). На основании этой модели мы видим, как зарождаются семантические роли. Составляющие этих ролей – деятельность, процессы и состояния, репрезентированные предикативно, а также наиболее значимые аргументы, в том числе: агенсы, патиенсы, кулинарные объекты, место, время, средства, количество и качество, а также культурно-оценочный комментарий. Эти составляющие релевантны и для роли «готовящего пищу» и для роли «потребляющего». Для последней также важны условия (обстоятельства) системного, прагматического и коммуникативного характера. Помимо семантических ролей равно необходимым элементом кулинарного дискурса является культурный контекст, определяющий время приема пищи, застольный этикет, степень официальности и религиозность ритуалов. И, наконец, третий фактор, влияющий на способ организации и реализации кулинарного действа, – текстуальный фактор.

До недавнего времени исследователи культуры и общества не рассматривали прием пищи в качестве объекта изучения, считая его тривиальным и не заслуживающим серьезного внимания. Тем не менее приготовление пищи – один из самых древних видов человеческой деятельности, имеющий решающее значение для выживания. С самого начала оно имело коммунальный характер, уходящий корнями в историю и культуру. В каждом обществе еда имеет социальное значение и отражает его культурные парадигмы. Приемы приготовления пищи определенного вкуса, отвечающего ожиданиям потребителей, проверялись опытным путем и передавались через столетия из уст в уста. Информация передавалась с учетом предпочтений и соответствовала культурным моделям, которые со временем развились в систему диктата и запретов, часто имеющих характер табу. Кулинарные привычки, традиционно воспринимающиеся как нечто статическое и неизменное, на самом деле представляют собой динамичное образование, подверженное влиянию культурных, исторических, экономических, социальных, религиозных, географических, климатических и многих других факторов. Все они, так или иначе, находят выражение в кулинарной письменной речи, особенно в кулинарных книгах. Функция последних может быть интерпретирована только в широком социальном и культурном контексте, отражающем взаимосвязь между технологическим прогрессом и изменениями в кулинарных обычаях.

Несмотря на доступность, *кулинарные книги представляют собой особый вид письма, который имеет неопределенный методологический статус*: в нем отсутствуют типологические процедуры и родовые характеристики. Без сомнения, это специальная литература наподобие медицинских текстов. Также как и книги по алхимии, земледелию и ремеслу они уходят корнями в средневековую традицию artes mechanicae и утилитарного письма, называемого de re rustica.

Постепенное распространение рецептов внесло свой вклад в формирование среднего класса, имитирующего аристократические модели поведения. Старые рецепты имели описательный характер и предоставляли информацию о способах приготовления пищи, таким образом, передавая ноу-хау. Характер инструкций они начали приобретать в конце 16 века после изобретения печатаного станка, что привело к быстрой коммерциализации кулинарных книг. Однако они не были ни в коей мере инструкциями в сегодняшнем их понимании. Рецепты обычно составлялись опытными поварами, анонимные писатели выступали как посредники в их передаче, а адресатами были менее опытные повара, работающие на кухнях в монастырях и при дворе.

Растущая популярность кулинарных книг во второй половине 19 века объясняется позитивистской идеологией, выраженной в принципе самосовершенствования, который нашел отражение в распространении таких форм экспертного письма, как руководство, кодекс, справочник и др. Аналогичные цели преследовали поучающие литературные и журналистские жанры, популярные в то время. Кулинарные книги теперь все чаще пишутся опытными домохозяйками, что привело к изменениям структуры кулинарной книги: ее композиция и тематические пропорции стали другими. В результате поменялась и концепция кулинарной книги – она стала источником знаний о доме и о ведении хозяйства. Кроме списка рецептов, большинство книг содержали и практические советы, касающиеся повседневной жизни.

Дидактизм и практицизм рассматриваются как главные черты утилитарной литературы. Наличие инструкций и советов, однако, зависят от читательского спроса (поэтому они отражают идеологию и эстетику данного периода), а в случае рецептов – еще и от традиций и вкусовых предпочтений. В качестве примера здесь можно привести ориенталистику польской шляхты, изобилие приправ, камуфляж вкусов и мистификацию внешнего вида продуктов в блюде. Способ подачи информации в современных кулинарных книгах более доступный. Этому способствует четкое структурирование как самих книг, так и рецептов в них (с разделением ингредиентов, точным указанием пропорций и описанием процедуры приготовления). Интерес к европейской кухне и экзотическим блюдам напрямую связан с динамическим развитием массового туризма. Для многих приготовление новых блюд – это не только возможность познакомиться с их уникальным вкусом, но также и память о путешествиях за границу.

Современные кулинарные книги характеризуются разнообразием, тематической специализацией, функциональностью и эстетизмом. В названиях кулинарных книг, которые тематически становятся все более специализированными, отражаются последние тенденции общества – стремление к здоровому

образу жизни и соответственно здоровому питанию и мода на приготовление пищи в микроволновой печи.

Ключевым для понимания функции кулинарной книги является разделение и определение понятий текста и жанра. Определение их **онтологического статуса** позволит выделить конститутивные, структурные, семантические, стилистико-лингвистические и прагматические черты дискурса кулинарной книги.

Анализ различных мнений доказывает правильность интегративного подхода – коммуникативно-лингвистического. При этом коммуникативно-прагматический анализ является ведущим в общем исследовании текста, под которым понимается семантически и грамматически связная последовательность лингвистических знаков, экспонирующих коммуникативную ситуацию.

В решении вопроса об онтологическом статусе кулинарной книги важную роль играет и понятие жанра. Современное жанроведение также акцентирует внимание на интегрированном исследовании данного жанра, что позволяет включать и другие дисциплины в поиски методологического подхода. Концепция жанра предполагает изучение моделей функционирования речевых актов, что включает определение видов речевых актов и правил их организации (последовательности), а также выявление разнообразных прототипических способов реализации полученных моделей. Категория прототипа позволяет понять, что в случае конкретной коммуникации не все инвариантные черты должны быть реализованы. Прототипное понимание жанра позволяет рассматривать его как область вариативности, открытую для творчества. Кулинарная книга представляет собой сообщение с директивной и информативной функцией, что позволяет проводить аналогию между ней и жанрами медицинского рецепта или руководства по эксплуатации. В то же время она напоминает и школьный учебник. Мы полагаем, что книга как манифестация существования текста не может рассматриваться как конкретный жанр речи. А значит, кулинарную книгу можно отнести не к определенному жанру, а к целому «домену» консультативных утилитарных жанров речи, характерными чертами которых являются тривиальность, стереотипность, убедительность, апеллятивность и стилистическое разнообразие.

ЛИТЕРАТУРА

Żarski, W. Nagłówek prasowy jako przedmiot lingwistyki tekstu / W. Żarski // O trudnym łatwo. Materiały sesji poświęconej popularyzacji nauki. Wrocław, 2002.

Żarski, W. Kulinaria antyczne – teoria i praktyka. Od starożytności do współczesności. / W. Żarski // Język – literatura – kultura. Wrocław, 2004.

Żarski, W. Czy taka lingwistyka tekstu? (Uwagi o tekście, dyskursie i kulinariach) / W. Żarski // Oblicza komunikacji 1. Perspektywy badań nad tekstem, dyskursem i komunikacją. Kraków, 2006.

Żarski, W. Lingwistyczna i kulturowa interpretacja aktu kulinarnego / W. Żarski // Pokarmy i jedzenie w kulturze. Tabu, dieta, symbol. Opole, 2007.

Żarski, W. Książka kucharska jako tekst / W. Żarski . Wrocław, 2008.

Żarski, W. Ideologia i komercja w dyskursie kulinarnym / W. Żarski // Język, biznes, media. Bydgoszcz, 2009.

Рафал Зимны (Польша, Быдгощ)

Анализ дискурса в поле этно- и прагмалингвистики

Я работаю в Институте Польской филологии университета Казимира Великого (г. Быдгощ) на кафедре стилистики и языковой прагматики. Мой объект исследования – ***рекламный и политический тип дискурса.*** Первому я посвятил кандидатскую диссертацию [1], где рекламный дискурс понимается и как «совокупность всех рекламных текстов, созданных когда-либо как таковых, которая лежит в основе системы норм, правил и стратегий создания очередных текстов», и как «сама эта система, влияющая, прежде всего, на характер функционирования, содержание и жанр единичного рекламного текста, а также определяющая правила его интерпретации» [1, с. 122–123]. Следуя данному определению ***рекламного дискурса***, автор сформулировал тезис, согласно которому образы, входящие в его состав, как, например, гештальты, преднамеренно создаются рекламодателями. Исследования, предпринятые мною, нацелены на то, чтобы продемонстрировать, что исследователи рекламного дискурса имеют в их распоряжении два метода исследования рекламных текстов. Согласно первому методу исследования, различные рекламируемые продукты одного типа представляют собой единый образ (автор иллюстрирует это через анализ текстов, которые рекламируют различные марки автомобилей, что приводит его к реконструкции общего образа объекта в рекламном дискурсе, который намного более обширный и детальный, нежели языковой образ автомобиля). Второй метод нарушает привычную точку зрения: иногда авторы текстов, нацеленные на рекламу одного товара, создают различные образы мира (что иллюстрировано анализом рекламной кампании одной марки пива, в которой рекламодатели намеренно создали многосторонний образ для целевой аудитории, на которую направлена рекламная кампания. Помимо этого, практическая ценность исследования (впервые представленная Зимным) проявляется в результате разграничения двух, вводящих в заблуждение, понятий: языковая картина мира (вплетенная в систему языка) и текстовое изображение мира (существующее в текстах преднамеренно). В результате данного разграничения становится возможным различать то, **что** в определенном дискурсе (в данном случае – рекламном) не зависит от адресанта (отправителя сообщения), и то, **что** является возможным сообщить адресату благодаря личностным особенностям авторов высказывания.

Описанием польского ***политического дискурса*** я занимаюсь в сотрудничестве с Павлом Новаком (Люблинский университет им. Марии Кюри-Склодовской). Мы фокусируем наше внимание главным образом на отборе характерных для польского политического дискурса слов и словосочетаний и их дефинициях. Речь идет о так называемых крылатых словах и выражениях. В конце 2009 года вышла наша книга «Словарь польского языка политики после 1989 года» [2], в которой проведена инвентаризация этих слов и выражений, раскрывается их история и прагматическое наполнение, описываются узуальные значения и коннотационный подтекст. Таким образом, авторы пытаются раскрыть то, что является характерной особенностью польской политики и одноименного дискурса. Словарь позволяет читателю познакомиться

с «непереводимой» терминологией политического этнодискурса, в том числе с фразеологиией, понятной только членам определенного языкового коллектива (дискурсной группе). В этом смысле «Словарь политического дискурса Польши после 1989 года» выполняет функцию «проводника» посредством характерных выражений современного польского политического дискурса, который является полезным, например, для иностранцев, для которых польский является вторым языком. Следовательно, автор пытается обратить внимание на то, что является специфическим для польской политики и политического дискурса.

Как рекламный, так и политический дискурс становятся объектом научных проектов наших студентов на уровне бакалавриата и магистратуры. Исследуемые нами современные польские дискурсы становятся предметом обсуждения также и в нашей педагогической практике – при чтении спецкурсов и проведении семинарских занятий, проводимых по таким направлениям, как польская филология (социолингвистика, этнолингвистика, современная стилистика), культурология (теория рекламы), журналистика, социальная коммуникация.

ЛИТЕРАТУРА

Zimny, R. Wartościowanie i magia w języku reklamy / R. Zimny // Kreowanie świata w tekstach. Lublin, 1995.

Zimny, R. Polish Language Policy. Politics during the Stalinist Era / R. Zimny, P. Nowak // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav), Band 6. München, 2003.

Zimny, R. The Linguistic Bases of the Propaganda during the Stalinist Era in Poland / R. Zimny, P. Nowak // Aspects linguistiques du texte de propaganda. Paris, 2005.

Zimny, R. Obraz świata i językowy obraz świata / R. Zimny // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav), Band 9. München, 2006.

Zimny, R. Kreowanie obrazów świata w tekstach reklamowych / R. Zimny. Warszawa, 2008.

Zimny, R. Etyczny status fikcji reklamowej / R. Zimny // Retoryka i etyka. Poznań, 2009.

Zimny, R. Słownik polszczyzny politycznej po 1989 roku / R. Zimny, P. Nowak. Warszawa, 2009.

Zimny, R. Tryby funkcjonowania polskich ksenizmów politycznych w tekstach medialnych / R. Zimny // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav), Band 12. München, 2009.

Мартин Поправа (Польша, Вроцлав)

Вроцлавские исследования публичного дискурса

Исследования дискурса в Институте польской филологии вписываются в рамки интегрированной науки о социальной коммуникации. Одной из сфер методологической рефлексии и подробных эмпирических исследований является анализ публичного дискурса.

Во вроцлавской школе исследования коммуникации на данный момент появились многочисленные монографии и исследования, посвященные различным коммуникационным практикам, а также социальным уровням использования языка и невербальной коммуникации. Объектом этих исследований чаще всего являются различные коммуникационные события и стратегии коммуникации, которые используются для взаимопонимания в СМИ, политике и общественных учреждениях. Достижения группы вроцлавских ученых, специализирующихся в коммуникологии, представлены следующим образом:

- исследования политического дискурса, а также языка политической пропаганды в условиях разных историко-системных реалий, начало которым было положено Иреной Каминьской-Шмай, которые также были дополнены и продолжены Агнешкой Дытман-Стасенько [7], Малгожатой Давидяк-Кладочной [5] и Мартином Поправой [25];
- исследования дискурса самоидентификации поколения поляков, юность которых пришлась на время системной трансформации в 1989 году (анализ публичного дискурса Камиллы Бискупской).

Монографии, опубликованные группой вроцлавских ученых, посвящены дискурсу СМИ [23], а также его отдельным видам (например, диссертация Мартина Олексего, посвященная жанру письма в редакцию). Работы, в которых отражается культурный, семиотический и аксиологический аспекты вербального и невербального языкового поведения в СМИ (в рамках этой темы появились исследования на границе дискурс-анализа и критического дискурс-анализа), в основном, авторства Т. Пекота, в них также принимали участие М. Поправа и М. Засько-Зелиньска.

В перечисленных работах можно отметить общую перспективу исследований – публичный дискурс как «динамическая структура» и «процесс» [4] на разных уровнях социальной коммуникации.

В польской традиции социальных исследований распространилась позиция Марка Чижевского [2], который называет публичным дискурсом сеть сообщений, возникающих во всеобщем социальном употреблении. В тех же границах появляются такие его разновидности, как а) дискурс политики; б) дискурс СМИ; в) социальный дискурс и т.д. Данную типологию наверняка можно уточнять и пополнять (см. в том числе Т. А. ван Дейк, Е. Бартміньски и др.). Выделенные сферы являются репрезентативными по отношению к проблемам интегрированных коммуникологических исследований, проводимых в Институте польской филологии Вроцлавского университета по своей методологической традиции, тематической перспективе и дидактическому употреблению (см. описание специальности «Коммуникология» в данном издании).

Самые первые исследования публичного дискурса среди вроцлавских полонистов были осуществлены Иреной Каминьской-Шмай. Среди работ этого вроцлавского лингвиста, в основном посвященных различным типам языка политики XX века, можно выделить несколько центральных проблем, которые включают в том числе:

- синтез стратегий языкового поведения, используемых в пропаганде межвоенного двадцатилетия, в период ПНР, а также после историко-системного перелома в 1989 году [10, 11, 12, 16, 18];
- рассуждения о влиянии политической культуры на подбор стратегий языкового поведения, используемых адресантами политических текстов [10, 13, 17];
- попытку упорядочения терминов и сфер исследования механизмов убеждения, пропаганды и манипуляции [14];
- исследования языковой агрессии в общественной жизни с акцентом на политическое оскорбление как чрезмерно употребляемую стратегию языкового поведения.

Исследования польских лингвистов политических текстов воздействующего и манипуляционного характера, вдохновленные в основном работами Валерия Писарека [24], Михала Гловиньского [8] и Ежи Бральчика [1], обогащает монография И. Каминьской-Шмай под названием «Подбивает, унижает, лишает чести. Язык политической пропаганды в прессе 1919–1923 гг. (Judzi, zohydza, ze czci odziera. Język propagandy politycznej w prasie 1919–1923)» (Вроцлав, 1994). Автор показывает в этой работе, написанной на материале прессы межвоенного двадцатилетия (т.е. периода обретения независимости, бурных идеологических дискуссий о концепциях государственной системы и различных точках зрения на систему общественных ценностей и того, что лежит в основе демократического общества), прагмалингвистические универсалии стратегий языкового поведения, используемые в целях пропаганды. Ирена Каминьска-Шмай описывает уровень **воздействия и манипуляции в полемике в СМИ**, которая оказала воздействие на концептуализацию многих общественных проблем исследуемого периода, а также отразила атмосферу политических споров и актов языковой агрессии, характерных для периода Второй Республики. В этой монографии, которая выявляет характер текстов, нацеленных на привлечение поддержки и побуждающих к спорам идеологического характера, показаны явления, которые сегодня называются перспективными для будущих исследований и выдержаны в духе критического дискурс-анализа [5, 6, 9]. Речь идет в том числе о функции стереотипов в политической борьбе, которые служат для артикуляции поляризованных мировоззренческих позиций, и, кроме того, являются примерами актуализации «языка ненависти» [26, 27, 22, 21], а, следовательно, явлений, с точки зрения коммуникационной этики, негативных. Наиболее интересные из затронутых в работах установок выявляют некоторые универсалии языка политики, который функционирует и в современной модели государственной системы:

- характерная для субъектов политической борьбы склонность к конструированию действительности с помощью дихотомии МЫ – ОНИ;
- презентация себя (своей идеологической и политической позиции) с сопутствующей дискредитацией политического соперника;
- многоголосие, полифония, стилистическая вариативность политического дискурса в ситуации, когда он создается многими субъектами политики (т.е. в условиях партийного и идеологического многообразия);
- склонность адресантов к пропагандистским выступлениям, просторечию, ярким, легко распознаваемым языковым формам, и в то же время к формам креативным с учетом использования устойчивых метафорических конструкций;
- погоня за политическим успехом у избирателей, чему сопутствует низкий уровень политической культуры, проявляющийся в вульгаризации языка;
- острая поляризация взглядов, которой сопутствуют такие негативные образцы языкового поведения, как ссоры, скандалы, оскорбления, дискредитирующие высказывания.

Очень интересными являются параболы между современными тенденциями в сфере политического высказывания и примерами, описанными Иреной

Каминьской-Шмай на материале прессы межвоенного двадцатилетия. Примером для такого сравнения может быть приведенный в монографии отчет заседания Сейма в 1923 году:

> «Чуть ли не каждое заседание Сейма заканчивается скандалом, проходящим под аккомпанемент ударов по пультам, среди шума, который был бы уместен в таверне, но никак не в святыни права, коей является Сейм».

Описанная в этом кратком фрагменте отчета из еженедельника «Пяст» (№ 5, август 1923 г.) [11, с. 217] ситуация хорошо узнаваема и в сегодняшнем политическом дискурсе, и вполне могла бы быть представлена исследователями современного политического дискурса как иллюстрация использования негативного стиля поведения в политической полемике.

Приведенные вроцлавским исследователем средства убеждения, используемые в политике, автор продолжает наблюдать и описывать и в дальнейших своих работах, посвященных в основном уже современному публичному дискурсу [28]. В этом издании показана связь между системными преобразованиями в Польше, которые были осуществлены после 1989 года, и языком публичных дебатов. «Эта книга появилась, – пишет автор во вступлении, – как результат наблюдений за изменениями, происходящими в языке в течение примерно 20 лет (т.е. в период системной трансформации – М. П.), а особенно в его функциональности, использовании в текстах политической сферы, которые создаются политическими группировками и людьми, вовлеченными в общественную жизнь» [28, с. 7].

Изменения, о которых идет речь во вступлении, касаются в основном стилистики и сферы воздействия политических выступлений, которые в новой ситуации общения строились на основе преобразования «новояза» в «многоголосие» акторов политической сферы и их адресатов. Вроцлавский исследователь анализирует различные типы современного публичного дискурса: показывает идеологическую оснащенность текстов СМИ, провоцирующих дискуссию на социальные, мировоззренческие и политические темы. Кроме того, в работе была описана риторика, сопутствующая спорам о ценностях, касающихся национальной самоидентификации, истории, представлен также символический уровень социальных конфликтов, причиной которых является конфронтация идеологизированных точек зрения (например, дискуссии на тему политических и межнациональных польско-еврейских отношений). Прагмалингвистический уровень важных для политического дискурса форм поведения политических деятелей описан на примере новых (после 1989 года) коммуникационных ритуалов (как, например, ход парламентских дебатов, избирательных собраний или даже не стесненного цензурой политического юмора, анекдота).

Наиболее яркой работой Ирены Каминьской-Шмай является книга «Языковая агрессия в общественной жизни. Лексикон политических оскорблений 1919–2000 гг.» [16]. Здесь автор показывает особенности функционирования языка политической пропаганды на фоне меняющейся в XX веке в Польше модели общения и взаимодействия правящих и управляемых (результатом такого наблюдения является сравнительное описание трех важных, во всяком

случае отличных по контексту исторического, культурного и системного влияния периодов политической коммуникации). Исследователь пересматривает богатую литературу на тему языка политики и, учитывая множество позиций, перекладывает тяжесть описания этого коммуникационного феномена с его стилистических черт на прагмалингвистические характеристики, показывающие влияние исторических, идеологических, социальных и культурных факторов:

> «Языковое поведение в сфере политики определяется моделью политической коммуникации, доминирующей в определенной политической системе, а также признанными (или непризнанными) обществом образцами культуры, создаваемыми и насаждаемыми правителями, а в плюралистических системах также участниками публичного дискурса, которые представляют разные политические взгляды, провозглашают разные идеологии, представляют различные системы ценностей. Именно функционирующие в данном обществе принципы политической коммуникации и тесно связанные с ними формы политической культуры определяют, как люди стремятся к власти, как расширяют ее, каким образом влияют на других» [16, с. 11].

Основным **объектом** интереса исследователя является политическое оскорбление как проявление агрессии в общественной жизни, а также универсальная языковая категория «борьба за власть». Исследователь показывает на фоне материала, извлеченного из текстов прессы, парламентских дебатов, высказываний и выступлений политиков на телевидении, инструментарий прагмалингвистического, стилистического и текстового анализа оскорблений, реконструируя идеологический, аксиологический и эмоциональный уровни полемик, которые на протяжении всего прошлого века сопутствовали важным спорам о государственном устройстве и национальной самоидентификации. Необычайно важным для влияния на публику оказывается интертекстуальный характер оскорблений [15], которые становятся не только отличительным знаком публичных споров данного времени, но прежде всего закрепляются как символы, крылатые слова и цитаты в общем пространстве массовой коммуникации, а также в узусе.

Принцип интердисциплинарности науки о коммуникации нашел живое отражение в интеграции гуманитариев, психологов и исследователей-социологов во время научных конференций цикла «Лица коммуникации». Результатом совместных научных дискуссий исследователей-социологов, психологов, специалистов в сфере СМИ, а также представителей различных лингвистических школ стало появление издательской серии (под тем же названием), содержащей статьи на тему социальной коммуникации [19, 20].

В заключение необходимо добавить, что перспективы исследований дискурса, которые берут начало во вроцлавской лингвистической школе, находят применение и в дидактической программе, ориентированной на студентов, в рамках недавно введенной специализации «Коммуникология».

1. *Bralczyk J.* O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. Warszawa, 2001.
2. Rytualny chaos. Studium dyskursu publicznego / M. Czyżewski, A. Piotrowski, S. Kowalski (red.). Kraków, 1997.
3. *Dawidziak-Kładoczna M.* „Cherlacy z sercem oziębłym…". Język pism i mów Józefa Piłsudskiego. Łask, 2005.
4. Dyskurs jako struktura i proces / T.A. Van Dijk (red.). Warszawa, 2001.

5. *Van Dijk T.A.* Dyskurs polityczny i ideologia // Etnolingwistyka. 2003. № 15.
6. Krytyczna analiza dyskursu. Interdyscyplinarne podejście w komunikacji społecznej / A. Duszak, N. Fairclough (red.). Kraków, 2008.
7. *Dytman-Stasieńko A.* Święto zawłaszczonych znaczeń. 1 Maja w PRL. Ideologia, rytuał, język. Wrocław, 2006.
8. *Głowiński M.* Nowomowa po polsku. Warszawa, 1992.
9. Analiza dyskursu w socjologii i dla socjologii / A. Horolets (red.). Warszawa, 2009.
10. *Kamińska-Szmaj I.* Co to jest kultura polityczna? // Język a Kultura, t. 11, Język polityki a współczesna kultura polityczna / J. Anusiewicz, B. Siciński (red.) Wrocław, 1994.
11. *Kamińska-Szmaj I.* Judzi, zohydza, ze czci odziera. Język propagandy politycznej w prasie 1919–1923. Wrocław, 1994.
12. *Kamińska-Szmaj I.* Słowa na wolności. Wrocław, 2001.
13. *Kamińska-Szmaj I.* Człowiek zwierzęciem politycznym // Język a Kultura, t. 20, Opozycja „homo – animal” w języku i w kulturze / A. Dąbrowska (red.). Wrocław, 2003.
14. *Kamińska-Szmaj I.* Propaganda – perswazja – manipulacja – próba uporządkowania pojęć // Manipulacja w języku / P. Krzyżanowski, P. Nowak (red.). Lublin, 2004.
15. *Kamińska-Szmaj I.* Wyrazy obraźliwe w intertekstualnej przestrzeni // Poradnik Językowy. 2005. № 4.
16. *Kamińska-Szmaj I.* Agresja językowa w życiu publicznym. Leksykon inwektyw politycznych 1919–2000. Wrocław, 2007.
17. *Kamińska-Szmaj I.* Język polityki na tle przemian kulturowych // Język a Kultura, t. 20, Tom Jubileuszowy / A. Dąbrowska (red.). Wrocław, 2008.
18. *Kamińska-Szmaj I.* Język propagandy politycznej w II Rzeczypospolitej // Poradnik Językowy. 2008. № 8.
19. Oblicza komunikacji 2 // Ideologie w słowach i obrazach / I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Poprawa (red.). Wrocław, 2008.
20. Oblicza komunikacji 1. Perspektywy badań nad tekstem, dyskursem i komunikacją / I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Zaśko-Zielińska (red.). Kraków, 2006.
21. *Nijakowski L.* Mowa nienawiści w świetle teorii dyskursu // Analiza dyskursu w socjologii i dla socjologii / A. Horolets (red.). Warszawa, 2009.
22. *Ożóg K.* Pauperyzacja języka współczesnej polityki // LingVaria. 2006. № 1.
23. *Piekot T.* Dyskurs polskich wiadomości prasowych. Kraków, 2006.
24. *Pisarek W.* Język służy propagandzie. Kraków, 1976.
25. *Poprawa M.* Telewizyjne debaty polityków jako przykład dyskursu publicznego. Kraków, 2009.
26. Psychologia polityczna / K. Skarżyńska (red.). Poznań, 2009.
27. *Skarżyńska K.* Jak porozumiewają się politycy: język ostrych kategoryzacji; psychologiczne przyczyny i konsekwencje // Zmiany w publicznych zwyczajach językowych / J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska (red.). Warszawa, 2001.
28. *Kamińska-Szmaj I.* Słowa na wolności. Wroclaw, 2001.

Дорота Бжозовска (Польша, Ополе)

Исследования дискурса в Опольской школе стилистики

Я представляю Опольскую школу стилистики, основанную профессором ***Станиславом Гайдой***. Исследования этой школы ориентированы на изучение различных стилей. В 1995 году был опубликован Przewodnik po stylistyce polskiej (Справочник по польской стилистике). Академический центр проводит исследования различных стилей – разговорного, художественного, научного (включая такие варианты, как псевдонаучный и дидактический), административно-правового и религиозного.

В настоящее время исследования сфокусированы на анализе дискурса, включая такие области, как гендерный и юмористический дискурс. В академическом центре проводятся международные конференции по стилистике,

а с 1992 года издается журнал “Stylistyka” (Стилистика). Он поддерживается комитетом по лингвистике Польской академии наук, Польским лингвистическим институтом Польской академии наук и Институтом польской филологии университета в г. Ополе.

Профессор Станислав Гайда также координирует важную славянскую программу под названием „Współczesne przemiany języków słowiańskich” (Современные трансформации славянских языков), что делает Ополе важным центром международных сравнительных исследований.

Мое направление – юмористический дискурс (обыденный дискурс). Оно объемно представлено в моей монографии «Польский этнический анекдот. Стереотип и идентичность» (Polski dowcip etniczny. Stereotyp a tożsamość). В ней предпринята попытка показать этнический польский анекдот как определенное единство, видимое в контексте появляющихся в нем скриптов и их взаимосвязей со стереотипами. Синтез проведен исходя из предположения, что существует возможность отфильтровать из развлекательных текстов элементы, формирующие современную польскую национальную идентичность. В работе использованы возможности, которые дает современное языковедение, позволяющие выполнить требования к междисциплинарному исследованию и использовать в языковедческих исследованиях результаты, полученные учеными родственных дисциплин.

Предметом изучения этой книги является состоящий из более двух тысяч текстов корпус анекдотов, в котором центральное место занимают современные анекдоты, почерпнутые из разных источников. Кроме книжных изданий были также тексты, публикуемые в прессе, брошюрные издания, тексты, размещенные на многочисленных сайтах в Интернете, и тексты, передаваемые устно. Кроме того, в качественных исследованиях, проводимых по методу анализа случайности, были использованы статьи и комментарии из прессы, касающиеся анекдотов, а также высказывания на их тему, появляющиеся на интернетных форумах. В работе представлены тексты, наиболее характерные для тематики национальной идентичности, позволяющие указать скрипты, чаще всего появляющиеся в польских этнических анекдотах и анализируемые в контексте наиболее значимых для нашей культуры стереотипов.

С целью представления влияния содержания, заключенного в этнических анекдотах, на польскую национальную идентичность был использован ряд методов и методик:

- построение семантической теории вербального юмора;
- профилирование;
- критический анализ дискурса.

Это позволило углубиться в текст и ответить на вопрос: «Как выглядит ситуация?» и «С чьей точки зрения рассматривается настоящее явление?», а также «Почему так происходит и что к этому привело?». Представление исторического, общественного и политического контекста, являющегося фоном рассматриваемых текстов, должно было помочь понять почву, на которой эти тексты выросли, и открыть то, что можно узнать из текстов об их создателях и адресатах.

Работа состоит из трех частей. В первой из них представляется теоретический подход к проводимым рассуждениям, а также методология проведенных исследований. В ней были выбраны терминологические определения и показаны связи между различными типами дискурсов, затрагивающих проблематику стереотипов, проявляющихся в анекдотах.

Вторая часть касается образа национальностей, присутствующих в польских анекдотах. Первая глава посвящена национальному характеру, а также «автостереотипу» поляка. Каждая из последующих глав построена аналогично и состоит из трех основных частей: из характеристики соответствующего этнонима, из истории стереотипа, проявляющейся в отдельных группах текстов на фоне истории отношений между поляками и представляемой этнической группой, а также из образа данной национальности в соотношении с современными анекдотами.

Последующие главы представляют гетеростереотипы, присутствующие в анекдотах о представителях отдельных, самых важных для польских этнических анекдотов, национальностей. Во второй главе анализируется стереотип русского, в третьей главе – немца, в четвертой главе – образ еврея, а в пятой – американца. В этих главах образы национальностей составлены как бы «внутренне», так как показаны в них различные аспекты и облик одного образа, выходящего из традиционных монолитных концепций восприятия этничности.

В третьей части, являющейся своеобразным подведением итогов, мы предлагаем новую перспективу взгляда на проблему идентичности, отражаемой в анекдотах. Голос предоставляется здесь полифоническим и конструктивистским концепциям, позволяющим показать многослойную национальность, поскольку формировалась она фрагментарно из многих одновременных и совершенно разных точек зрения. Именно такой переход от ясных и выразительных национальных соотношений к более сложным отношениям является иллюстрацией главной мысли работы, основанной на предположении, что в настоящее время произошло перемещение центра тяжести с вопроса «Каков поляк (русский, немец, еврей, американец)?» по направлению к вопросу «Что значит быть поляком (русским, немцем, ...)?». Существенным признается привлечение внимания к национальным проблемам таким образом, чтобы придать новое значение вопросам идентичности, поскольку такая точка зрения заставляет выйти за пределы схематичного упрощения и дает значительно более распространенные, но в то же время лучше освещающие проблемы современной действительности, объяснения.

Изменения, которые претерпели анекдоты, наиболее выразительно проявляются в преображениях, касающихся представителей групп, о которых идет в них речь. В довоенный период самыми популярными героями этнических анекдотов были евреи как важные соучастники общественной жизни. Во время Второй мировой войны их место заняли союзники и немцы, а до падения коммунизма – в основном русские. Представители двух последних национальностей как самые близкие извечные соседи определили канон польских этнических анекдотов с их центральной, традиционной серией текстов о «поляке, русском и немце». В период «холодной войны» русским сопутствовали в качестве положительных героев американцы. В новейших анекдотах именно

они начали занимать господствующую позицию. Они дополняют классическую триаду или заменяют одного из представителей других национальностей – в основном немцев.

В послевоенный период в Польше анекдоты о некоторых национальностях и этнических группах начали предаваться забвению. Вместо анекдотов о евреях появились тексты о шотландцах, а остальные, лишенные характерных элементов (напр., языковых), вобрали в себя тексты общего пользования. Однако в последние годы вернулась мода на заинтересованность еврейской культурой – а вместе с ней частично ожил еврейский «шмонцес». Героями этнических анекдотов все чаще становятся представители разных других национальностей, о которых раньше редко вспоминалось. Присоединению Польши к Евросоюзу сопутствовало появление в анекдотах чиновников Евросоюза и жителей отдельных его государств. Более легкое и быстрое перемещение анекдотов привело к тому, что тексты, появляющиеся локально, в течение очень короткого времени становились распознаваемыми глобально. Благодаря этому анекдоты о маленьких обществах охватывают общества побольше, а анекдоты о национальностях проникают уже в страны не только соседствующие.

ЛИТЕРАТУРА

Brzozowska, D. Creating Gender in Texts. A study in two testimonies / D. Brzozowska // Stylistyka XIII. 2004.

Brzozowska, D. Funny or aggressive? Pragmatic analysis of national stereotypes in an advertisement – a case study / D. Brzozowska // Stylistyka. 2006.

Brzozowska, D. Punchlines as special types of beginnings and endings / D. Brzozowska // Messages, Sages and Ages. Representations of Beginnings and Endings. Proceedings of the 2nd International Conference on British and American Studies. Suceava, 2006.

Brzozowska, D. Гендерные стереотипы. Языковой анализ разговора женщин / D. Brzozowska // Стереотипность и Творчество в Тексте. 2006. № 10.

Brzozowska, D. Czas a tożsamość w perspektywie kulturowej – na przykładzie powieści Lisy See „Kwiat Śniegu i sekretny wachlarz" / D. Brzozowska // Stylistyka XVI. 2007.

Brzozowska, D. Jokes, identity, and ethnicity / D. Brzozowska // New Approaches to the Linguistics of Humor. Galati, 2007.

Brzozowska, D. Polski dowcip etniczny. Stereotyp a tożsamość / D. Brzozowska. Opole, 2008.

Brzozowska, D. Polish Jokelore in the Period of Transition / D. Brzozowska // Permitted Laughter: Socialist, Post-socialist and Never-socialist Humour. Tartu, 2009.

Brzozowska, D. Polski dyskurs ludyczny i jego międzynarodowe konteksty / D. Brzozowska // Tekst i dyskurs – Text und Diskurs. 2009. S. 149–161.

Przewodnik po stylistyce polskiej / S. Gajda (red.). Opole, 1995.

Stylistyka / S. Gajda (red.). Opole.

Biniewicz, J. Rozwój polskiej terminologii chemii nieorganicznej / J. Biniewicz. Opole, 1992.

Biniewicz, J. Kształtowanie się polskiego języka nauk matematyczno-przyrodniczych / J. Biniewicz. Opole, 2003.

Brzozowska, D. O dowcipach polskich i angielskich. Aspekty językowo-kulturowe / D. Brzozowska. Opole, 2000.

Brzozowska, D. Polski dowcip etniczny. Stereotyp a tożsamość / D. Brzozowska. Opole, 2008.

Chlebda W. Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne / W. Chlebda. Opole, 2005.

Literatura i wiedza / E. Dąbrowska, W. Bolecki (red.). Opole, 2006.

Człowiek i czas. Studia i szkice o literaturze współczesnej / E. Dąbrowska, A. Pryszczewska-Kozołub (red.). Opole, 2002.

Teksty – konteksty – interpretacje. W kręgu literatury, języka i kultury / E. Dąbrowska, K. Kossakowska-Jarosz (red.). Opole, 2007.

Gajda, S. Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym / S. Gajda. Warszawa, 1982.

Gajda, S. Wprowadzenie do teorii terminu / S. Gajda. Opole, 1990.
Gajda, S. Współczesna polszczyzna naukowa / S. Gajda. Opole, 1990.
Synteza w stylistyce słowiańskiej / S. Gajda. (red.). Opole, 1991.
Systematyzacja pojęć w stylistyce / S. Gajda (red.). Opole, 1992.
Stylistyczne konfrontacje / S. Gajda (red.). Opole, 1994.
Styl a tekst / S. Gajda (red.). Opole, 1996.
Współczesne przemiany języków słowiańskich / S. Gajda (red.). Opole, 1996.
Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich. T. 1–14 / S. Gajda (red.). Opole, 1996–2004.
Komparacja Systemów i Funkcjonowania Współczesnych Języków Słowiańskich. T. 1–3 / S. Gajda (red.). Opole, 2003–2008.
Świat humoru / S. Gajda, D. Brzozowska (red.). Opole, 2000.
Makuchowska, M. Modlitwa jako gatunek języka religijnego / M. Makuchowska. Opole, 1998.
Makuchowska, M. Bibliografia języka religijnego 1945–2005 / M. Makuchowska. Tarnów, 2007.
Malinowska, E. Wypowiedzi administracyjne – struktura i pragmatyka / M. Makuchowska. Opole, 2001.
Język – prawo – społeczeństwo / E. Malinowska (red.). Opole, 2004.
Nocoń, J. Podręcznik szkolny w dyskursie dydaktycznym – tradycja i zmiana / J. Nocon. Opole, 2009.
Piotrowski, T. Problems in bilingual lexicography / T. Piotrowski. Wrocław, 1994.
Piotrowski, T. Z zagadnień leksykografii / T. Piotrowski. Warszawa, 1994.
Piotrowski, T. Zrozumieć leksykografię / T. Piotrowski. Warszawa, 2001.
Starzec, A. Rozwój polskiej terminologii motoryzacyjnej / A. Starzec. Opole, 1984.
Starzec, A. Współczesna polszczyzna popularnonaukowa / A. Starzec. Opole, 1999.
Tabisz, A. Kompetencja tekstotwórcza uczniów na przykładzie rozprawki / A. Tabisz. Opole, 2006.
Wyderka, B. Cechy składniowo-stylistyczne siedemnastowiecznej prozy publicystycznej: piśmiennictwo śląskie na tle ogólnopolskim / B. Wyderka. Opole, 1990.
Wyderka, B. „Przedziwny wszędzie": o stylu Mikołaja Sępa Szarzyńskiego na tle tendencji stylistycznych poezji polskiego renesansu / B. Wyderka. Opole, 2002.

КОГНИТИВНО-РИТОРИЧЕСКОЕ И КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯХ

Элеонора Лассан (Литва, Вильнюс)

Анализ дискурса как анализ сознания

Оттолкнемся от того, что существует огромное количество определений дискурса. Патрик Серио в известной книге «Квадратура смысла» приводит восемь значений, которыми наделяется слово «дискурс», а польский ученый Олег Лещак насчитал их больше тридцати. Тут вспоминаются слова известного советского лингвиста Т.Г. Винокура: «Есть некоторые термины (...), употребление которых отличается такой неопределенностью и разноголосицей, что попытка извлечь из этого хаоса определений и формулировок что-либо отчетливое, цельное и единое, хотя бы она в конце концов и удалась, всегда связана с риском сбиться с толку и остаться без собственного знания. Лучше... просто овладеть содержанием этого предмета путем непосредственного и самостоятельного проникновения в его сущность».

Думаю, нам не следует стремиться к единому определению дискурса. Мы все отметили, что дискурс – это не единичный текст. Тезис, который нас объединяет: главное, чтобы (если мы берем какое-то определение дискурса) наши методы соответствовали природе нашего ***объекта***. Что я имею в виду?

Всем известно определение дискурса, данное Т. ван Дейком, содержание которого в целом сводится к следующему: дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее текст и сознание говорящего и слушающего. Если мы обратим внимание на выражение «сознание говорящих и слушающих», то нам открывается тот аспект анализа, который четко отличает анализ текста от того, что мы называем анализом дискурса. Когда мы анализируем текст, то мы анализируем его формальную структуру; когда мы анализируем дискурс – мы анализируем «сознания», которые стоят за текстом. В таком случае мы можем говорить (в соответствии с положениями французской школы анализа дискурса), что дискурс – это не единый текст, а совокупность высказываний, за которыми стоит единое сознание и единая социальная позиция. Можно говорить об особенностях индивидуального сознания, порождающего определенный дискурс, если имеется в виду автор многих произведений (например, дискурс Толстого, дискурс Станислава Лема). Мы можем говорить о дискурсе власти (допустим, в России или Польше), поскольку за текстами людей, стоящих у власти, стоит общая позиция (удержание и оправдание действий власти). Мы можем говорить о женском дискурсе, потому что за этим дискурсом стоит женское сознание. Мы можем говорить шире о дискурсе, например, XX века (русском или польском), потому что имеем в виду опять же сознание, которое воспитано в этом веке. Так, в моей книге «Дискурс власти и инакомыслия в СССР» последняя глава посвящалась дискурсу академика А. Сахарова. И было показано, что его дискурс по заданным исследователем параметрам, имея общее с дискурсом власти и с дискурсом инакомыслия в области риторического обеспечения текста, по заложенным в нем структурам (со)знания в то же время не был схож ни с дискурсом власти, ни с дискурсом инакомыслия. Эти «структуры (со)знания» были слишком «несвоевременны» для своего времени, поэтому, видимо, до сих пор не реализованы. Как сказала Валерия Новодворская, «мы положим их в банк, для своих внуков».

Теперь возникает вопрос: если анализируются сознания, стоящие за текстом, то в каких категориях и каким образом может это сознание быть проанализировано? И вот тут мы переходим на почву когнитивной лингвистики и используем ее аппарат. Структурами сознания можно считать хранящиеся в так называемом когнитивном пространстве (национальном и индивидуальном) фреймы (т.е. определенным образом организованные структуры знаний об объектах и явлениях действительности), концептуальные метафоры, концепты. Когда в 1995 году вышла книга «Дискурс власти и инакомыслия в СССР», я показала процесс порождения (генерации) текста у тех, кто представлял собой власть, и тех, кто представлял собой диссидентство. И эти тексты были посвящены одному объекту – судебному процессу над писателями Даниэлем и Синявским. Согласно идее (здесь и ***методика*** и ***методология***) исследования, порождение текста и одновременно его структура имеют три уровня (соответственно, анализ проходит в три этапа). Аппарат включал выделение понятийных бинарных оппозиций, составляющих суть идеологии (сейчас об этом говорят широко, тогда об этом не говорили): идеологическое сознание опирается на оппозицию понятий, из которых одно утверждается, а другое отрицается.

В дискурсе власти присутствовали следующие оппозиции: коммунизм–антикоммунизм, патриотизм–антипатриотизм, гуманизм–антигуманизм, законность–беззаконие, коллективизм–индивидуализм.

Как выделялись оппозиции? О наличии оппозиции в тексте можно говорить тогда, когда в нем достаточно часто встречается оценочное противопоставление понятий, то есть в сущности, применяется ***метод контент-анализа***, строящийся на положении о том, что степень важности некоторой сущности коррелирует с частотой ее упоминания в речи.

Дискурс инакомыслия опирался почти на те же оппозиции: отсутствовала оппозиция коммунизм–антикоммунизм, но было противопоставление гуманизма–антигуманизма, патриотизма–антиатриотизма и законности–беззакония.

Интересно, что дискурс власти и инакомыслия содержал три общие оппозиции, однако их наполнение обозначило **когнитивный конфликт**: имела место разная трактовка понятий гуманизм, патриотизм, законность. Что понимала власть под понятием «патриотизм»? Патриотизм – любить свою Родину, а значит, не говорить о ней плохо. Соответственно, антипатриотизм заключался в том, что о Советском Союзе говорили что-то плохое. Даниэль и Синявский были антипатриотами, потому что посмели говорить что-то плохое о Советском Союзе. А диссидентство понимало эту оппозицию по-другому, отсюда появляются понятия «истинный патриотизм» и «ложный патриотизм». Диссидентство понимает патриотизм так: стараться излечить свою Родину, говорить о недостатках для того, чтобы исправить эти недостатки. Такое отношение к (анти)патриотизму имеет глубокие исторические корни в России. Когда Чаадаев говорил плохо о России, его объявили сумасшедшим.

Соответственно гуманизм в дискурсе инакомыслия трактовался в традиционном христианском духе как «милость к падшим». В дискурсе власти снисходительность, милость к «грешникам» получала название ложного патриотизма, а истинным был тот, чьей оборотной стороной выступала «непримиримость к врагам социализма».

Я хочу обратить внимание на процесс, который произошел после 85-го или 91-го года. Произошла не просто социальная, а произошла когнитивная революция. То, что понимала власть под антипатриотизмом, стало пониматься как патриотизм. То же самое произошло с оппозицией гуманизм–антигуманизм. У Сахарова оппозиции патриотизм–антипатриотизм нет (как нет ее в христианстве), у Сахарова «человечество – единая семья». Похоже, что социальные революции происходят тогда, когда понятия меняются знаками: то, что было плюсом, становится минусом. Поэтому Путин так легко вернул прежнее понимание патриотизма (прославление мощи России). В России начало нового века окрашено доминированием понимания патриотизма в интерпретации власти.

Это первый этап анализа генерации текста.

Второй этап: эти оппозиции существуют в сознании, но как они переходят в текст? Они переходят в текст через концептуальные метафоры, которые над ними «надстраиваются», ориентируя носителей культуры определенным образом относиться к тому или иному ценностному понятию оппозиции, составляющей первый этап (уровень) порождения текста. Оппозиция «коммунизм-антикоммунизм» переходила в текст через метафору «мир – фронт борьбы

между коммунизмом и антикомунизмом». Отсюда вся риторика текста: враги, шпионы, предатели, баррикады и т.д. «Патриотизм–антипатриотизм»: у власти патриотизм – «Родина – это мать» (поэтому о ней нельзя говорить плохого), отсюда: они подняли руку на нашу мать. У инакомыслия – «Россия – близкий больной человек, который нуждается в лечении»; «гуманизм–антигуманизм»: у власти (и это интересно для России) – «гуманизм и непримиримость – две стороны одной медали». У инакомыслия: «гуманизм – милость к тем, кто страдает, кто оступился». Эти метафоры определяют дальше всю риторику текста. Таким образом, предлагаемый в книге анализ политического текста заключается прежде всего в том, чтобы выявить оппозиции и концептуальные метафоры, которые, с одной стороны, отражают характер знаний субъекта, порождающего политический текст, а с другой – показывают этапы перехода структур сознания в текст и объясняют закономерный характер его риторических средств. Кстати, выбор риторических средств осуществляется на третьем уровне порождения текста и определяется как концептуальной метафорой, так и принятым в данной идеологии способом воздействия на Другого – подлинно Другого, думающего и действующего иным образом, или Другого как адресата текста, которому только предстоит принять вживляемые в его сознание идеологические установки.

И сегодня актуальность подхода сохраняется – такое исследование предприняла моя докторантка Юрга Цибульскине: «Концептуальные метафоры в предвыборном дискурсе литовских и британских политических партий». В чем сегодня трудность политической жизни Литвы, может быть, и Польши? Пока шли в Евросоюз, работала метафора «пути», «средства передвижения» (Литва на пути в Евросоюз, Литва вскочила в последний вагон, Литва успела, Литва едет в экспрессе, – из этих метафор вытекает взгляд на Литву как на пассивного участника движения). Сегодня литовские политические партии не могут найти метафору, чтобы структурировать свою политику и описать ее цель. Сегодня победила партия, которая шла на выборы под лозунгом «Будем строить Литву вместе». Но эта метафора никак не устраивает национальные меньшинства (мы строим, а кто будет жить?). Я предложила литовским политологам метафору «Литва – наш общий дом». Эта метафора устраивает национальные меньшинства. Литовские студенты, которым также была предложена эта метафора политической жизни, сказали примерно следующее: но ведь общий дом – это общежитие, и жить в нем неудобно. Поэтому для того чтобы создать некоторую общественную идеологию, способную сплотить людей как членов единого государства, нужно найти метафору, которая бы всех устраивала. Кстати, литовские студенты на занятиях по курсу «Политическая лингвистика» предлагали метафору «Литва – наш сад». Русские и поляки не согласились – метафора не вызывает у них чувства защищенности, необходимого уюта.

Только что я показала, что идеологически противопоставленные силы опираются на разные представления о действительности, оформленные бинарными оппозициями понятий и концептуальными метафорами, бытующими в сознании.

Анализируя политические тексты, мы видим ***цель*** в ответе на следующие вопросы: чем власть хочет казаться и чем она является на самом

деле? (слова Барта). И тут появляется новый аппарат, я называю его выявление «слов-ключей». Поясню сказанное некоторыми примерами: в 1998 г. первый государственный деятель России произнес фразу: Механический перенос модели демократического общества с Запада в Россию, к сожалению, не срабатывает. Использование слова «к сожалению» должно свидетельствовать о приверженности говорящего ценностям демократии. Этот оборот создает, если опираться на теорию речевых актов, особый тип речевых актов – экспрессив, цель которого – выразить психологическое состояние говорящего при наличии того условия, что это состояние искренне испытывается говорящим. В принципе искренность / истинность речевого акта с такой пропозицией зависит от четырех условий: 1) истинность основной части: модель демократии в России действительно не срабатывает; 2) неистинность: на самом деле модель демократии в России срабатывает; 3) искренность оборота – говорящий действительно об этом сожалеет; 4) неискренность оборота – говорящий использует оборот как этикетную формулу, на самом деле не испытывая таких чувств, но желает создать видимость поборника демократии. Как можно попытаться установить искренность говорящего? Предложенная фраза-тезис продолжается иллюстрацией-аргументом: «Вот вам нынешний яркий пример – ситуация в Карачаево-Черкессии. Выборы прошли по вполне демократическому «стандарту». Во Франции и Англии все бы и закончилось, а в Карачаево-Черкессии не работает. Сразу пошел межэтнический конфликт». Вместе с тем следующая фраза-иллюстрация показывает, что тезис, содержащийся в первом предложении, требовал сужения, так как в тексте речь идет о всей России, а иллюстрация касается отдельного места, не являющегося к тому же прототипическим для концепта Россия. Произведенное говорящим расширение тезиса побуждает думать, что его не устраивает точная формулировка тезиса «...не срабатывает в определенных частях России», имплицирующая вывод – «в других частях России срабатывает». Умолчание вывода может свидетельствовать о нежелании признать осуществимой ситуацию, сторонником которой говорящий, благодаря использованию оборота «к сожалению», пытается себя представить. К чести говорящего следует отметить, что он говорит о «механическом переносе модели западной демократии». Однако непроговаривание специфики демократии «в отдельных частях России» склоняет адресата к мысли о неприемлемости демократической модели для России вообще. Для сравнения: «В нынешней России существует запрос на демократию, но преимущественно не в ее либеральной версии, а в другом, более соответствующем культурной специфике России, варианте...» (Явлинский, из газеты «Яблоко»). Нужно сказать, что анализ оборота «к сожалению» в речи государственных мужей был проделан автором в 2000 г. Искренность речевого акта в рассматриваемом случае позволяла думать о возможностях продолжения разговора с властью о демократических преобразованиях в стране, неискренность превращала высказывание в директивное – побуждение к свертыванию демократизации избирательной системы. Автор склонялся к мысли, что, пусть неосознанно, некто стремился представить себя сторонником демократических преобразований, хотя его «верования» не совпадали с декларируемыми.

Слушателям судить – соответствуют ли сделанные некогда выводы о политических предпочтениях крупнейших политических деятелей России событиям последних лет.

Говоря о попытке описания власти такой, как она есть, не могу не сказать об ангажированности лингвистических знаний. Бурдье, критикуя неолиберальную политику, возлагает ответственность на сторонников чистого знания, которые не видят цель в предотвращении действий, способных иметь роковые последствия. Французский социолог говорит об **ангажированности знаний**, то есть их служении делу предотвращения этих роковых действий. В этом отношении можно сопоставить критическую лингвистику с лингвистикой «ангажированных знаний» с той разницей, что «критические лингвисты» действуют после того, как текст свершился, показывая заложенное в нем злоупотребление властью, результатом которого становится «вживление» стереотипов неравенства определенных групп, а «ангажированные лингвисты» стремятся предупредить о последствиях доверия тому или иному политическому лозунгу, деятелю, вербализованной установке.

11 ноября 2003 г. новостные российские программы показали эпизод выступления президента России В.В. Путина на встрече с работниками муниципальных органов, в рамках которого В.В. Путин произнес следующую фразу: «Демократия на местах – основа народовластия». В последующем выступлении еще несколько раз прозвучало слово *народовластие*. Фраза, содержащая тождественные по смысловому содержанию слова, из которых одно – просто калька другого, тем не менее позволяет говорить об определенных идеологических установках говорящего и, возможно, даже о наличии некоторой «революционной ситуации» в России, проявляющейся в специфических когнитивных процессах, отраженных в дискурсе правящей элиты. Дело в том, что слова *демократия* и *народовластие* относятся к разным идеологическим полям, или разным дискурсным формациям в терминах французской школы анализа дискурса. Народовластие относится к идеологическому полю советской политической системы, где оно объявлялось подлинной демократией, в противовес демократии буржуазной, неподлинной, симулякру демократии. Идеологические коннотации слова, по Жижеку, определяются именно идентификацией его с тем или иным идеологическим полем, имеющим свои идеологические «пристежки». Такой «пристежкой» являлось народовластие, имеющее первой частью слово *народ*, из референта которого исключалась имущая часть населения. Простой народ, трудовой народ и т.п. Народ-ненарод – оппозиция советской идеологии, допускающей истребление «ненарода». Почему после многих лет забвения этого слова в российском политическом дискурсе, использующем во времена Ельцина слово *демократия*, российский президент вновь обратился к нему, и соответственно к возбуждению представлений об определенных идеологических установках? При этом народовластие по отношению к демократии помещалось в иерархическую позицию – именно оно определяло «демократию на местах». Итак, президент России в одном высказывании употребил слова из разных идеологических полей, активизировав в сознании слушателей определенный политический интердискурс: «сферу памяти говорения», «которая проявляется в виде <…> уже сказанного», «область знания, памяти»

(Пульчинелли-Орланди), где народовластие соседствовало с социальной справедливостью и в сущности превращало имущих в лишенцев прав. А демократия соседствует со свободой, столь неопределенным понятием для сознания, привыкшего к сакрализации власти. Когнитивисты могут констатировать в анализируемой фразе явление блендинга – совмещения разных ментальных пространств, вместе с тем когнитивисты, анализирующие риторические средства дискурса, не могут не задаться вопросом: почему он так сказал? (один из вопросов, предлагаемых Ч. Филлмором при анализе порождения текста). Мы предложили свой вариант ответа на этот вопрос: слово произнесено в момент борьбы с «олигархами» (в обыденном представлении – богачами) и коррумпированными представителями власти (на Дальнем Востоке в это время происходит арест крупных чиновников). Таким образом, В.В. Путин употреблением слова *народовластие* подтверждает объявленную олигархам (=эксплуататорам) войну, актуализируя ценности предшествующего 1985 году периода. Это собственно лингвистическое предположение относительно идеологических установок президента России, сделанное на основе анализа одной его фразы, подтвердилось в ходе последующих процессов против Ходорковского и обнародования некоторых материалов, в которых отражен характер беседы В.В. Путина с представителями правых партий в Кремле.

Если обозначать отличие исследований политического дискурса в «школе», которую я представляю, от других школ, то я бы отметила ориентацию, говоря словами Ортега-и-Гассета, на проникновение в тайники жизни политического субъекта, то есть сосредоточенность когнитивно-риторического анализа на ***знаниях (установках, верованиях) говорящего***, составляющих определенные ***структуры его сознания*** и делающих возможным то или иное высказывание и действие говорящего.

Ортега-и-Гассет говорил об ошибках тех, кто пытается составить представление жизни эпохи по сумме высказанных идей, не проникая глубже в слой верований. ***Проникновение в слой верований*** – вот установка литовской школы анализа дискурса, которая в известной степени следует здесь за французской (Альтюссерская школа анализа дискурса, Фуко, Пеше, Куртин и т.д). Привести к некоему общему знаменателю идеологической позиции множество разрозненных высказываний – вот установка, которая исповедуется той группой исследователей, которую я имею честь представлять и в некотором смысле возглавлять. Под идеологией при этом понимается не система отрефлексированных установок политической организации общества, не «ложное мировоззрение», а совокупность нравственных принципов индивида и стоящей за ним социальной группы, их интеллектуальные навыки, психологические ожидания и т.п. (Маркузе, Эко).

Каковы ***методологические истоки*** такого анализа? Это когнитивная лингвистика и, прежде всего, теория концептуальных метафор, это идеи психоанализа (прежде всего, Лакан «бессознательное – это язык»), идеи интертекстуальности Бахтина и французской школы анализа дискурса. Пример: у нас в Литве существует партия президента, которому был объявлен импичмент (Роландас Паксас), и партия называется «Порядок и справедливость». Напомню, что «Единая Россия» шла на выборы под такими же лозунгами. Пред-

ставители партии власти говорили, что России нужны порядок и справедливость. Я очень симпатизирую Паксасу, но я не могу голосовать за партию с таким названием, потому что я знаю интердискурс: «Ordnung und Rechtigkeit» – так было написано в Дахау. Норвежский фашист Квислинг, которого повесили, говорил, что «немцы должны прийти к русским под одним лозунгом «Порядок и справедливость!». Этого ждут русские. Они когда-то для этого и призвали Рюрика». То есть интердискурс – фашистский. Паксас может об этом не знать, «Единая Россия» может об этом не знать, но логика осуществления порядка и справедливости может привести к сходным результатам.

Таким образом, я обрисовала горизонты исследования политического дискурса в литовской школе анализа дискурса. Этот метод распространяется на любой вид дискурса: рекламный, художественный и т.д.

Я хочу сейчас остановиться на другом виде – *переводческом дискурсе*, где польские ученые к нам присоединились. Лидия Мазур-Межва из Кельце скоро будет защищать хабилитационную работу, а пока написала книгу «Булат Окуджава в польских переводах. Когнитивные стратегии польского переводоведения» о стихах Окуджавы в польских переводах. Идея такова: все переводчики Окуджавы (Ежи Чех, Ворошильский, Домбровский, Федецки), несмотря на своеобразие манеры и творческого почерка, в своих переводах будут иметь общие черты, потому что их сознание содержит общую часть – польское когнитивное пространство. В их сознании присутствуют схемы интерпретации действительности, которые обусловлены знаниями, почерпнутыми из этого когнитивного пространства. Исследование подтвердило эту гипотезу. Например, у Окуджавы «были бы помыслы чисты» переведены как на «было бы чисто сердце». В проанализированных польских переводах очень много «сердца». Вероятно, это одно из ключевых понятий польского дискурса в целом. Если для русского сознания ключевым понятием является «душа», то в польском – «сердце». «Целую тебя в сердце» – совершенно невозможно для русского языка. Польские переводчики насыщают текст переводов элементами религиозного дискурса, чего нет в тексте оригинала. Это понятно, потому что соответствует польской ментальности. И наоборот, устраняются места, где Окуджава говорит «бездарен Бог». Как выяснилось, Окуджава сложен для понимания, интерпретации заложенных смыслов, и перевести его достаточно трудно. Так, в польских переводах все сложные места у Окуджавы конкретизируются, упрощаются. Там, где Окуджава многозначен, многослоен, польский перевод старается сделать смысл прозрачным, избежать неоднозначности интерпретации адресатом. Французские переводы Окуджавы сделаны буквально «слово-в-слово», никаких упрощений нет. Современные польские переводчики, видимо, наследуют идеи церковной риторики, где не может быть возможностей неоднозначного толкования услышанного. Польский текст перевода к тому же приобретает дидактичность, что также можно соотнести с риторикой проповеди.

К представленному направлению примыкают работы и Казимежа Люцинского, у которого скоро выходит книга «Языковые заимствования и ментальность». Польский лингвист-русист показал, что заимствованная из английского языка лексика последних десятилетий может быть систематизирована,

если исходить из того, что заимствования происходят из дискурсов, которые сегодня диктуют нам картину мира, отражая ключевые идеи современной шопинг-культуры. К. Люцинский выделил такие концептуальные метафоры, как человек – это артефакт, мир – это супермаркет, политика – это маркетинг.

Таким образом, выявление базовых оппозиций сознания, концептуальных метафор и ключевых понятий (представленных словами-ключами, «пристегнутыми» к определенному идеологическому полю) и обозначающих их слов составляет аппарат наших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Cibulskienė, J. Konceptualioji kelio metafora Lietuvos rinkimų diskurse / J. Cibulskienė // Kalbotyra LIV. 2005. № 1.

Lassan, E. Sposoby realizacji zachowania instynktownego przez pryzmat końca poprawności politycznej / E. Lassan, E K. Luciński // Poprawność polityczna – równość czy wolność? Toruń, 2007.

Vengalienė, D. The cultural aspects of auto-ironic blends referring to Lithuania and America in news headlines / D. Vengalienė // Respectus philologicus. 2009. № 16A.

Vengalienė, D. Blending in ironic references to Lithuania in news headlines / D. Vengalienė // Žmogus kalbos erdvėje: mokslinių straipsnių rinkinys. 2008. № 5.

Диомидова, А. Когнитивная модель описания „индивидуальности переводчика" / А. Диомидова // Университетское переводоведение. Вып. 9: материалы IX Междунар. науч. конф. по переводоведению. СПб., 2008.

Диомидова, А. Культурные сценарии и поэтический перевод / А. Диомидова // La traduction: philosophie, linguistique et didactique. Lille, 2009.

Лассан, Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан. Вильнюс, 1995.

Лассан, Э. "Разум власти" в зеркале категорий препятствия и цели / Э. Лассан // Лингвистика. Бюллетень Урал. лингв. об-ва. Т. 13. Екатеринбург, 2004.

Лассан, Э. Дискурс конфронтации в современном русском текстовом универсуме / Э. Лассан // Aktualne problemy semantyki i stylistyki tekstu. Studia opisowe i komparatywne. Łódź, 2004.

Лассан, Э. Парадигмы текстов и дискурсные формации как объект дискурсного анализа / Э. Лассан // Лингвистика. Бюллетень Урал. лингв. об-ва. Екатеринбург, 2004.

Лассан, Э. Лингвистика как ангажированное знание / Э. Лассан // Известия УрГПУ. Лингвистика. 2006. Вып. 19.

Лассан, Э. Лингвокультурология (Очерк русской концептологии) / Э. Лассан. Вильнюс, 2008.

Лассан, Э. Народовластие как конец демократии (несколько слов о новой русской риторике) / Э. Лассан, В. Макарова // Respectus philologicus. 2004. № 5.

Макарова, В. Когнитивные структуры современного российского политического дискурса / В. Макарова // Slovanské jazyky a literatury: hledání identity / M. Příhoda (red.). Praha, 2009.

Макарова, В. Риторический анализ российского президентского дискурса (на материале посланий В. Путина Федеральному собранию в 2000–2006 гг.) / В. Макарова // Problemy semantyki i stylistyki tekstu / J. Sosnowski (red.). Łódź, 2009.

Слободяник, Н. Речевые акты в дискурсе конфронтации (на материале анализа прессы Великобритании 2004–2005 гг.) / Н. Слободяник // Respectus Philologicus. 2006. № 10(15).

Слободяник, Н. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муфф) / Н. Слободяник // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. № 2(22).

Марина Гаврилова (Россия, Санкт-Петербург)

Российский политический дискурс: дискурсивно-когнитивный подход

Мы понимаем дискурс как комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем) в процессе ком-

муникативного действия в определенном временном, пространственном, социально-политическом и прочих контекстах. Эта дефиниция, данная Т. ван Дейком (T.van Dijk), наиболее соответствует материалу и задачам наших исследований.

В определении границ политического дискурса мы исходим из его узкого понимания, включая только институциональные формы общения. Таким образом, ***русский политический дискурс*** – это осуществляемый на русском языке речевой акт, сопровождающий политическое действие в политической обстановке. Материалом наших дискурсивных исследований являются отдельные жанры русского политического дискурса. Преимущественно это новые, формирующиеся дискурсивные типы президентского дискурса (послание Федеральному собранию, торжественная речь при вступлении в должность президента, прощальная речь президента, блог президента и др.), а также тексты важного идеологического содержания (программа политической партии).

Объектом исследований являются характерные особенности речевых действий российских президентов и руководителей политических партий, рассматриваемые в институциональном контексте. Обращение к выступлениям российских президентов обусловлено возрастанием роли публичного, в том числе устного общения. Кроме того, именно глава государства во многом становится референтной языковой личностью для участников политического процесса, тем самым оказывая влияние на развитие политического дискурса. Предметом исследования являются макроструктура (композиционно-речевая форма и тематическая структура) и микроструктура (речевые феномены лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического уровней) организации политического дискурса.

Методологической основой наших исследований являются основные параметры современной парадигмы науки о языке: экспансионизм, экспланаторность, антропоцентризм и неофункционализм. Наши исследования находятся в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания. Дискурсивный анализ предполагает анализ (описание) обстоятельств осуществления речевого взаимодействия, поскольку контекстуальное окружение влияет на выбор лингвистических средств. Вслед за В.И. Герасимовым и М.В. Ильиным мы считаем, что анализ дискурса – весьма перспективный инструмент изучения социальных проблем, которые отражены в процессах коммуникации и социального взаимодействия. Именно из этих процессов складываются макросоциологические модели, характеризующие конкретные общества [1, с. 65].

Когнитивный подход не только связывает форму речевого произведения с такими универсальными познавательными процессами, как порождение речи, интерпретация сообщения, семантический вывод с определением коммуникативных устремлений и прагматических целей автора, но в определенной мере ставит вербальное оформление сообщения в зависимость от языковой компетенции автора и его внеязыковых знаний. Эту особенность когнитивного подхода используют для выявления представлений политика о структуре политической ситуации, о целях политической деятельности, о ценностной ориентации политика и т.п. Другим преимуществом когнитивного подхода яв-

ляется возможность выяснить ментальные схемы или когнитивные модели, которые лежат в основе политического текста. Структура и содержание этих когнитивных моделей имеют большое значение для эффективного речевого взаимодействия различных политических сил России, поскольку позволяют выявить особенности мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период, а также строить предсказывающие модели в политологии.

Понимание риторики как науки об эффективности речевых коммуникаций общества, способах и правилах построения целесообразного общения, стиля жизни общества позволит выяснить приемы целесообразной и убеждающей речи, характерной для профессиональной деятельности политика новой России. Связь когнитивного и риторического аспектов изучения политического дискурса проявляется в том, что ясность и выразительность речи связана с коммуникативной функцией понимания. Риторические приемы являются не только средством украшения речи, но и способом выражения мысли.

Под ***дискурс-анализом*** мы понимаем совокупность методик интерпретации речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Поскольку политическое мышление, политическое действие и языковая форма находятся в тесном единстве, изучение политического дискурса предполагает междисциплинарный подход.

Значение дискурса определяется взаимодействием речевых структур и контекста, в котором они употребляются. Поэтому дискурсивный анализ должен зафиксировать обстоятельства, в которых происходит коммуникативное событие, и определить их отношение (значимость) к структуре текста.

Контекст определяется как ментально представленная структура тех свойств (особенностей) социальной ситуации, которая уместна для производства или понимания дискурса [2]. Контекст включает в себя следующие категории: общее определение ситуации; обстановку (время, место события); действующих акторов (включая дискурсы и дискурсивные типы); участников, выступающих в различных коммуникативных, социальных или институциональных ролях; ментальные представления участников (цели, знания, мнения, позиции и идеологии).

Ментальные представления участников коммуникативного события могут включать в себя: 1) абстрактные знания о событии; 2) личное знание (опыт участия в подобном мероприятии); 3) коммуникативную цель; 4) социальную роль; 5) приверженность определенной идеологии; 6) задачи общественной группы или политической партии, в которой состоит участник; 7) личный интерес автора текста. Контекстная модель постоянно совершенствуется, тем самым у носителя языка возникает более общее абстрактное знание о структуре коммуникативного события, которое в дальнейшем помогает яснее понимать значение дискурса.

В наших исследованиях мы используем такие общенаучные процедуры, как гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательно-сопоставительный методы, а также элементы когнитивной интерпретации, дискурс-анализа, компонентный, контекстуальный, риторический анализ, концептуальный анализ

ключевых слов, внутритекстовый сопоставительный анализ, направленный на определение специфики семантической реализации слова. Анализ корпуса текстов выступлений российских президентов включает квантитативные методики с использованием статистических критериев.

На формирование нашей исследовательской позиции оказали влияние, прежде всего, представители петербургской филологической школы В.В. Колесов (концептуальный анализ), Д.М. Поцепня (стилистический анализ), К.А. Рогова (филологический анализ текста) и др. Интерес к когнитивным исследованиям формировался благодаря знакомству с работами представителей московской филологической школы (В.З. Демьянков, А.Е. Кубрик, П.Б. Паршин, Е.С. Кубрякова и др.) и политологической школы концептуального анализа (М.В. Ильин, В.М. Сергеев, В.Л. Цымбургский и др.). Среди ключевых фигур в области изучения политического дискурса можно назвать отечественных исследователей (А.Н. Баранов, Е.И. Шейгал, Т.В. Юдина и др.) и зарубежных ученых (T. van Dijk, P. Chilton, N. Fairlough, R. Fowler, R. Wodak и др.). *Целевая установка наших исследований:* (1) расширить теоретические подходы в рамках когнитивного и дискурсивного направлений к описанию политического дискурса и возможность применить на материале конкретных текстов важного государственного значения современные методы лингвистического анализа с целью выявления когнитивных составляющих политического текста; (2) интегрировать различные подходы. Представить комплексное комментирование языковых фактов; (3) дать новые знания о функционировании языка как социального явления. Выявить языковые изменения под влиянием социальных факторов и обратный процесс влияния общественных изменений на развитие языка; (4) полученные результаты и разработанные методики анализа текста целесообразно рекомендовать для дальнейшего изучения русского политического дискурса, а также для разработки сценариев вероятностного развития политических процессов; (5) изучить тенденции развития современного русского политического дискурса и описать риторический стиль политического деятеля новой России.

Процедура получения знаний. Поскольку материалом наших исследований являются формирующиеся жанры русского политического дискурса, мы предлагаем авторские методики дискурсивного анализа новых типов текста. Например, когнитивно-дискурсивный анализ инаугурационной речи включает в себя исследование контекста коммуникативного события, глобальной организации дискурса (схематической суперструктуры, тематической макроструктуры), экспликации понятия «президент», пространственно-временной структуры, репрезентации политических ценностей, концептуальной структуры инаугурационной речи, лексико-синтаксических особенностей употребления ключевых концептов русского политического дискурса («Россия», «народ», «власть»), риторических приемов, дискурсивной артикуляции идеологических взглядов политика.

Когнитивно-дискурсивный анализ послания Федеральному собранию предполагает изучение контекстных условий организации коммуникативного события, определение глобальной структуры дискурса, семантических особенностей дискурсивного пространства послания (тематический ряд,

цель, задача, приоритет; вопрос, проблема; описание частотных лексических групп, контент-анализ, концептуальный анализ ключевых слов, наблюдения над трансформацией семантической структуры слова), выявление словообразовательных и синтаксических особенностей дискурсивного пространства, основных аргументативных стратегий, речевых средств установления и поддержания контакта с аудиторией, риторических приемов, дискурсивной артикуляции идеологических взглядов политика.

Актуальность дискурсивных исследований обусловлена недостаточной изученностью речевых аспектов профессиональной деятельности политика, устных форм взаимодействия власти с народом, а также необходимостью разработки принципов лингвистического описания политического текста для мониторинга тенденций в сфере общественного сознания. Считаем, что наше исследование имеет общественную значимость, которая определяется большим влиянием президентской риторики на формирование дискурсивного поля политики. Кроме того, в дискурсе президента находит выражение характер объективной действительности в виде основных идей своего времени, что позволит нам описать ментальный мир социума в начале нового тысячелетия.

Перспектива применения дискурс-анализа для изучения политического дискурса обусловлена тем, что он позволяет выявить общественные нормы и политические ценности, на основе которых возможны последующие общественные договоренности, оценки и решения.

1. *Герасимов В.И., Ильин М.В.* Политический дискурс-анализ // Политический дискурс: история и современные исследования: сб. науч. тр. М., 2002.
2. *Van Dijk T.* Ideology. A multidisciplinary study. London, 1998.
3. *Гаврилова М.В.* Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Политические исследования. 2004. № 2. С. 127–139.
4. *Гаврилова М.В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина): монография. СПбГУ, 2004. 295 с.
5. *Гаврилова М.В.* Лексическая сочетаемость ключевых слов современного русского политического дискурса // Филологические науки. 2005. № 4. С. 94 –104.
6. *Гаврилова М.В.* Перспективы и направления исследования президентского дискурса // Политический дискурс в России – 10: материалы Х юбилейного семинара / под ред. В.Н. Базылева. М., 2007. С. 71–80.
7. *Гаврилова М.В.* Инаугурационная речь: идеальный проект дела и идейная основа объединения общества // Политическая наука: сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2009. № 4. С. 138–156.

КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ОБОСНОВАННАЯ ТЕОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРС-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

Каузально-генетическая перспектива исследования дискурса

Вполне очевидно, представляя школу дискурс-анализа, начать с ключевого термина – «дискурс». Широко известны и принимаемы такие определения дискурса Тойн ван Дейка (и они уже были озвучены участниками), как «дис-

курс – это сложное коммуникативное явление, включающее текст и сознание говорящего и слушающего» и «дискурс есть текст плюс социальный контекст». Проинтерпретируем эти дефиниции. Итак, мы видим две составляющие дискурса. С одной стороны, это **текст** как сообщение (знак), т.е. вербально выраженная мысль (собственно языковая реальность). С другой стороны, *со-знание* адресанта и адресата, т.е. знание социально соотнесенное, оцененное, закрепленное в опыте социума, пропущенное через опыт и отношения общающихся, через **их опыт обретения социального контекста** (собственно социальный контекст). Поэтому дискурс и становится *событием – со-бытием* (совместным бытием) общающихся.

Что мы видим в этом определении? Все ту же мысль Соссюра о знаке (в нашем случае тексте), который как двуликий Янус смотрит одним лицом в реальность, а другим в языковую (знаковую) реальность.

Что же тут нового, если мы опять вернулись к тому, о чем говорил Соссюр. Мы полагаем, что новое – это признание того (совершенно очевидного для нас сегодня) факта, что лингвистика, выйдя за пределы изучения слова в изучение текста, а затем и дискурса, уже не может просто констатировать наличие «двух лиц» у своего объекта/предмета изучения, а сама должна повернуться в сторону его парадигматическо-синтагматических проявлений. Лингвистика, признав дискурс своим объектом изучения, признала тем самым что **предмет лингвистики стал неизмеримо более сложным, комплексным, интердисциплинарным**. Ей теперь следует более пристально смотреть и в другие стороны: референциальную (какая именно действительность стоит за дискурсом), речеповеденческую (как именно себя ведут общающиеся, и что это меняет), архетипическую (на какие типы взаимодействия – жанры, форматы – общение опирается). Соответственно и другие науки (психология, история, социология…), обратившие свой взор на изучение дискурса, теперь уже не могут не включить в свой предмет изучения методики, ранее приписываемые исключительно науке о языке.

Полагаю, что здесь следует сделать еще один вывод. Для дискурс-исследований просто необходимы как воздух интегративные исследовательские подходы. Не случайно мы наблюдаем и расширение понятия «дискурс», и рождение новых методов его изучения, и осознание новых задач, которые дискурс-анализ может решать. Дискурс-исследования могут охватить, постичь, изучить все это многообразие путем интегрирования методического аппарата разных традиций, парадигм, дисциплин. Что же остается единым, неизменным в этом постоянно расширяющемся исследовательском поле? Цель. Любое дискурс-исследование занимается поиском смыслов, оттенков, значений, отношений, иначе говоря – содержанием. Вот почему мы в своем осмыслении такого явления, как дискурс, и поиске теоретического обоснования его изучения и обратились ***к теории содержания***.

Таким образом, если посмотреть на традиционные категории самоидентификации нашего подхода, можно отметить следующее:

Наше исследовательское ***поле*** – методология науки, теория содержания (лингвосемиотическое моделирование содержания от статических моделей до функционально-динамических), теория коммуникации, лингвистика дис-

курса; интегративная, качественная, научно-исследовательская парадигма, анализ текстов как фактов социальных, репрезентирующих тип культуры, тип цивилизации.

Объект – это дискурс, репрезентированный конкретными дискурсиями, некоторое текстовое пространство в контексте взаимодействия коммуникантов. Предмет – содержание продуктов коммуникации, комплексное, многомерное, полифоничное, функциональное, собираемое в функциональные одновременно единые и противоречивые взаимодополняющие друг друга развивающиеся единства, сталкивающиеся в коммуникативной реальности, тем самым обеспечивая постоянное развитие содержания.

Цель – расширить методологический аппарат дискурс-исследований, интегрировать разные подходы, дать новые знания о функционировании текстов в обществе и о самом обществе на примере разных типов дискурса; изучать новые типы дискурсов. *Задачи* – порождать новые исследовательские методики, реконструируя новые типы, виды, аспекты содержания, верифицировать собираемое знание, описывать полученное знание, сопоставлять с имеющимся, собирать в разнообразные единства. Систематизировать, описывать получаемое знание системно и структурно (операционально). Таким образом предоставлять знание об изучаемых типах дискурсов.

Методология **–** каузально-генетическая теория содержания, построенная с учетом соотнесения позитивистских, интерпретативных, критических, постмодернистских и интегративных традиций научного познания. Для построения каузально-генетической теории изначально важными были теоретические работы, репрезентирующие такие ветви познания, как семиотико-семиологическая, лингвофилософская, социолингвистическая, прагматическая, психолингвистическая, стилистико-типологическая. Методы – интегрирование целого ряда техник, приемов, методов анализа, таких как логические (индукция, дедукция, абдукция); структурные (операционализация, реконструкция); дескриптивные (вычленение и описание); аксеологические (верификация, систематизация, типологизация); когнитивные (обоснованная теория); функциональные (противопоставление, синтез).

Актуальность, значимость – подход к лингвосемиотическому наследию и теории содержания в контексте систематизации и синтеза (видения в качестве диалектического единства) исторически, но не гносеологически(!) противостоящих направлений сознания и познания; попытка систематизации и определения места в этой системе всем элементам содержания сложных языковых знаков (текстов, макротекстов, дискурсий, дискурсов) в преемственности статических, функциональных и динамических проявлений содержания. Рождение новых методов анализа, основанных на познании новых категорий содержания.

Полученные результаты представлены в публикациях наших белорусских участников *круглого стола* – Анны Маркович, Елены Савич, Алены Поповой, Людмилы Курчак, Янины Зинченко, а также молодых белорусских ученых здесь непосредственно не представленных – Оксаны Калиновской, Оксаны Туркиной, Натальи Кулинка (Сирош). Все это мои бывшие или настоящие аспиранты. Некоторые, как видно из библиографии, уже авторы монографиче-

ских изданий. А моим учителем, моим научным руководителем и кандидатской и докторской диссертации был доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор Адам Евгеньевич Супрун-Белевич, известный белорусский славист, основатель белорусской научной школы славистов, глубоко интересовавшийся проблемой репрезентации числительных в славянских языках. Кстати, ключевой термин нашей научной школы «кортеж» был введен именно Супруном, посчитавшим необходимым связать общающихся коммуникантов существительным единственного числа, подчеркнув тем самым непосредственную зависимость общающихся и порождаемого ими коммуникативного продукта друг от друга, неизбежность принять их взаимодействие в качестве пружины, внутренне организующей общение и *со-знание* людей.

Очевидно требуется и некоторая спецификация нашего подхода. Тогда отметим, что в каузально-генетической интерпретации план содержания сложных функциональных единств (знаков) – текстов, макротекстов, дискурсий, дискурсов – определяется как динамическая система, постоянно испытывающая на себе воздействие взаимозависимых и взаимопроникающих факторов или постоянно действующих причин (т.е. практик людей – социальной и когнитивной. А также сугубо лингвистических – практики по созданию и развитию своей языковой системы и практики порождения и функционирования текстов в социуме) и фактумов или результатирующих причин (деятельности реальных коммуникантов – собственно практической и коммуникативной, речеповеденческой, задающей характер и стиль общения, и аккумулятивной, формирующей архетипы общения/жанры и типы общения/форматы). Вот она «кауза» – причины, порождающие и определяющие направленность содержания. Они и формируют структуру содержания – категориальный (сущностный), феноменологический (дискретный, ограниченный временными рамками) и универсальный (смешанный, динамический) типы содержания. Элементы последнего универсального типа образуют в процессе взаимодействия коммуникантов определенные своей природой содержательные единства – сложные функционально значимые содержательные подсистемы (включающие в себя элементы актуального и потенциального, лингвистического и внелингвистического содержания), элементы, образующие генезис содержания. Таким образом, понятие «план содержания» и начинает преодолевать рамки лингвистической традиции и способно вместить в себя все многообразие трактовок и подходов к проблеме. В перспективе это совпадает с тенденциями развития современной гуманистики (лингвистики, семиотики, антропологии).

Понятно, что модель носит идеальный характер. Мы изначально задали ей такие параметры, как потенциальность и открытость, принимая во внимание тот факт, что актуализируется в плане содержания фактов речевой деятельности далеко не все, что задано (а иногда и совсем не то, что предполагал задать адресант), далеко не в полной степени и далеко не всеми. Наша модель – это как бы анатомическая карта объекта. Мы определяем на первом (структурном) этапе развития модели то, что может быть задано его природой и в каком диапазоне это заданное может варьироваться. В то же время реальная содержательная наполняемость (или ненаполняемость) структуры в каж-

дом отдельном случае определяется конкретной социально-лингвистической ситуацией, контекстом, который проникает в ткань содержания, маркируя его своим присутствием. Вот почему было бы большой ошибкой ограничиться теоретическими построениями, не рассматривая их на фактах анализа реального текстопорождения.

Наша рабочая модель апробирована на разных типах дискурсов. И все же модель – идеализация реального объекта. Но идеальная модель – единственный способ адекватного моделирования сложных явлений, каковым является и наш предмет исследования, сложный, многозначный, вариативный, предстающий перед исследователем в предметном (референтном), субъектном (межличностном, кортежном) и знаковом (языковом) контекстах, которые, в свою очередь, реализуются как в объективных, так и субъективных параметрах. Модель в такой ситуации обладает эвристической ценностью – и в этом мы видим ее силу. Ну а слабость – в объективно заданном схематизме. Последний, однако, помогает направить исследователя на поиск в нужном направлении. Главное – понять, что исследователь ищет, и что с найденным может сделать. Во многом это путь широко известной в качественной социологии обоснованной теории, описанной в книге «Grounded theory» (в русском варианте – «Обоснованная теория»). Теория, которая имеет свои каноны, но не закрывает исследователю мир, задавая изначальную исследовательскую матрицу, определяющую его или ее видение объекта.

Разрабатывая нашу теорию как методологическую базу социолингвистических исследований, мы считаем необходимым определиться по целому ряду исходно значимых, достаточно общих вопросов и главное – какими видит каузально-генетическая теория такие понятия, как реальность и субъект, а также знаковую реальность и знакового субъекта в их преломлении к лингвистической науке и ее целям.

Хотелось бы здесь очень кратко остановиться на этих позициях. Возможно, они окажутся полезными другим в контексте дальнейшего самоопределения в пространстве существующих или сегодня еще определяющихся дискурс-подходов и научных школ.

Итак, ***действительность.*** С позиции каузально-генетической теории это максимально широкое понятие. Здесь весь объективный, определенным образом упорядоченный (**реальная картина мира**) фон речевой деятельности субъекта, весь содержательный план языка. Если говорить более конкретно, то это – массив вещей, фактов, событий как реальных (порожденных природой и вовлеченных в практическую деятельность человека), так и знаковых (порождаемых человеком). Их организует (упорядочивают) в процессе социально-речевого взаимодействия каждый конкретный индивид, социальная группа и социум в целом, иначе говоря, они осмысливаются нами в диапазоне от индивидуального до типового. Выступая для индивида в виде упорядоченного знания, реальность всегда конкретна и исторически ограничена, но в то же время она постоянно открыта для «пересмотра» (переоценки и преобразования), а значит, имеет историческую перспективу. Это единство потенциальной открытости и реальной ограниченности отражает взаимодействие двух параметров – предметного и субъектного (как в социальном бытии, так

и в знаковой стихии). Абсолютное движение (категориальный вектор) и относительный покой (феномен) формируют содержательный, духовный пласт реального мира. Именно такая (динамическая, предметно и субъектно представленная) действительность является для нас источником, основой знаний и отношений, сущности и смысла происходящего.

Субъект не менее подвижен. Его динамика обеспечивается социальным и речевым взаимодействием людей в практической и знаковой деятельности. Мы осознаем себя в социуме (речевое поведение) и социум в себе (историческое или языковое поведение). Субъект для нас – это часть действительности, ее преобразующая сила и генератор идеальных образов.

Лингвистическая наука в данной связи (то есть в преломлении к каузально-генетической теории) стремится к познанию реальности (как знаковой, так и внезнаковой) и места субъекта в ней, добиваясь этого с помощью структурирования и логического конструирования. Причем, структурируя объект, мы рассматриваем его не как механическую сумму элементов, а как систему: каждый элемент существует лишь в связном, упорядоченном пространстве целого. Структурный и конструктивный (системно-функциональный) подходы взаимно подкрепляют друг друга. Мы моделируем объект исследования и таким образом получаем его теоретический аналог (идеальный объект). Конструирование исследовательской модели – это, с одной стороны, средство отображения языковых явлений и процессов, а с другой стороны, способ проверки эффективности методологии, ее способности раскрыть реальную картину общения.

Цели исследования заключаются в поиске нового знания. Оно не только открывает те или иные закономерности, но и устанавливает сферу их действия (меру предмета).

Знаковая реальность с позиции каузально-генетической теории также максимально широкое понятие. Это весь знаковый фон системных и функциональных значений интерсубъектного общения, а значит это и действительность как таковая, однако представленная уже в некоей знаковой упорядоченности (**языковая картина мира**). Универсальной и наиболее сложной знаковой реальностью является язык, который имеет как социальный, так и индивидуальный диапазон варьирования значений в исторически заданных рамках. Единицей знаковой реальности является знак. Каузально-генетическая теория исходит из признания сложных цельных фактов речевой деятельности, таких как текст, газета (газетный номер), книга, сложными языковыми знаками, которые можно исследовать по единой теоретической модели, приемлемой в своей основе также для исследований более простых языковых знаков (таких как слово и предложение). Однако мы ни в коем случае не ставим знак равенства между ними. Специфика содержания каждого не только не отрицается, но и предполагается. Все они – знаки разных уровней, но на их содержание влияют одни и те же факторы и фактумы. Именно поэтому все они характеризуются определенными структурными решениями, строятся согласно правилам своего системного и иерархического решения, имеют свое линейное воплощение. Но что остается принципиально важным, так это то, что в каждом случае они обладают некоей завершенностью, а значит остаются цельными языковыми знаками. Эти знаки также обладают как предметной

(референтно-деятельностной), так и субъектной (речеповеденческой, кортежной) мотивацией и являются, таким образом, знаками языкового опыта как социума в целом (социально-дифференцированного, типового опыта), так и конкретных индивидов в частности, непосредственными знаками речевой, а значит социальной деятельности.

Нельзя сказать, что понятие ***знаковый субъект*** традиционно для методологических программ. Однако оно не может не находиться в центре нашей исследовательской программы. По сути эта категория отражает факт знаковой заданности субъекта. Человек непосредственно использует знаки как орудие мышления и орудие общения, соответственно маркируя ими не только предметы практической деятельности, но и коммуникантов, в том числе и самих себя, свою индивидуальность и свой социальный статус, свой особый стиль и свой стилевой регистр. Таким образом, субъект как бы раздваивается: с одной стороны, он автономная личность, а с другой стороны, он знак, функция, и все его действия и оценки подчинены этой социальной роли (роли родителя, представителя группы, партии, нации и пр.), выстраивающей (в качестве доминантной причины) его поведение.

Соответственно и ***лингвистическая наука*** в этом контексте прочитывается несколько по-иному. Она стремится к познанию знаковой реальности и места знакового субъекта в ней, а значит, ее акцентируемыми объектами внимания неизбежно становятся речевая практика и языковой опыт. В контексте такого подхода можно сказать, что каузально-генетическая теория призвана предоставить систему знаний о содержательной среде языка (сложных языковых знаков, фактов речевой деятельности) с учетом как статичности знака (знак как результат деятельности), так и его динамики, то есть содержательной открытости. Хотя теория носит изначально формализованный характер, однако через системную подачу структуры она имеет право на свое существование в русле коммуникативной лингвистики, а значит, имеет выход в непосредственную языковую практику.

Ну и последнее в данной связи. Наш подход, как мы полагаем, имеет некоторое отношение и к дескриптивному, и к критическому направлениям дискурс-аналитических практик, однако мы видим его особую значимость в контексте академической деятельности, а именно: он хорошо работает в контексте обучения студентов приемам аналитического чтения, активизации навыков интерпретации сложных профессионально ориентированных текстов, реконструкции тезисов и аргументов, целевой аудитории текстов, операционализации (дефинирования) терминов, а также навыков верификативной работы (навыков самопроверки).

Ключевое издание, в котором представлены работы каузально-генетической перспективы (или подхода) в ее теоретическом и практическом осмыслении, – это серия непериодически выпускаемых коллективных монографий «Методология исследований политического дискурса», которая с 2009 года получила статус “Сборник научных трудов”. Ниже я привожу все выпуски этой серии (выпуски изданы под моей общей редакцией и непосредственном авторском участии) и другие источники, дающие общую картину о работе представителей нашей школы, которая сегодня находится на стадии своего активного формирования.

ЛИТЕРАТУРА

Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. **Вып. 1**. Минск: БГУ, 1998; **Вып. 2**. Минск: БГУ, 2000; **Вып. 3**. Минск: РИВШ, 2002; **Вып. 4**. Минск: БГУ, 2008; **Вып. 5**. Минск: БГУ, 2008; **Вып. 6**. Минск: БГУ, 2009.

Калиновская, О. А. Картины мира и речевого поведения в текстах представителей православия и пятидесятничества: сопоставительный анализ / О.А. Калиновская // Respectus Philologicus. 2003. № 3 (8). С. 77–85.

Курчак, Л.В. Категория «кортеж» и ее реконструкция в дискурсе переговоров (на примере ситуации делового общения) / Л.В. Курчак // Бизнес-коммуникация и языки для специальных целей: опыт, стратегии, проблемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 мая 2009 г. / Бел. гос. экон. ун-т; редкол.: В.С. Слепович [и др.]. Минск: БГЭУ, 2009. С. 18–19.

Маркович, А.А. Анализ референтного содержания в дискурсе консолидации / А.А. Маркович // Вестник МГЛУ. 2006. Сер. 1, Филология. № 5 (25) С. 53–66.

Маркович, А.А. Коммуникативные стратегии интегративного типа в дискурсе Еврозсоюза / А.А. Маркович // Вісник Харків. нац. ун-ту. 2006. № 745. Серія Филологія. Випуск 49. С. 76–82.

Попова, А.В. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации / А.В. Попова. Минск: БГУ, 2008. 166 с.

Савич, Е.В. Кампания лоббирования: информационная модель мира // Интерпретация коммуникативного процесса: межпредметный подход: сб. докл. межвуз. науч. конф., Барнаул, 25–26 июля 2001 г. Барнаул, 2001. С. 145–152.

Савич, Е.В. Продвижение и защита интересов группы: опыт дискурс-анализа / Е.В. Савич // Социальная власть языка: сб. науч. трудов. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 214–220.

Савич, Е.В. Макротекст в его линейной развернутости: дискурс-анализ кампании лоббирования / Е.В. Савич // Respectus Philologicus. 2004. № 6 (11). С. 70–79.

Савич, Е.В. Языковая, речевая и дискурсная специфика текстов лоббистской организации RESULTS / Е.В. Савич // Вестник МГЛУ. 2006. Сер. 1, Филология. № 1(21). С. 228–235.

Туркина, О.А. Анализ актуализации реляционных коммуникативных стратегий в телевизионной игре «Последний герой 1» / О.А. Туркина // Respectus philologicus. 2005. №7(12). С. 174–183.

Туркина, О.А. Исследование конфликта и конфронтации с позиций современной теории дискурса / О.А. Туркина // Вестник МГЛУ. 2006. № 1(21). С. 80–86.

Туркина, О.А. Дискурс конфронтации: сопоставление картин мира, репрезентированных в дискурсах победителя и проигравшего в телевизионной игре «Последний герой 1» / О.А. Туркина // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. трудов. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 143–164.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Семантика слова, предложения, текста: точки соприкосновения / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Семантико-стилистические исследования слова и предложения. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. С. 3–17.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Философская и социологическая мысль. 1993. № 3. С. 10–27.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. План содержания газеты: стратегия выбора: учеб. пособие / И.Ф. Ухванова-Шмыгова. Минск: БГУ, 1994. 53 с.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Особенности политического дискурса в белорусских СМИ / И.Ф. Ухванова-Шмыгова. Минск: Вектор: МИПИ, 1998.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Классификация СМИ по типу речевого взаимодействия с читателем: информационно-аналитические материалы. Минск: МИПИ, 2000. Вып. 3.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Экстенсиональное исследование тематического содержания текста (от темы к знаку) / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. СПб., 2000.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Каузально-генетический подход // Всемирная энциклопедия. Философия. Минск: Харвест АСТ: Современный литератор, 2001.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Квалитативный (качественный) анализ текста / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Всемирная энциклопедия. Философия. Минск: Харвест АСТ: Современный литератор, 2001.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Квантитативный (количественный) анализ текста / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Всемирная энциклопедия. Философия. Минск: Харвест АСТ: Современный литератор, 2001.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Речевой портрет политического лидера: Новые подходы в рамках дискурс-исследований (инвентаризация категориального аппарата) / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Respectus Philologicus. Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas. 2002. № 1(6). P. 110–119.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Методика обучения иноязычной коммуникации и дискурс-перспектива / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Вестник МГЛУ. 2005. Сер.1, Филология. № 4/20.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Картина речевого поведения печатного издания и ее операционализация / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Вестник МГЛУ. 2006. Сер. 1, Филология. № 1 (21). С. 87–96.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Цивилизация как открытая динамическая система: взгляд с позиции каузально-генетического моделирования / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Гісторыя. Праблемы выкладання. Мінск: Адукацыя і выхаванне. 2007. № 8 (62). С. 3–8.

* * *

Oukhvanova, I. An Impirical Analysis of the Phenomenon of Trust in Mass Media in Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe. Prague: CEU, Summer School in Comparative Social Research, 1995.

Oukhvanova, I. Study of the Hierarchy of Values of the written Mass Media Audience in Belarus. Project Report. Social Sciences in Transition. Social Science Information Needs and Provision in a Changing Europe / Ed. by H. Best, U. Becker, A. Marks. Vol. 4. Bonn, 1996.

Oukhvanova, I. Cause-Genetic theory of text content in its application to mass media text studies. Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists, 20–25 July 1997 / B. Caron (Ed.). Paris: Pergamon. An imprint of Elsevier Science, 1998.

Perspectives and methods of political discourse and text research. Synopsis. Vol. 1. Минск: БГУ, 1998.

Perspectives and methods of political discourse and text research. Volume 2. Минск: РИВШ, 2001.

Oukhvanova, I. Political Leader's Discourse: Theory and Practice (Case-Study). Сучасныя даследаванні. Contemporary issues. Минск: РИВШ БГУ, 2002.

Oukhvanova, I. Perspectives and methods of political discourse and text research. Vol. 3 / I. Oukhvanova, A. Markovich, V. Ukhvanov. Минск: РИВШ, 2004.

Des portraits discursifs des leaders politiques russes et bielorusses. Vol. 3. Минск: БГУ, 2008.

Oukhvanova, I. Civilizaton as a Sign: New Perspectives in Civilization Studies / I. Oukhvanova, L. Ilyushyna // Respectus Philologicus / Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas. 2006. № 10(15). P. 10–24.

Oukhvanova, I. Culturally – Bias Speech Behaviour Patterns of Russian and Belarusian Politicians / I. Oukhvanova // Discourse and Intercultural Relations. Bern: Peter Lany, in press, 2007.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

Медийный дискурс лоббирования: пространственная организация содержания

Каузально-генетическая теория (КГТ), являясь эвристической моделью, дает возможность (равно как и обоснованная теория Глезера, Страусса и Корбин) подойти к изучению новых для лингвистов типов дискурса. Здесь мы постараемся продемонстрировать это на примере медийного дискурса лоббирования (МДЛ). Определение «медийный» предложено мною и вместе со словосочетанием «дискурс лоббирования» означает совокупность дискурсивных практик, которые профессиональный лобби использует для продвижения и защиты интересов определенной социальной группы в СМИ. В контексте статьи мы это понятие развиваем.

Перед тем как подойти непосредственно к обсуждению заявленной проблемы, остановимся кратко на том, что являет собой ***обоснованная теория***, отметив сразу, что эта теория была построена как противовес методике контент-анализа и создана на год позднее последней (в 1967 году). Задачей созда-

ния ***обоснованной теории*** было показать значимость теоретических основ исследования содержания коммуникативных продуктов (текстов) и в то же время стремление максимально открыть теорию, дать возможность исследователю строить ее с опорой на каждый конкретный текст в самом процессе анализа текста.

Итак, ***обоснованная теория*** (Grounded theory) – метод качественного анализа феномена (объекта исследования) и результат такого анализа (суть метода в создании теории). Эта теория (тж. метод) создана Барни Глезером, Ансельмом Страуссом и Джульет Корбин. Основные работы, в которых представлена теория: Glaser B., Strauss A. «The Discovery of Grounded Theory» (1967), «Status passages» (1970); Strauss A., Corbin J. «Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques» (1990), «Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory» (1998), «Grounded theory methodology. An overview» (1998); Strauss A. «Where medicine fails» (1970, 1979, 1984), «The contexts of social mobility: ideology and theory» (1971), «Qualitative analysis for social scientists» (1987), «Creating sociological awareness: collective images and symbolic representation» (1991); Glaser B. «Theoretical sensitivity» (1978), «Emergence vs. forcing. Basics of grounded theory analysis» (1992); Corbin J. «Alternative interpretations: Valid or not?» (1998).

Метод представляет собой систематическое применение ряда процедур для разработки индуктивно выведенной обоснованной теории некоего явления. Процедуры анализа, называемые типами кодирования, включают: а) открытое кодирование; б) осевое кодирование; в) избирательное кодирование. Различные типы кодирования не привязаны к определенным этапам исследования, процессы сбора и анализа данных плотно переплетены и сменяют друг друга.

В ходе открытого кодирования с помощью постановки вопросов о данных проведения сравнений по подобию и различиям каждого случая, события и других примеров феноменов идентифицируются основные понятия феномена и развертываются с точки зрения их свойств и измерений. Подобные события и случаи маркируются ярлыками и группируются в категории. В ходе осевого кодирования путем проведения фокусированных сравнений и постановки вопросов категории связываются с субкатегориями, т.е. развиваются с точки зрения каузальных условий, которые их вызывают; их свойств и контекста; стратегий действия/взаимодействия, применяемых для того, чтобы справиться с феноменом, определяемым категорией. Осевое кодирование направлено также на поиск дополнительных свойств каждой категории и на поиск местоположения измерений для каждого случая, происшествия или события. В ходе избирательного кодирования происходит выделение центральной категории и систематическое связывание ее с другими категориями, т.е. собственно создание обоснованной теории путем перевода четкой линии истории от центральной категории в историю аналитическую.

Процесс является важной частью любого исследования по методу обоснованной теории. Обоснованная теория указывает на изменение условий и их следствия, либо прослеживая процесс как этапы и фазы хода событий вместе с его объяснением, либо представляя его в качестве непоступательного дви-

жения; то есть как действие/взаимодействие гибкое, постоянно движущееся, меняющееся в ответ на изменение условий.

Как ***результат*** исследования обоснованная теория – это трансакционная система, представляющая форму, в которой любой феномен выражает себя через целенаправленные и связанные последовательности действий/взаимодействий, включенные в ряды условий и ведущие к определенным следствиям, которые, в свою очередь, могут стать частью релевантных условий, касающихся очередной последовательности действий/взаимодействий.

А теперь посмотрим еще раз на ***каузально-генетическую теорию*** **(КГТ)**, представленную на сегодняшнем заседании *круглого стола* ее основателем профессором Ухвановой-Шмыговой и, в частности, поговорим о том, как развивается идея КГТ в контексте фокуса внимания теории на источники содержания – фактумы и факторы. Последние были названы сегодня, однако мысль о том, каким образом каждый из этих источников организует пространство дискурса, не была озвучена. Без этого мы не можем приступать к анализу конкретного типа дискурса, поэтому позволим себе продолжить теоретическую линию и показать, какие категории анализа рождаются при фокусировке на каждом из указанных источников. Иначе говоря, посмотрим на КГТ еще раз с позиций ее **теоретического обоснования.**

Постоянно действующие источники содержания (факторы) – когнитивная, социальная, речевая и языковая практика людей – организуют пространство дискурса по-разному. В когнитивной практике мы представляем дискурс как ***структуру*** ментальных объектов, как организованный набор отражений и конструктов действительности, а значит, анализ дискурса не можем обойтись без категории «когнитивная структура». В социальной практике дискурс предстает как ***иерархия*** аттитюдов, оценок, установок, отражающих и конструирующих действительность, что дает основание выделить такой вид структуры дискурса, как аксиологическая структура. Языковая практика представляет дискурс ***системой*** языковых знаков, характеризующейся тотальной парадигматической структурой. Речевая же практика акцентирует формальную ***линию*** высказываний, пропозиций, то есть синтаксическую структуру дискурса. Четыре термина – структура, система, линия и иерархия – в обыденном языке определяются друг через друга, в КГТ они ограничивают объем понятия друг друга и подразумевают обособленное, но одновременное сосуществование.

Динамичность содержания (дискурса) состоит в постоянном взаимодействии и переплетении факторных составляющих содержание этих форм, в результате чего определяются фактумы (результирующие причины) как источники содержания. Так, на стыке *Структуры* и *Системы* находится аккумулятивный источник, формирующий типы и архетипы общения. На стыке *Иерархии* и *Линии* находим речеповеденческий источник, задающий стиль и характер общения. Структура и Иерархия вместе определяют собственно практику людей как источник содержания, а Линия и Система таким источником определяют коммуникативную практику.

Таким образом, мы видим, что КГТ совместила в себе формальный и функциональный взгляды на пространственную организацию дискурса. Говоря

о тексте как о сложном языковом знаке, традиционное языкознание представляет его как системно-структурное образование – линию предложений. Функциональная же лингвистика определяет текст как языковой феномен и как речевую деятельность, отмечая его семантическую и синтаксическую структуры. КГТ интегрировала данные подходы, выделив четыре формы организации пространства дискурса: структурную, линейную, иерархическую и системную. Каждая из них конструирует собственное содержание и, соответственно, каждая используется в КГТ как категория анализа.

КГТ интегрировала в себе еще один вариант прочтения структуры дискурса, который мы находим у Т. ван Дейка и В. Кинча. Так, их макро- и суперструктура – это не что иное, как тематическое (субъект-предметное) и кортежное (субъект-субъектное) содержание в КГТ. Иначе говоря, содержание ***тематическое*** раскрывает предметную составляющую контекста общения (о чем текст/дискурс и как это вербально представлено), а содержание ***субъектное*** в большей степени раскрывает социально-психологическую составляющую контекста (кто общается с кем и как это вербально представлено).

Итак, КГТ исходит из многоплановости содержания дискурса. Согласно этой теории, тематическое (референтное) и субъектное (кортежное) содержания дискурса/текста динамичны и развиваются (организуются) в дискурсе в четырех измерениях, каждое из которых также может быть названо аспектом содержания дискурса. Тема (мысль, идея) и кортеж (коммуниканты как единое целое, что обеспечивается тем, что каждый из них есть кортеж другого) репрезентированы в дискурсе структурно, иерархически, системно и линейно. Каждая из выделенных форм организации текста содержательна, несет особую информацию, используя при этом разные средства. Так, *Система* и *Линия* – это формы организации знакового содержания. А *Иерархия* и *Структура* информативны своей внезнаковой природой.

Применение теории. Далее сфокусируем внимание на практическом исследовании содержания связанных текстов (дискурса), чтобы показать, каким образом, будучи принятой в качестве эвристической базы исследования конкретных дискурсий, КГТ обогащает теорию содержания, придавая ему объем за счет введения содержательных категорий *линии*, *иерархии*, *структуры* и *системы*. Теоретические размышления проиллюстрируем на конкретной кампании лоббирования, которую проводили молодежные организации Беларуси в газете «Знамя юности» (статьи рубрики «Миры молодежной политики», опубликованные с 23 января по 28 апреля 2001 года).

Наши рабочие определения лоббирования и дискурса лоббирования таковы: ***Лоббирование (функционально)*** есть ***речевое воздействие*** на уполномоченные органы (парламент, правительство, местные исполнительные и представительные органы власти), целенаправленно осуществляемое в определенном социальном контексте представителем социальной группы, который профессионально представляет (реализует: защищает и продвигает) специфический интерес целевой группы на государственном уровне, добиваясь принятия или отмены того или иного нормативного правового акта. Лоббирование как речевое воздействие операционализировано целым рядом дискурсивных практик профессиональных лобби, предполагающих использова-

ние различных механизмов коммуникации (прямое воздействие – непосредственный контакт, выступления в законодательных органах, опосредованное воздействие – через СМИ, привлечение экспертного ресурса, телеграф, почта, Интернет-технологии). Все они и представляют в совокупности ***дискурс лоббирования***. Совокупность дискурсивных практик лоббирования, использующих СМИ в качестве канала коммуникации, мы называем ***медийным дискурсом лоббирования***.

Подходя к исследованию любого типа дискурса, ранее не изученного или изученного неглубоко, следует выстраивать исследовательскую программу. Объектом нашего исследования является медийный дискурс лоббирования (МДЛ) во всем многообразии его содержательных и формальных элементов. Предмет исследования – категориальное содержание МДЛ, которое может быть принято за прототипическое. Соответственно, целью исследования является выявление категориального содержания МДЛ и создание обоснованной теории данного явления.

Термин «обоснованная теория» заимствован у Страусса и Корбин и обозначает (1) форму презентации результата проведения исследования и (2) особую процедуру такого исследования. Основной принцип обоснованной теории и КГТ – использование в процессе анализа тех аналитических практик, которые релевантны конкретному материалу, объекту и цели исследования. В нашем случае это целый комплекс методов: идентификационно-интерпретативный, жанровый, риторический, стилистический, тема-рематический анализ, а также анализ лексико-семантических полей.

Давайте посмотрим, какое содержание несет каждая из форм организации информации.

Структурная организация содержания текста дает информацию о значении текста, об объектах и субъектах действительности и их взаимосвязи. Структура представляет познавательное содержание, для которого важно, что именно репрезентировано (или кто), но не важно как, какими словами. Здесь важны номинация и развитие (развитость) тем и субъектов (их ролей), представленных в тексте.

В анализируемой нами кампании ***структурный тематический срез*** показывает, что фрагмент отраженной реальности – это реальность социальная, ситуация субъектного взаимодействия. Субъектами являются автор газетных материалов (Алексей Мацевило), молодые люди (каждый молодой человек), государство, социальная группа, молодежные организации Беларуси. Все они существуют в определенном месте – в Беларуси – и в определенное время – сегодня. Каждый субъект характеризуется деятельностью (реальной или модальной), направленной на другого субъекта. Мотивом деятельности является интерес каждого, реализация которого зависит от государства.

На основе ***структуры организации общения*** тексты кампании можно разделить на три типа: (1) тексты, в которых адресант и адресат – индивиды (собственно автор и отдельный читатель), объединенные общими для всех молодых людей заботами, которые непосредственно связаны с государственной политикой; (2) тексты, в которых адресант и адресат – коллективные субъекты (мы (молодые люди как социальная группа) и молодежные органи-

зации), интересы которых государство недостаточно учитывает, и (3) тексты, в которых адресант и адресат – институциональные субъекты (молодежные общественные организации как сегмент и государство), интересы которых в области молодежной политики пересекаются, что определяет необходимость сотрудничества.

Системная организация содержания текста дает информацию о его функциональной потенциальной значимости и о типе коммуникативного взаимодействия адресанта с адресатом. Благодаря ей мы соотносим текст с определенным типом дискурса. Здесь раскрываются тематические поля текста и определяются роли субъектов. Это языковое содержание текста поддерживает тематический и субъектный срез и одновременно задает свое поле тем и субъектов, благодаря особому выбору лексических и грамматических средств языковой системы. Форма репрезентации здесь важна исключительно из соображений кодирования и декодирования дополнительного содержания, дополнительных значимостей, которые она с собой несет.

В анализируемой кампании системная составляющая представлена практически полным арсеналом лексических, грамматических и синтаксических средств:

- лексика: присутствует поле специальной юридической, политической лексики с персонифицированными нарицательными существительными (обозначающими официальные документы, области политики), поле умеренно эмоциональной лексики с преобладанием нейтральной и официальной; а также поле эмоциональной разговорной лексики с вкраплениями сленга;
- грамматика и синтаксис: также разнообразны и поддерживают демонстрируемое лексикой наличие разных стилей – разговорного, стиля публичной речи и официально-делового стиля.

Системные категории можно распределить внутри семантических полей, характеризующих ***тематический срез*** текстов кампании, на следующие:

- «свои» (преимущественно положительно окрашенная лексика);
- «чужие» (отрицательно окрашенная лексика);
- «взаимодействие»: внутри поля «свои» и между «своими» и «чужими» (в основном военная лексика).

Субъектное содержание текстов благодаря системному срезу предстает так:

- адресант наделен следующими ролями: друг, учитель, выразитель мнения, борец, проситель. Он идентифицируется посредством личных местоимений как единственного, так и множественного числа, как единичный и как коллективный субъект, как индивидуальный и институциональный субъект, наделенный в каждом случае определенными характеристиками, интересами и деятельностью, сопряженной с этими интересами;
- адресат получает роли: друга, ученика, противника, необходимого партнера.

Таким образом, мы видим, что системная организация вскрывает глубину содержания. Мы понимаем, что данный тип дискурса это не только политический дискурс, это дискурс массовой коммуникации – многофокусный и полисубъектный.

Линейная организация содержания текста дает информацию об актуализированном в нем знании. Здесь мы реконструируем то, каким образом реализуется замысел автора и как происходит взаимодействие кортежа.

Линейная организация кампании реализуется следующей последовательностью. На уровне ***тематического среза*** мы видим, как в ходе кампании трансформируется содержание категорий «адресант» и «адресат».

Так, на первом этапе лоббирующей кампании адресант и адресат – это конкретный человек, автор статей Алексей Мацевило (номинирует себя непосредственно – «я», «попутчик») и просто читатель (номинируется как «ты», «друг-читатель») соответственно.

В текстах второго этапа формально адресатом по-прежнему выступает «друг-читатель» («Правда, здорово, друг читатель?!», «Ты ведь не забыл, друг-читатель, ...»), а адресантом – автор. Однако «друг-читатель» встречается лишь в грамматической функции обращения внутри риторических вопросов. И поэтому никак не проявляет себя как полноправный субъект. «Я» (автор, адресант первого этапа) также никак не характеризуется деятельностью. Оно сливается в одно с бывшим адресатом – индивидуальным читателем – и, «укрепившись» таким образом, приобретает новое качество и новую номинацию «мы» («ты» и «я» теперь единомышленники с общими интересами), деятельность которого характеризуется прошедшим временем: «мы знакомились», «мы начинали разговор». Так автор как адресант перестает существовать. В следующих текстах субъект «мы» получает новое содержание – белорусские молодежные организации («И нам наверняка стоит обратить внимание на опыт соседей [литовские молодежные организации]»). Это совокупное «мы», в свою очередь, находится в отношениях зависимости от субъекта «государство» («А это значит, что государство, активно сотрудничая с молодежными организациями,...»). Деятельность «государства» характеризуется активными глаголами с положительной коннотацией: «создает», «сотрудничает» и т.д. А деятельность молодежных организаций без поддержки государства характеризуется через отрицание: «не могут претендовать», «не могут требовать». Через модальность в текстах выражается отношение (интерпретируемое как «пока безличное требование») по отношению к «государству»: государство «должно стимулировать», «должно вовлекать», «должно искать» и т.д.

Заключительный этап кампании характеризуется еще одной трансформацией содержания этих основных тематических категорий дискурса. Адресант «мы» исчезает. Остается лишь субъект «молодежные организации», который проявляется в персоналиях и раскрывается таким образом как ***истинный*** адресант («такие молодежные объединения, как «Некст стоп – Нью Лайф», «Новые лица», «Разные – Равные»»). Впервые деятельность молодежи и молодежных организаций получает активные и положительные характеристики (в том числе и через модальность): «молодежи придется научиться», «делать самостоятельно», «участвуют в уличных реакциях». И хотя присутствует и отрицательная оценка («слабо контактируют», «но распределяются неравномерно», «не пользуются положительной репутацией», «не играют заметной роли»), это помогает определить и обосновать **истинную** цель всей кампании: «выдвигать жесткие требования» по отношению к **истинному**

адресату – государству в лице «зрелых политиков», которые должны быть «готовы взять их [эти требования] на вооружение, смягчить до компромиссных, взаимоприемлемых формулировок и выразить в виде необходимых правовых актов». Государство как субъект дискурса, персонифицированное в образе «господ взрослых политиков», представляет собой совершенно новую категорию – категорию «чужие». Скрытая угроза в адрес этого нового субъекта («Господа «взрослые» политики – вы не возражаете?..») и выявление истинной цели адресантов («выдвигать жесткие требования») в сочетании с эмоциональной лексикой, имеющей сильную негативную коннотацию («вечный радикализм», «затянувшееся «политическое детство»», «раздражение») переводят отношения между «мы» – «молодежные организации» и «господа взрослые политики» – «государство» в плоскость враждебного противостояния.

На уровне ***субъектного содержания*** линия реализуется в последовательности следующих риторических приемов:

- на начальном этапе кампании это: приемы ценностной пропаганды («блестящая неопределенность» и «общий вагон»); постоянная апелляция к эмоциям и личному опыту; использование риторических вопросов и прямой речи; продвижение общей идеологии – самых общих, базовых верований, сформулированных такими же общими, свободными от контекста, порождающими и безусловными предложениями;
- следующий этап характеризуется применением приемов как ценностной, так и фактологической пропаганды; имеет место умеренная апелляция к эмоциям и призыв к личному участию, что усиливает их воздействие; наблюдается взаимодействие языка и идеологии второго типа (по Т. ван Дейку), когда выбор пропозиций ограничен контекстуально, в нашем случае работой среди представителей определенной социальной группы, со смещением фокуса семантического внимания на характеристики этой группы – идеологические пропозиции преобразованы в мнение говорящего (автора) как представителя группы;
- риторика заключительного этапа кампании представлена такими приемами, как метафора, контрастивные пары, перечисления; фактологичность здесь выступает как прием аргументирования; имеет место продвижение особых верований (мнения о конкретных людях, событиях, обстоятельствах и т.д.), репрезентированных в текстах в форме ментальных моделей, которые не просто конкретны, но и личностны.

На фоне линейной трансформации тематических категорий и риторики взаимодействия субъектов на протяжении информационной кампании лоббирования мы наблюдаем эволюцию знания о мире объектов и субъектов лоббирования, транслируемого со страниц печатного СМИ. Происходит переход от образа мира и знания, соответствующего миру и знанию лица, имеющего личные нереализованные (в силу своей зависимости) интересы, к миру и знанию, в котором личные интересы совпадают с интересами целой группы людей, но не реализуются из-за неэффективной работы кого-то третьего; и, наконец, к миру и знанию активно действующего члена группы, заинтересованного в реализации общих интересов, который осознает необходимость

личного участия в интересах общего успеха и готов к официальному диалогу на самом высшем уровне.

Таким образом, знание о структуре и наполнении той социальной реальности, которая представлена текстами данной кампании, в ходе линейного развития дополняется знанием об их функциональной направленности. Именно линия определяет лоббирующее начало данного дискурса.

Иерархическая организация содержания текста дает информацию о субординации объектов и субъектов реального мира безотносительно их системного решения. Ранжированные темы и индивидуально выбранный вид взаимодействия «адресант-адресат» раскрывают реальную значимость объектов и субъектов действительности.

Иерархическая организация макротекста анализируемой кампании задается представленной ранее линией. Выявив в ходе линейного анализа истинного адресата всей кампании, в рамках иерархического анализа мы оцениваем значимость каждого ее элемента. Так, начало кампании может быть оценено как **«вербовка и консолидация»** союзников, сплочение максимально широкой аудитории вокруг максимально неопределенного, и потому разделяемого всеми социального интереса и создание коллективного субъекта, объединенного общей задачей и общей деятельностью по продвижению общего интереса. Для адресата кампании (государства) это действие есть демонстрация силы. Дальнейшая **«конфронтация»** имеет своей целью вовлечение консолидированного группового субъекта в активную деятельность по защите и продвижению социального интереса, для чего в дискурс вводится новый адресат (он же истинная целевая аудитория МДЛ) – государство – и на него возлагается ответственность за проблемы, с которыми сталкивается социальная группа. С точки зрения истинного адресата, этот прием есть не что иное, как устрашение и предупреждение. Такой коммуникативный ход совершенно необходим для того, чтобы уравновесить выходящую на первый план в следующих текстах доминирующую позицию адресата. Именно с этой целью завершающим приемом кампании становится призыв к «**консенсусу**», в котором раскрываются и истинные мотивы адресанта и доминанта адресата.

Каждый из этапов кампании занимает в ней приблизительно равный по сравнению с остальными объем, из чего можно заключить, что в условиях белорусской реальности каждая из стадий «обработки» адресатов необходима. Это говорит об отсутствии практики общественного лоббирования в стране, о неготовности общественности обсуждать социальные интересы и о том, что само общество не консолидировано, индивидуальные субъекты не осознают себя субъектами социальными, групповыми и политическими. Об отсутствии практики цивилизованного лоббирования говорит и то, что на этапе непосредственного диалога с государством формулировка требования достаточно размыта (оно описывается через модальность: государство должно…).

Обратим внимание также на то, что каждый этап кампании демонстрирует взаимодействие одноуровневых субъектов. Сначала это индивидуумы, затем – коллективные субъекты и, наконец, институциональные субъекты. Это

позволяет говорить о том, что общество, в котором рождается такой текст, консервативно, в нем принята жесткая иерархия. Тот факт, что государство (как истинный адресат кампании) скрыто, позволяет усилить этот вывод и сказать, что такое общество не привыкло к демократии, хотя самим фактом этих текстов пытается ее практиковать.

Выводы. Проведенный нами анализ структурного, системного, линейного и иерархического решений данной кампании лоббирования позволяет сделать некоторые предварительные обобщения относительно МДЛ (которые, безусловно, требуют верификации на материале других медийных кампаний лоббирования). В ходе анализа выявилась основная категория этого явления – «адресация», под которой понимается взаимодействие адресата и адресанта текстов кампании. Адресация является ключевым элементом и ситуации общения, и ситуации сообщения. То есть коммуникативная (риторическая) ситуация, в которой автор статей адресует свои тексты читателям, в медийной кампании лоббирования составляет одновременно и тему макротекста, которая реконструируется благодаря структурному анализу, и которая благодаря иерархическому структурированию тематического среза текстов, предстает ключевой, сквозной темой. Кроме того, динамика именно этой категории, ее характера и наполнения (содержание категорий «адресат» и «адресант») определяет развитие кампании лоббирования в СМИ и создает лоббирующий эффект. На основе линейного анализа категории «адресация» мы можем констатировать полиэтапность МДЛ. Учитывая тот факт, что в кампании лоббирования взаимодействие «адресант-адресат» развивается по линии «индивид-индивид» «индивид – социальная группа» «социальная группа – государство», мы не можем однозначно определить МДЛ ни как персональный, ни как институциональный тип дискурса. Вероятно, можно определить его как особый тип дискурса, основными характеристиками которого являются полисубъектность, полиидеологичность и полиэтапность.

Таким образом, мы проиллюстрировали, какое знание/содержание несет в себе каждая из организационных форм дискурса. Отметим, что содержательное пространство дикурса представляет собой единство всей информации – предметной и субъектной – представленной в тексте всеми его компонентами и всеми перечисленными формами их организации. Разделение этих форм предлагает удобный механизм для глубокого анализа содержания и предполагает обязательный синтез полученных результатов. Выводы такого интегративного исследования касаются не только законов текстопорождения в рамках определенного жанра, но и той социальной реальности, в которой текст функционирует.

Алена Попова (Беларусь, Минск)

Анализ дискурса элитарных средств информации

Объектом моего исследования является дискурс элитарных средств информации (от англ. elite media — термин, зафиксированный в англоязычной спе-

циальной литературе [1]. В настоящей статье для определения данного типа СМИ используется аббревиатура ЭСИ. В работе исследуются три «отдельных случая» (case studies), три разных по объему содержательных пространства таких языковых знаков, как статья газетного издания, рубрика журнала и отдельный выпуск издания. А именно: одна из статей, опубликованных в воскресном приложении «Domenica» к газетному итальянскому изданию «Il Sole 24 Ore»; одна из рубрик англоязычного журнала «Harvard Business Review»; один из выпусков англоязычного журнала «The Lion».

Все три названных издания относятся к группе ЭСИ. Они адресованы высокостатусным социальным группам современных промышленно развитых государств.

«Harvard Business Review» – самое авторитетное англоязычное журнальное издание по менеджменту [2]. «Il Sole 24 Ore» – влиятельное политико-финансово-правовое газетное издание Италии [3]. Первое издание выпускается в США, второе – в Италии. Каждое имеет несколько десятков языковых версий и распространяется главным образом по подписке. Выбор журнала «The Lion» дополняет выборку для исследования ЭСИ с той только разницей, что это международное клубное журнальное издание закрытого типа, распространяемое по подписке исключительно среди членов клуба (Lions Club International – самая крупная элитарная благотворительная организация в мире).

Методологической основой стала *каузально-генетическая теория*, репрезентирующая белорусскую школу дискурс-анализа. *Каузально-генетическая теория (далее КГТ*) ориентирована на изучение функционального многопланового содержания сложных языковых знаков. Как уже было отмечено в предыдущих материалах настоящего сборника, КГТ включает в ядро содержания референтный (информация о предмете общения) и кортежный (информация об участниках коммуникации – кортеже общения), знаково-референтный и знаково-кортежный виды информации, или планы содержания. Ранее также отмечено, что эти четыре вида содержания репрезентируют себя структурным, иерархическим, линейным и системным видами организации содержания.

В процессе исследования применяются все виды логического анализа (индукция, дедукция, абдукция), а также методы лингвистического и собственно дискурсного направлений: идентификативно-интерпретативный анализ (перенос тема-рематического анализа в пространство макротекста), анализ тематических полей, жанровый анализ (с учетом открытости-закрытости жанра), методы реконструкции, операционализации, верификации, а также социально-ролевой анализ. Все эти методы являются в разной степени составляющими двух синтезированных методик, разработанных в русле каузально-генетического подхода – реконструкции дискурс-картин мира общающихся и дискурс-картин их кортежного взаимодействия (с учетом пересечения актуализированных кортежей общающихся).

Обратимся к дефинициям ключевых категорий исследования. Под дискурсом в моем исследовании понимается текст с учетом социального контекста, репрезентированного в тексте; причем таковым может стать любой текст (устный и письменный, современный и исторический, реальный и искусственно сконструированный) во всей его многозначности и полифункциональности,

с учетом реального и потенциального содержательных планов коммуникации. Иначе говоря, в расчет принимается непосредственная соотнесенность языковой практики с экстралингвистическими факторами.

Под дискурс-анализом (дискурс-исследованием), соответственно, понимается последовательное комплексное изучение содержания дискурса во всей его полноте. Для этого анализ дискурса ЭСИ проходит стадии аналитического чтения, включающего сбор базы данных о содержании текста, ее описание, анализ и сопоставление описанных элементов, верификацию результатов. Этот комплексный анализ всех видов содержания письменного дискурса включает в том числе и реконструкцию социального контекста (содержание кортежного плана, т.е. того, как формируется взаимодействие «адресант-адресат»). Оставаясь по сути текстологическим, дискурс-анализ переходит в разряд методик, изучающих социальный контекст, а значит, является одновременно методикой целого ряда гуманитарных и социальных наук. Его глубина обеспечивается обращением к анализу различных уровней речевой деятельности – фонематическому (просодическому), лексико-семантическому, прагма-, психо-, этнолингвистическому, стилистическому, риторическому и др.

Дискурс-картина мира (т.е. предмет-ориентированное содержание или предметно-тематическая «матрица» печатных изданий) реконструируется путем декодирования двух планов содержания (по Соссюру это содержание того, к чему обращены оба лица языкового знака – содержание реальности и содержание языковой или знаковой реальности): (1) референтного и (2) знаково-референтного планов. Референтное содержание актуализируется (манифестируется) в рамках (а) иерархического (прагматика референта) и (б) структурного (знание или познание референта, т.е. когнитивный план) измерений содержания дискурса. Знаково-референтное содержание актуализируется в рамках (в) системного (парадигматический план) и (г) линейного (синтагматический план) измерений содержания дискурса.

Дискурс-картину мира, реализующую себя в двух планах содержания и четырех пространственных измерениях, можно определить как дискурс-категорию содержания верхнего уровня осмысления (она определяется дедуктивно, т.е. путем разложения, или операционализации). Соответственно можно говорить о частных или операциональных дискурс-категориях. В контексте нашего исследования дискурса ЭСИ такими категориями стали «пространство», «время», «деятельность». Для чего нам надо знать операциональные дискурс-категории? Для того, чтобы понять предмет своего исследования и построить рабочую исследовательскую модель, зафиксировать нашу исследовательскую процедуру.

По такому же принципу можно разобрать еще одну дискурс-категорию содержания ЭСИ верхнего уровня осмысления – дискурс-картину кортежного взаимодействия (иначе, субъект-ориентированное содержание, «матрицу» ролевых (статусных, гендерных, профессиональных и др.) установок взаимодействия коммуникантов, «матрицу» коммуникативного поведения ЭСИ), в основе которого мы реконструируем (1) актуальное кортежное содержание (все актуализированные виды отношений между адресантом (далее А1) и адресатом (далее А2) в его (а) иерархическом и (б) линейном развитии

и (2) потенциальное, или знаково-кортежное содержание в его (в) системном (жанровая палитра и стилистический срез текста СМИ) и (г) структурном (формат общения) развитии.

Напомним: под термином «кортеж» понимается группа коммуникантов, вовлеченных во фрейм определенного речевого акта непосредственно (устное общение) или опосредованно (письменное общение) в их взаимодействии (межличностное взаимодействие). Соответственно кортежное содержание есть формирование или отражение такой деятельности в стиле общения. В кортежное содержание входит также информация о характере/специфике взаимодействия коммуникантов с учетом возможного расширения информации за счет взаимодействия коммуникантов с тематическими субъектами. Социальные связи актуализируются в содержании порождаемых текстов непосредственно (номинативно) или опосредованно через интертекстуальность, но также и интерсобытийность, интерсубъектность (термины, введенные КГТ). Это и есть операциональные дискурс-категории собственно кортежного плана содержания.

Рассмотрим также операциональные категории знаково-кортежного плана содержания. Знаково-кортежное содержание – это зафиксированная жанровыми и форматными маркерами информация о групповом (или, в широком смысле, социально-историческом) статусе участников коммуникации, определяющем выбор структурно-системной организации общения; это также отраженное в знаке типовое поведение коммуникантов – жанрово-форматный содержательный тип общения. В основе последнего – тот или иной тип кортежа. Тип общения/тип кортежа – это характер взаимодействия коммуникантов: степень открытости и доступности текста, его диалогичности. Можно выделить различные типы кортежа, такие, например, как актуализирующие профессию, возраст, родословную общающихся и т.п. В контексте исследования дискурса ЭСИ актуальными оказались такие виды общения, как дидактическое (актуализация ролевых пар «лектор-слушатель», «эксперт-обучающийся»), коллегиальное (актуализация симметричной ролевой пары «профессионал-профессионал»), патриархальное (актуализация ролевой пары «глава семьи – член/ы семьи») и призывно-побудительное (актуализация ролевой пары «лидер-ведомые»). Как видим, операциональной категорией типа общения стала дискурс-категория «роль». Для нас роль – это ожидаемый от субъекта способ действий в заданных обстоятельствах; также элементы содержания, рассматриваемые в аспекте их организации в типы общения.

Логика каузально-генетического подхода предполагает определение ключевых дискурс-категорий изучаемого типа дискурса, а также выстраивание этих категорий в определенную логическую последовательность, которая позволяет создать свою теорию содержания типа дискурса с опорой на реальные дискурсии, реальные тексты, т.е. с опорой на так называемые «case studies» (исследования отдельных случаев). В этом логика каузально-генетического подхода соотносима с логикой так называемой «обоснованной теории», о которой уже говорилось ранее.

В контексте данного конкретного исследования логическая последовательность дискурс-категорий помогла увидеть следующее:

- дискурс-категории различаются по функции (назначение категории – открывать исследование или устанавливать его предел, связывать элементы содержательной структуры или их разрывать);
- дискурс-категории различаются по степени абстракции (уровень мышления или уровень осмысления категории, согласно которому содержание видится как поддающееся развитию, операционализации или нет).

Определив (1) стартовые исследовательские категории «дискурс-картина мира» и «дискурс-картина кортежного взаимодействия» как самостоятельные содержательные функциональные единства, мы смогли обнаружить в этих единствах внутренние дискурс-категории, обеспечивающие эти единства как таковые (в нашем случае ими стали дискурс-категория «журналистский повод» для дискурс-картины мира и «миссия» для дискурс-картины кортежного взаимодействия).

Определив (2) эти же стартовые исследовательские категории как составляющие общего содержательного пространства дискурса ЭСИ, мы увидели, что их объединяет. Оказалось, что таковой становится дискурс-категория «миссия», ибо в конечном итоге она получает свое отражение и в тематическом наполнении, формируя целостность текста и аудитории, послания как такового, и социального контекста ЭСИ. Так, одна и та же дискурс-категория может выйти за пределы той или иной целостности и, «прорастая» в нескольких целостностях, получить статус внешней, или связующей. Характерно, что и образующие форму содержательные дискурс-категории (т.е. те, которые организуют содержательное пространство дискурса: структура, система, иерархия, линия) могут выступать как в качестве внутренних, так и в качестве внешних дискурс-категорий.

Но вернемся к категориям, образующим содержание. Их набор и актуализация варьируются от дискурсии к дискурсии, от текста к тексту, генерируя самостоятельность, уникальность каждого общения. Выявление специфики дискурс-категории – задача дискурс-анализа (дискурс-исследования). (Так, при проведении моими коллегами дискурс-анализа текстов политиков Беларуси и России методом дискурс-портретирования было обнаружено более 30 операциональных дискурс-категорий. Однако и здесь, если у одних политиков актуальными были все 33 дискурс-категории, то дискурс других был гораздо более «скромным».)

Дискурс-анализ материалов ЭСИ позволил определить особенности данного типа дискурса по следующим позициям: комплексность, функциональность, типологическая определенность, единство вербальных и невербальных кодов, реконструкция «матрицы» порождения содержания изданий ЭСИ (алгоритма создания печатного издания определенного типа). В результате о данном типе издания можно сказать следующее:

ЭСИ репрезентируют содержание, в котором переплетаются три содержательных плана: фактологический, интерпретативный и метаязыковой. Но достаточно ли этого набора, чтобы понять специфику типа? Безусловно, нет. Например, все эти три содержательных плана, согласно исследованию наших коллег из Вильнюсского университета, проявляют себя и в таком журнале, как “Cosmopolitan”, где может быть опубликована статья о запуске в производство

некоего крема (факт). В данной статье непременно будут отзывы и комментарии известных косметологов об этом креме (интерпретация), а также их экспертная оценка (метаязык). Означает ли это, что данный журнал относится к типу ЭСИ? Вряд ли. Так что же еще есть в исследованных нами изданиях, что характеризует тип ЭСИ? В нашем случае значимую роль сыграла также реконструкция топико-фокусного параметра содержания. В материалах ЭСИ велика концентрация внимания редакции, журналиста/автора материала на *личности*, которая идентифицируется с определенной группой и обладает определенной ответственностью. Таким образом, топико-фокусная доминанта является еще одним квалитативным признаком, который мы выявили. Далее в наших изданиях мы обнаружили сочетание таких типов взаимодействия, как коллегиальное и дидактическое, которые порождают специфический тип взаимодействия «издание-аудитория» (еще один квалитативный признак), а в одном из наших материалов в это единство включились также патриархальный тип взаимодействия и призывно-побудительный. Иначе говоря, взаимодействие «издание-аудитория» далеко выходит за синтез информации и аналитики (качественная пресса), и тем более информации и развлечения (популярная/массовая пресса).

Следует также отметить, что ткань содержания ЭСИ имеет свой категориальный «рисунок». В нашем материале всегда эксплицирован «журналистский повод» – категория содержания, которая вместе с актуализированной (имплицированной) категорией «миссия» опять-таки образует некий иной сплав содержания. Характерно, что все выше названные признаки (характеристики) ЭСИ выступают в непосредственном единстве. Так, например, миссия издания (в целом) подтверждается миссией личностей, представленных в проанализированных нами материалах.

Таким образом, содержание ЭСИ являет собой (1) уникальный феномен. Уникальность содержания ЭСИ проявляет себя в (2) особом наборе характеристик содержания, который сорганизован по всем четырем параметрам – структурному, системному, линейному и иерархическому. Речь идет о гармонии в соорганизации следующих (3) видов содержания: а) референтного (фактологического, интерпретативного, метаязыкового) и б) кортежного (коллегиального, дидактического, патриархального, призывно-побудительного видов взаимодействия), а также ключевых (для определения целостности коммуникативного продукта) характеристик: (4) топико-фокусной характеристики (которая вывела *личность* на первый план), и (5) дискурс-категориальной (которая соединила категории «журналистский повод» и «миссия», определив не только материал издания (значение), но и его направленность (значимость).

К вышесказанному добавим дефиниции еще нескольких терминов, актуальных в контексте моего исследования:

- изучение отдельного случая (case-study) – метод всестороннего, многоступенчатого, верификативного изучения частного случая, с целью выявления его существенных характеристик и экстраполяции на аналогичные явления. Оптимальное поле для применения качественных методик анализа текстов [4, 5];

- квалитативный (качественный) анализ текста (Qualitative text analysis, QUAL) – исследование содержания текста в неформализованном виде и интерпретация его содержания; этот вид анализа учитывает целостность текста, раскрывает его структуру, потенциальное значение содержания, основан на селективном отборе элементов, носит иллюстративный характер, принимает во внимание позицию адресата. Представлен множеством методик, среди которых нарративный, социально-ролевой, риторический виды анализа, а также идентификационно-интерпретативный анализ, анализ жанров, анализ знаковой репрезентации ключевых объектов и ключевых субъектов коммуникации и др.;
- в качестве контраста существует квантитативный (количественный) анализ текста (Quantitative text analysis, QUAN) – исследование содержания текста в формализованном виде. Процесс изучения сводится к статистическому измерению содержания текстов/ документов. Качественный анализ нацелен на исследование манифестируемого (актуализированного) значения содержания. Неотъемлемыми характеристиками такого подхода являются систематичность, объективность, обобщенность. Представлен такой методикой, как контент-анализ, который в данной работе не приводится;
- каузально-генетическая перспектива (КГП) (методология) – перспектива методологического порядка, принимающая исторически ранние перспективы (позитивистскую, интерпретативную, критическую, постмодернистскую) в аспекте их комплементарности, взаимодействия (интеракции), взаимозависимости и взаимообусловленности. Методология, усложняющая ядро ПС сложного языкового знака (текста в его функциональной данности) от дихотомии реальность-знак (усложненной до признания прагматической, гносеологической, парадигматической и синтагматической составляющих, что принципиально не меняет сути подхода, а только обогащает данное видение ПС) до квадритомии реальность-знак плюс кортеж-знак, либо реальность-кортеж плюс знаковая реальность-знаковый кортеж. Данная перспектива уравнивает в значимости познавательно-деятельностную и интерактивную (социальную, коммуникативную). КГП является основой для порождения методик анализа содержания текста с учетом многомерности, полифоничности его содержания. Соответственно каузально-генетическая теория – система знаний о содержании языка (сложных языковых знаков – текста/макротекста) с учетом динамики его развития, аналитической и синтетической направленности, кодирования и декодирования. А каузально-генетическое моделирование – построение функциональных моделей плана содержания дискурса с учетом актуальной реализации потенциального содержания на разных уровнях сложности (синтезирования); основа для построения технологий исследования содержания сложных языковых знаков (текста, рубрики журнала, выпуска издания и пр.).

---

1. *Jamieson, Kathleen Hall.* The Interplay of Influence: news, advertising, politics, and the mass media. Third Edition Wadsworth Publishing Company, Belmont, California, a Division of Wadsworth, Inc, 1992. P. 18.
2. www.harvardbusinessreview.com
3. www.giornalilocali.it/quotidiani/il-sole-24-ore.htm

4. *Lawrence W.R.* A case study in speech criticism: the Nixon-Truman analog // Methods of rhetorical criticism: a twentieth-century perspective / L. Bernard [et al.]. – 3d ed. Detroit, 1989. P. 117–133.
5. *Попова А.В.* СМИ, ориентированные на высокостатусные группы // Журналістыка–2004: матэрыялы 6-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 2-3 снеж. 2004 г. / Беларус. дзярж. ун-т; редкал.: В.П. Вараб'ёў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2004. Вып. 6. С. 255–256.

ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯ В КРИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

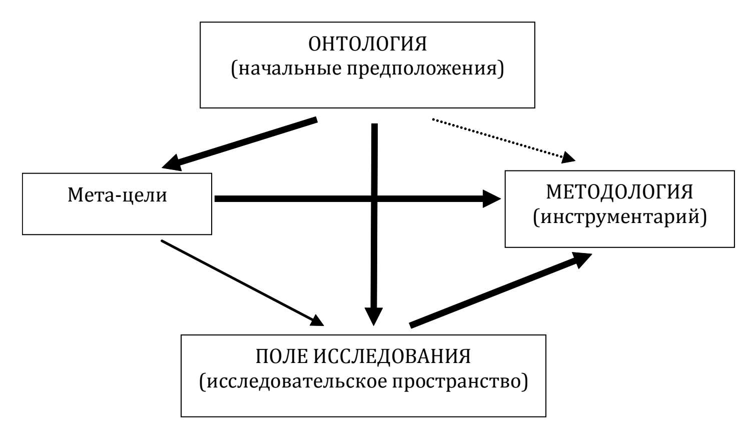
Томаш Пекот (Польша, Вроцлав)

Рефлексия как самоидентификация в критическом дискурс-анализе

Дискурс-анализ как социальная и социально значимая деятельность. Модель дискурс-анализа, которую я использую в своих исследованиях социальной коммуникации, основывается на концепции Т. ван Дейка и дополняется некоторыми положениями и категориями других теорий. В упрощенном виде моя модель включает четыре тесно связанные друг с другом компонента:

- основные предположения – теория коммуникации и социальная коммуникация (онтология);
- основные цели исследования, согласующиеся с начальными предположениями (мета-цели);
- исследовательский инструментарий, соответствующий им (методология и методы);
- исследовательское пространство, ограниченное целями и принятым подходом к коммуникации (поле исследования).

Графически эти компоненты могут быть представлены следующим образом:

На данном рисунке мы видим, как представляет себя критический дискурс-анализ (КДА). В критическом подходе самоидентификация эквивалентна саморефлексии и понимается вслед за Хабермасом как осознанный и честный акт разоблачения перед коммуникантом всего, что может стоять на пути эффективной коммуникации. Таким образом, понимаемая рефлексия (Reflexivity) может быть далее определена с опорой на следующие положения:

- Язык, текст, дискурс и т.д. – все эти знаки являются индексами Субъекта. Их связь с человеком (или группой) естественна и постоянна, как отно-

шение между огнем и дымом. Сюда (к этому положению) можно отнести и научные статьи как индексированные знаки конкретных ученых.

- Исходя из того, что утверждается в пункте 1, язык, текст и дискурс не могут быть объективными (они несут в себе субъективную перспективу Субъекта).
- В исследованиях человека, а также социальной и культурной жизни невозможно отделить роль наблюдателя от роли участника. Более того, чем важнее для нас (участников) предмет исследования, тем менее объективно (reliable) само исследование (в позитивистском смысле).
- Самоидентификация ученого должна изначально быть сфокусирована на всей невербальной или скрытой информации об ученом и исследовании, что могло бы повлиять на результаты.

Как видим, мой подход акцентирует не то, КАК анализируется дискурс, а то, ЧТО СОСТАВЛЯЕТ ОСНОВУ исследования.

Этот принцип в равной степени применим и к эксплицитным и к имплицитным предположениям, которые могут иметь обоснованный научный характер, а могут брать свое начало вне науки (например, политические взгляды, религиозность и др.).

Онтология. Самое важное онтологическое положение дискурс-исследований заключается в принятии – еще до начала собственно исследования – положений общей теории коммуникации. Эта позиция теоретической модели значима, поскольку коммуникация, будучи абстрактным феноменом, может быть описана только метафорически – и каждая метафора в определенном смысле имеет ограничения (сама ограничивает что?), так как она включает в себя понятие, которое метафоризируется уже на уровне источника.

Доминирующая на сегодняшний момент в лингвистической науке метафора коммуникации – ***коммуникация как передача*** сообщения, представляемого как упаковка для специфического содержания.

Таким образом, предполагается, что люди передают друг другу информацию о чем-то в процессе коммуникации (см. модели Бюллера и Якобсона). Оппозицию такому подходу составляют нелинейные модели коммуникации, в которых текст рассматривается как продукт взаимной деятельности всех участников коммуникации. Мне лично ближе вторая метафора. Можно сказать, что текст является ментальной репрезентацией слов и предложений, которые совместно создают материальное высказывание. Данный подход практически стирает разницу между адресантом и адресатом, поскольку оба вовлечены в процесс коммуникации и оба играют активную роль в конструировании продукта коммуникации. В процессе общения знания о тексте и представляемой в нем реальности являются предметом постоянного обсуждения и договора. Таким образом, коммуникация – это постоянная борьба за значения, а готовый текст – инструкция к применению (метафора ***сообщение как инструкция***). Автор этой инструкции, безусловно, заинтересован в том, чтобы адресат считал его мысли, и адресат делает это, но по-своему (см. Типологию чтения С. Холла) и, скорее, вкладывает в эту инструкцию свое собственное содержание, нежели следует заложенному.

Данная идея полностью повторяет положение конструктивизма о том, что идеальное понимание практически невозможно. Коммуникация состоит из

попыток примирить ментальные модели текста адресанта и адресата или – в случае властных отношений – из попыток навязать определенный способ прочтения.

Еще одно положение предлагаемой здесь дискурс-аналитической модели касается определенного видения социальной коммуникации. Суть ее, по-моему, заключается в постоянном конструировании (установлении и подтверждении) отношений между людьми, а точнее, между различными социальными группами. Необходимо учитывать, однако, что группы отличаются друг от друга своим статусом и властными полномочиями. В результате одни группы доминируют в отношениях, а другие подчиняются.

Это положение принимается как результат признания эволюционистского подхода к пониманию коммуникации, согласно которому люди способны решать разногласия без использования физической силы. В результате происходит перенос агрессии из деятельности физической в коммуникацию (как на уровне межличностного, так и на уровне межгруппового общения). Социальная действительность как борьба за доминирование и установление некоего строя дискурса описывается и объясняется теориями дискурса и общества М. Фуко и П. Бурдье. Представленная ниже схема иллюстрирует данную проблему. Во-первых, она демонстрирует *три перспективы*, которые исследователь должен учитывать (адресанта, текста и адресата), во-вторых, она четко декларирует разницу между дискурс-аналитиком, который является пассивным внешним наблюдателем, и исследователем, стоящим на позиции КДА, вовлеченным наблюдателем, находящимся внутри процесса.

Мета-цели. Воспринимая социальную коммуникацию как столкновение групп с неравным потенциалом (капиталом), мы можем сформулировать общие мета-цели исследования.

Первая цель состоит в том, чтобы описать властные отношения, в первую очередь через раскрытие их контекста и исторических корней. Другая цель –

представить результаты исследования таким образом, чтобы общество осознало необходимость изменения своего отношения, поведения и даже системы ценностей. Дискурс-анализ, понимаемый таким образом, становится социально значимой деятельностью информативного, воздействующего и образовательного характера.

В связи с вышесказанным встает проблема позиции исследователя, также упоминаемая в работах Т. ван Дейка. В рамках критического дискурс-анализа эта проблема является принципиальной. Если дискурс-анализ это социальная и социально значимая деятельность (критический анализ), то исследователь не может быть отстраненным (см. разницу между дискурс-анализом и КДА на диаграмме выше). Без «критического отношения к социальной проблеме» (Т. ван Дейк «Can you learn CDS?») само исследование не имеет смысла, а исследователь теряет доверие к себе как к ученому.

Критическое мышление или критическое отношение состоит:

- в изучении социально значимого явления;
- в проведении исследования с позиций подчиненной группы;
- переоценке ценностей своей группы с критических позиций;
- критической оценке результатов своего исследования (в процессе формального и неформального образования).

Методология и поле исследования. Как я уже говорил раньше, выбор инструментария – задача вторичная по отношению к установлению основных положений и мета-целей исследования. В случае КДА избранные методы должны в первую очередь способствовать проведению всестороннего анализа социального феномена и не давать оснований для обвинения исследователя в необъективности и повторной интерпретации. Полагаю, что добиться этого можно только путем сопоставления в исследовании различных позиций, то есть сравнивая знания о тексте (лингвистическая традиция) со знаниями о том, как обе стороны – доминирующая и подчиненная группа – продуцируют и понимают тексты и дискурсы. Это влечет за собой необходимость обогащения (расширения) исследовательского инструментария методами из других дисциплин, в особенности различными методами наблюдения, опроса и проведения экспериментов.

Определяемое предложенным способом дискурс-аналитическое исследование (в рамках КДА) фокусируется на вопросах социально значимых, а именно на проблемах функционирования в социуме различных аттитюдов и идеологий, касающихся в основном политических взглядов, религии, половой и расовой принадлежности и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Piekot, T. Dyskurs polskich wiadomości prasowych / T. Piekot. Kraków, 2006.

Piekot, T. Przyszłość badań nad komunikacją / T. Piekot // Oblicza komunikacji 1., t.1. Kraków, 2006.

Piekot, T. Werbalizacja i wizualizacja w dyskursie wiadomości prasowych / T. Piekot // Ikoniczność znaku: słowo – przedmiot – obraz – gest. Kraków, 2006. (Verbalisation and Visualisation in News Discourse – English version: www.tomaszpiekot.pl).

Piekot, T. Językowa i wizualna reprezentacja stereotypu (rekonesans badawczy) / T. Piekot // Język polski XXI wieku: analizy, oceny, perspektywy. Kraków, 2007.

Piekot, T. O (nie)spójności przekazów werbalno-wizualnych / T. Piekot // Roczniki naukowe PWSZ. 2007. № 13.

Piekot, T. Perswazyjność przekazów werbalno-wizualnych / T. Piekot // Mechanizmy perswazji i manipulacji. Łódź, 2007.
Piekot, T. Ideologie w podręcznikach do nauczania języka polskiego jako obcego / T. Piekot, A. Żurek // Ideologie w słowach i obrazach. Wrocław, 2008.
Piekot, T., A. Szczepaniak. Finding Kozakiewicz. In search of a method to identify Polish emblematic gestures / T. Piekot, A. Szczepaniak // GESPIN: Gesture and Speech in Interaction. Poznań, 2009.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, наше второе заседание позволило нам познакомиться с тем, как определяют свои исследовательские приоритеты участники *круглого стола*, а также то, как мы репрезентируем исследовательские парадигмы своих коллег, занимающихся схожей проблематикой, т.е. свой непосредственный контекст. В частности, нам было дано некоторое представление о таком контексте двух стран – Польши и Беларуси.

Но обратимся к исследовательским приоритетам непосредственных участников. В ходе дискуссии был предложен ряд категорий как парадигмального, так и собственно рабочего плана, которые можно использовать для определения своего места в лингвистике в целом и лингвистике дискурса в частности (так называемые категории для самоопределения). В принципе все они, так или иначе, оказались полезными нам. Понятно, что многим оказалось удобным идти по пути модели песочных часов (с опорой на категории *поле, объект, предмет, цель, метод*). При этом оставалась достаточно вольной трактовка некоторых категорий. Для кого-то идея поля сработала как идея тематического диапазона (подходы Михала Сарновского, Рафала Зимного и Мартина Поправы), а в других подходах – как идея исследовательского объема (подход Т. Пекота). Также идея метода имела здесь «разную силу звучания»: для одних важно было максимальное время своих презентаций уделить теоретической стороне подхода, других же в первую очередь интересовала практическая исследовательская сторона.

Актуализацию философских и лингвистических парадигмальных категорий мы обнаружили в подходах И. Ухвановой-Шмыговой, Е. Савич, М. Гавриловой, Т. Пекота. А если рассматривать идеи интертекстуальности и интегративности в качестве парадигмальных характеристик исследования, что в принципе также было заявлено участниками дискуссии, то можно сказать, что парадигмальный подход сработал на все сто процентов. Любопытно при этом, что в каком-то смысле продолжает быть актуальной и идея изначального отказа от гранд-нарратива, заложенная в работах основателей дискурс-анализа. Впрочем, как потом стало ясно, здесь есть элемент недоговоренности. Вопрос в том, можно ли, во-первых, считать изначально оговоренные принципы исследования своего рода отпечатками гранд-нарративов? Если да, то они были у всех участников дискуссии. Можно ли, во-вторых, считать, что создание исследовательского метода, оговоренного как конечный исследовательский продукт, не есть стремление построить этот самый нарратив, пусть для одного исследовательского случая, но ведь он, в итоге, дает основания для общих выводов (выводов по дискурсии, представляющей дискурсный архетип)? И здесь мы бы ответили положительно. Впрочем, понятно, что данная тема

(гранд-нарративы в контексте современных дискурс-исследований) требует отдельного обсуждения, к которому мы только подошли на первом заседании нашего *круглого стола*.

Есть еще одна тема, которую мы только обозначили, но которая требует более внимательного отношения. Эта тема была предложена Томашем Пекотом в конце заседания и касается роли и самоидентификации ученого, дискурс-аналитика в исследовательском процессе. Может ли и должен ли ученый в самом процессе исследования взаимодействия субъектов в дискурсном пространстве принимать ту или иную сторону (будь то сторона так называемого «большинства» или «меньшинства»)? Каким образом активная гражданская, социальная позиция может сочетаться с научной непредвзятостью? И что такое научная непредвзятость? Должна ли социальная деятельность определять научную или наоборот? Очевидно, этот вопрос принципиален для самоидентификации каждого из представленных на *круглом столе* подходов и должен быть отдельно затронут на следующих наших встречах.

Какую бы форму самоидентификации ни представили участники нашего *круглого стола*, важным было то, что наше научное знакомство состоялось.

Мы решили подвести итоги нашего второго заседания наглядно, с помощью информативных классификационных таблиц. Сохраним в шапке таблиц те элементы самоопределения, которые показались значимыми для каждого, кто захотел взять слово на этом заседании. Полагаем, что построение такого рода таблиц может быть полезным и впредь, ибо они дают нам представление как об общем, так и особом в наших исследовательских подходах.

Ниже мы представляем сведенные воедино результаты самоопределения участников заседания нашего *круглого стола*.

Дорота Бжозовска (Польша, Ополе)

Название школы и ее представители	Стилистическая школа (Ополе): Гайда, Биневич, Бжозовска, Хэбда Домбровска, Ижиковска, Малиновска, Макуховска, Ноцонь, Стажец, Табиш, Петровски, Выдэрка.
Типы дискурса	Публичный, политический, художественный, юридический, научный, научно-популярный, дидактический, народный, религиозный, юмористический.
Дисциплинарная принадлежность, Категориальная фокусировка	Анализ дискурса, теория текста, теория речевых актов, когнитивистика, стилистика, прагмалингвистика, языковая картина мира, язык и культура, лексикология и лексикография.
Целевая установка с фокусом внимания на категории	Интеграция исследования текста и коммуникации в контексте психологическом, обществоведческом и культурном. Разработка оперативных понятий, связанных с построением текста и его отношений с контекстом психо-социо-культурном. Интеграция знания о тексте и стиле в рамках стилистики как интердисциплины (включающую в себя функциональный, прагматический и когнитивный аспекты). Исследование отдельных функциональных стилей посредством исследования отдельных текстовых структур, их взаимозависимостей и контекстных условий. Объединение рассеянного знания о homo loquens и тексте (дискурсе), поиск связей между различными, порой специфическими признаками.

Ирена Каминьска-Шмай (Польша, Вроцлав)

Исследовательское поле, Тематика, Тип дискурса	Национальный политический дискурс исторически значимых периодов (межвоенное 20-летие, десятилетие после 1989 г.); политическая культура; язык политической пропаганды; публичный дискурс.
Методы, Категории	Реконструкция языковых стратегий агрессии и политического оскорбления.
Целевая Установка	Цель – изучить влияние политической культуры на стратегии языкового поведения. Провести инвентаризацию (упорядочивание) терминов, а также сфер воздействия и манипуляции.

Элеонора Лассан (Литва, Вильнюс)

Название школы и ее представители	Название: Когнитивно-риторический анализ дискурса. Представители: Элеонора Лассан, Алла Диомидова, Виктория Макарова, Юрга Цибульскене, Наталья Слободяник, Довиле Венгалене.
Изучаемые типы дискурсов	Публичный, политический, художественный, песенный, переводческий.
Дисциплины, лингвистические теории, концепции, категории (понятийный аппарат)	Дискурс-исследования, психоанализ, диалогические концепции языка, исследования национально-детерминированного мышления, теория интертекстуальности. Основные понятия и аппарат исследования: идеология, оппозиции ключевых понятий, концептуальные метафоры, концепты, слова-ключи, когнитивное национальное пространство.
Целевая установка	Описать структуры знаний, которыми оперируют говорящие субъекты, показать национальные архетипические концепты, вскрыть возможности манипуляции сознанием адресата, показать действие национального когнитивного пространства и идеологических установок на процесс порождения текста.

Марина Гаврилова (Россия, Санкт- Петербург)

Тематическое и национальное пространство, тип дискурса	Русский политический дискурс.
Лингвистические парадигмы, дисциплинарная принадлежность	Экспансионизм, экспланаторность, антропоцентризм, неофункционализм, когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания.
Целевая установка	(1) Расширить теоретические подходы в рамках когнитивного и дискурсивного направлений к описанию политического дискурса и возможность применить на материале конкретных текстов важного государственного значения современные методы лингвистического анализа с целью выявления когнитивных составляющих политического текста. (2) Интегрировать различные подходы. Представить комплексное комментирование языковых фактов. (3) Дать новые знания о функционировании языка как социального явления. Выявить языковые изменения под влиянием социальных факторов и обратный процесс влияния общественных изменений на развитие языка.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

Школа	Каузально-генетический подход.
Тема **Объект**	Медийный дискурс лоббирования / категориальное содержание МДЛ.
Цель	Выявить категориальное содержание МДЛ и создать обоснованную теорию данного явления.
Методология **Методы** **Процедура**	Эвристическая модель – КГТ; Комплекс исследовательских методов: идентификационно-интерпретативный (собирательный), жанровый, риторический, стилистический, тема-рематический анализ, анализ ЛСП. Процедура анализа: КГТ и обоснованная теория (Страусс, Корбин, Глезер).
Категории	Тематическое (референтное) содержание, кортежное содержание (субъект-субъектное содержание); формы пространственной организации дискурса: линия, система, структура, иерархия.

Томаш Пекот (Польша, Вроцлав)

Онтологические основания	1) гуманистические науки: интерпретационизм и конструкционизм; 2) исследователь: субъективный; 3) действительность: познаваема только через конструкты (дискурс создает действительность); 4) модель коммуникации: нетранзитивная, мультимодальная; 5) модель социальной коммуникации: регулирование отношения власти и знания.
Метазадачи	Критический подход, саморефлексия, социальный.
Объекты исследования	Дискурсы, свойственные отношениям власти, а конкретнее, таким категориям, как пол, возраст, раса, религия, сексуальная ориентация, политические взгляды, физическая внешность и тело, социальная группа, этническое происхождение.
Методика (методы, техники)	Методы, адаптированные к конкретному объекту (предмету) исследования: лингвистический анализ текста, семиотический анализ; фасетный анализ в дискурсе (мой термин), количественные и качественные методы, анкетирование, экспериментальные исследования.

Михал Сарновски (Польша, Вроцлав)

Тематическое пространство (изучаемые явления)	Языковые культурные контакты (русско-польские), русский язык постсоветского периода, устные жанры речи, ссора.
Дисциплины и лингвистические теории (концепции)	Теория содержания, лингвосемиотика; теории коммуникации, социолингвистика, теория речевых актов, теория речевых жанров.
Категории семиотико-лингвистические	Культурная, текстовая и прагматическая трансгрессия (интерференция), когнитивная и концептуальная структура (картина мира), ЛСП.
Категории функциональные	Пространство коммуникации, характеристики (интенциональность), коммуникативная ситуация (интерсубъектность).
Метод	Иерархическая и аксиологическая верификация смыслов, символов и понятий в разных семиотических системах через функциональный анализ их языковых экспонентов.
Целевая установка	Описание типов коммуникативных ситуаций; выявление особенностей функционирования феноменов одной культуры в картине мира другой и взаимовлияния языка и культуры (реконструкция концептуальных и когнитивных структур взаимовлияния).

Вальдемар Жарски (Польша, Вроцлав)

Тематика исследований	Эволюция польского кулинарного дискурса по сравнению с другими странами и культурами. Эволюция и направления развития дискурса литературы практической направленности.
Цели	Интеграция различных исследований текста и дискурса в общественно-культурном русле. Описание коммуникативной ситуации определенного типа. Исследование эволюции понятий и их лексическая репрезентация в языке, механизмы взаимодействия языка и культуры. Реконструкция языкового фрейма определенных семантических явлений, а именно стилистического регистра и жанровых детерминант.
Методы	Лингвистическая генеалогия, прагмалингвистика, языковая и культурная картина мира. Лингвистическая и семиотико-культурная картина мира. Лингвистический и семиотико-культурный анализ текста и дискурса.
Исследовательские категории (аналитические)	Картина мира в языке, тексте, культуре. Эволюция базовых понятий и способов их лексической репрезентации. Коммуникативные стратегии. Культурные детерминанты коммуникативной ситуации. Типология текстов практической направленности.

Мартин Поправа (Польша, Вроцлав)

Исследовательская тематика	Современный публичный дискурс; телевионные дебаты политиков, язык пропаганды, политики, СМИ; идеология в языке.
Исследовательские задачи	Реконструкция коммуникативных стратегий (вербальных и невербальных) воздействующего и манипуляционного характера; инвентаризация воздействующих средств высказывания; анализ различных коммуникативных практик в публичном дискурсе.
Методы	Анализ дискурса и критический анализ дискурса, прагмалингвистика, стилистика, текстология.
Исследовательские категории	Языковая картина мира; коллективная память и социальная самоидентификация, стереотипы; коммуникативные стратегии.

Рафал Зимны (Польша, Быдгощ)

Тематика (объекты исследования)	Дискурсы: рекламный, политико-медийный, медийный, бизнес-дискурс (в планах).
Лингвистические теории Методы Дисциплины	Прагмалингвистика, лингвистическая генеалогия, теория языковой картины мира, риторика, стилистика.
Исследовательские задачи	Реконструкция картин эпизодов реальности в определенных дискурсах, установление и описание специфичных выражений (*фразем* согласно В. Хлэбды) польского политико-медийного дискурса, анализ коммуникативного контекста с точки зрения культуры.
Исследовательские категории	Языковая картина мира и текстовая картина мира, прагматические стереотипы, топик и фразематика, понятийные метафоры, коммуникативные стратегии, жанровое формообразование, коммуникативная ситуация.

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

Ключевые теоретические основания, название школы, представители школы	Семиотико-лингвистическая теория содержания. Обоснованная теория. Каузально-генетическая перспектива, теория; каузально-генетическое моделирование дискурса. Белорусская интегративная интердисциплинарная школа дискурс-иссследований (качественная парадигма). И.Ф. Ухванова-Шмыгова, А.А. Маркович, Е.В. Савич, А.В. Попова, О.М. Калиновская, Я.Р. Зинченко, О.А. Туркина, Л.В. Курчак, Н.А. Кулинка.
Тематический диапазон, типы дискурса	Методологическое и методическое обеспечение изучения различных видов содержания и различных типов дискурса. Политический, дискурс СМИ, дискурс ЭСИ, общественный, религиозный, дискурс деловых переговоров, дискурс консолидации, дискурс конфронтации, дискурс лоббирования, методический дискурс.
Парадигмальная характеристика подхода	Интегративная парадигма, объединяющая позитивистские, интерпретативные, критические, постмодернистские подходы.
Дисциплины	Интердисциплинарность; дискурс-исследования, методология науки, теория коммуникации, теория содержания (семиотика, семиология), качественная социология; дискурсивная психология.
Категории	Дискурс-знание; моделирование содержания (в структурном и функционально-динамическом прочтении) и коммуникативного процесса; включение нового семиотического измерения «кортеж-знаковый кортеж»; категории пространственной организации содержания: иерархия, структура, система, линия.
Целевая установка	Расширить методологический аппарат дискурс-исследований, интегрировать разные подходы; открыть пути получения нового знания о функционировании текстов в обществе и о самом обществе, апробировать предлагаемые подходы.

Алена Попова (Беларусь, Минск)

Школа	Каузально-генетический подход
Тема, Объект	Дискурс элитарных средств информации
Цель	Определить специфику плана содержания текстов элитарных средств информации и тем самым установить основные тенденции содержательной организации текста данного типа изданий.
Методология Методы Процедура	Методологической основой стала каузально-генетическая теория (Всемирная Энциклопедия. Философия 2001), репрезентирующая белорусскую школу дискурс-анализа. Методы логического, лингвистического и дискурсного анализа: индукция, дедукция, абдукция, а также идентификативно-интерпретативный (развивающий тема-рематический анализ), анализ тематических полей, жанровый анализ (в фокусировке на дискурс-категории «открытость-закрытость» текста), метод реконструкции, операционализации, социально-ролевой анализ. Все эти методы являются составляющими двух синтезированных методик: методики реконструкции дискурс-картины мира и методики реконструкции дискурс-картины кортежного взаимодействия.
Категории	Референтное содержание и знаково-референтное содержание, кортежное содержание и знаково-кортежное содержание; формы пространственной организации дискурса: линия, система, структура, иерархия.

3
ДИСКУРС-НАПРАВЛЕНИЯ В ДИДАКТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На этом заседании *круглого стола* участники обсудили педагогический вузовский процесс, проблему обновления содержания новых курсов с учетом развития лингвистических знаний и в частности знаний дискурс-лингвистики (лингвистики дискурса), поделились своим опытом в этом направлении. В данной главе мы предлагаем программы курсов, спецкурсов, а также отдельные фрагменты или модули этих программ с комментариями их авторов (в каких-то случаях более подробными, а в каких-то – минимальными, по усмотрению авторов). Все курсы являются оригинальными, авторскими.

Томаш Пекот (Польша, Вроцлав)
Коммуникология как обучение социальному действию

В 2005 году для студентов-полонистов Института польской филологии Вроцлавского университета была открыта новая специализация – *язык в социальной коммуникации*. В прошлом году название было заменено на *коммуникологию.* В рамках программы по этой специализации студентам предлагаются лекции, семинары и так называемые мастерские (workshops). Программа рассчитана на 300 академических часов (при этом общее количество академических часов на протяжении трех лет обучения в университете – 1800).

Коммуникология является специализацией общелингвистической. Специализироваться в коммуникологии студенты начинают со второго курса. Доступ к курсам по коммуникологии получают студенты второго года обучения, чей средний балл по лингвистическим дисциплинам выше среднего. Несмотря на то, что данная специализация считается одной из самых сложных, она пользуется неизменной популярностью среди студентов (при наборе в 16 человек конкурс составляет 2 студента на место).

Можно сказать, что в основу данной специализации (специальности) заложена одна из первых польских учебных программ, построенная на базе современных наработок наук о коммуникации. Суть подхода – в многофокусном и интердисциплинарном подходах к изучению коммуникации, причем как на межличностном, так и социальном уровнях. Кроме того, студенты обучаются критическому мышлению и, что самое важное, его применению в непосредственной социальной деятельности.

Программа составлена таким образом, чтобы различные формы обучения находились в соответствии с его содержанием. В основе программы ле-

жат концепты и концепции лингвистической науки (модели коммуникации, текст, стили, семантика, прагматика, стилистика).

Занятия разработаны таким образом, чтобы студенты могли активно использовать полученные теоретические знания в исследовательских проектах, выполняемых индивидуально или в группах. Такая образовательная модель позволяет развить коммуникативную компетенцию и компетентность студентов, активизирует их критическую позицию относительно продуктов публичной и массовой коммуникации в реальной жизни. Таким образом, обучение в рамках данной специализации можно назвать *образованием для реализации социально-активной позиции.* В качестве составляющих такого образования являются: *гуманистический подход к социальным проблемам; чувствительность к социальным проблемам; умение распознавать стереотипы, манипуляцию и дискриминацию; и, что важнее всего, умение противостоять их манифестациям.* В этом смысле такая специальность представляет особый интерес для тех, кто видит свою профессиональную стезю в поле публичной коммуникации (в журналистике, образовании, связях с общественностью, политической деятельности, социальных инициативах и т.д.).

Самым ценным в данном курсе, с моей точки зрения, является то, что студенты имеют возможность сразу увидеть приобретенные знания в действии. С одной стороны, они выполняют исследовательские дискурс-аналитические проекты; с другой – они учатся быть социально активными в рамках определенной профессиональной деятельности (журналистов, специалистов по связям с общественностью или активистов антидискриминационных программ и движений). Одна из важнейших позиций специализации «коммуникология» – совмещение теории и практики, а именно дискурс-исследований с позиций критического дискурс-анализа с обучением языку и культуре польских глухонемых. Вот почему на протяжении четырех семестров все студенты данной специализации изучают язык жестов, используемых в Польше.

Сегодня глухонемые подвергаются в Польше, жесткой дискриминации (Польша – одна из последних европейских стран, в которой язык жестов официально не принят). Доступность к их изолированной на данный момент культуре и к материалам о дискриминации глухонемых не оставляют студентов равнодушными и пассивными. Многие из них активно участвуют в продвижении и популяризации культуры глухонемых: организуют конференции, тренинги, мастер-классы по обучению языку жестов, пишут и публикуют в СМИ статьи по данной тематике, помогают в обучении будущих лингвистов-дактилологов.

Завершая мое краткое сообщение, хочу предложить вниманию участников *круглого стола* список (спец)курсов, читаемых в рамках данной учебной программы. Это – (1) Введение в семиотику; (2) Этикет и вежливость в коммуникации; (3) Польский язык жестов: язык глухонемых (языковой курс); (4) Критический анализ материалов СМИ; (5) Идеологии в коммуникации; (6) Субъективность текста/ в тексте; (7) Язык политики и рекламы; (8) Жестокость в социальной коммуникации; (9) (Не)вербальная коммуникация (и язык тела); (10) Фразеология в коммуникации; (11) Конверсационный анализ; (12) Самопрезентация и публичная речь; (13) Функциональные и институциональные тексты.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

Основы межкультурной коммуникации

Наш учебный курс с таким названием разработан по заказу кафедр психологии двух факультетов Белгосуниверситета – факультета философии и социальных наук и социально-гуманитарного факультета. Наша аудитория – первокурсники. Разработчики – преподаватели кафедры английского языка и речевой коммуникации, те, кто имел ранее практический опыт составления и чтения курсов в БГУ и других университетах Беларуси и зарубежья по таким направлениям, как *межкультурная коммуникация, анализ текстов, дискурс-анализ, аргументации, публичная речь, академическое письмо и бизнес-коммуникация*. Собрав под одним крылом специалистов разного профиля, курс стал своего рода зонтиковым, синтезирующим некоторое разнообразие проблем, подходов и методик.

Спецкурс ставит академические и практические цели. Его основная *академическая цель* – дать будущим специалистам определенный диапазон теоретических знаний в области коммуникации в целом и межкультурной коммуникации в частности. *Практическая цель* заключается в развитии у студентов элементарных навыков коммуникации, покрывающих все виды речевой деятельности (как перцептивные, так и продуктивные) в сферах профессионального, академического (в том числе научного) и бытового общения.

Понятие культуры, заявленное в названии, трактуется в рамках спецкурса максимально широко как совокупность «знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных *человеком* как членом общества» (определение Тайлора). С учетом существующих классификаций (Холла и Хофстеде) *мы принимаем уникальность отдельного индивида как носителя многих культур*, что позволяет нам рассматривать любую ситуацию речевого взаимодействия двух или более субъектов (а иногда и автокоммуникацию) как *ситуацию межкультурного общения.*

Структурно спецкурс состоит из 9 модулей, каждый из которых посвящен отдельному аспекту коммуникации, включает теоретическую и практическую части и рассчитан на 10 часов аудиторных занятий (кроме первого модуля, который рассчитан на 4 аудиторных часа). Ниже представляем общий список всех модулей: (1) Кросскультурные особенности восприятия информации: Методы и приемы активного усвоения информации; (2) Основы презентации: общий аспект; (3) Теория коммуникации: аспект содержания; (4) Эффективная коммуникация в контексте кросскультурного взаимодействия; (5) Аргументация; (6) Академическое письмо; (7) Профессиональная презентация: научный доклад; (8) Межкультурная коммуникация в сфере образования; (9) Психологический аспект межкультурной коммуникации.

Каждый из разработанных модулей рассчитан на 10 академических часов, кроме первого, работа с которым укладывается в 4 академических часа. Общий план спецкурса представлен следующим образом:

Вводный модуль 1 знакомит студентов с техниками и методиками запоминания и конспектирования информации; решает в основном прикладные задачи, подготавливая студентов к активному восприятию материала последующих модулей (*4 академических часа).*

В **модуле 2** разбираются составляющие эффективной презентации и инструменты достижения ораторского совершенства. В центре внимания развитие навыков организации и проведения устной презентации. В рамках всего спецкурса данный модуль решает задачу подготовки студентов к активному участию (говорению) в работе над последующими модулями.

Основная задача **модуля 3** – познакомить студентов с базовыми понятиями теории коммуникации и теории содержания с целью развития у них навыков аналитического восприятия коммуникативного продукта. Задача решается через теоретическое ознакомление студентов с основными моделями общения и содержания и через практическое применение методик дискурс-анализа при работе с конкретными текстами.

Основными понятиями **модуля 4** являются: «культура», «межкультурная коммуникация», «коммуникативная и межкультурная компетенции» и «дискурсивная компетентность». Внимание уделяется обсуждению культурных особенностей организации содержания коммуникативного продукта и условий/препятствий формирования межкультурной компетенции.

Ключевые понятия **модуля 5** связаны с изучением речевого взаимодействия. Основное внимание уделено анализу аргументативного дискурса, репрезентирующего речевое общение, его прагмалингвистической, диалектической и дискурсной организации. Задачей модуля является улучшение навыков эффективной речевой коммуникации студентов, что позволит им продуцировать максимально эффективные коммуникативные продукты. Методологической базой модуля являются прагмадиалектическая теория аргументации (*Еемерен, Гроотендорст*) и каузально-генетическая теория (*Ухванова-Шмыгова*).

Модуль 6 ориентирован на обучение правилам письменного академического (научного) дискурса с учетом особенностей оформления научных работ, особенностей построения предложения и абзаца, а также лексических особенностей академического письма в русско- и англоязычных традициях.

В **модуле 7** развивается поднятая предыдущим модулем тема научного дискурса в межкультурном пространстве. Внимание фокусируется на социокультурных особенностях формата устного доклада.

Модуль 8 знакомит студентов с современными тенденциями мирового образования, поднимает вопрос интернационализации образования в рамках Болонского процесса и предлагает обзор международных образовательных программ. В качестве коммуникативных ситуаций в сфере образования рассматриваются ситуации написания CV, рекомендательных писем, мотивационных писем, перевода диплома и заполнения анкеты. Анализируются их содержательные и формальные особенности с учетом взаимодействующих в ситуации культур.

Модуль 9 ориентирован на практическое обучение студентов анализу культур по различным критериям. Теоретической основой модуля стали классифи-

кации Холла и Хофстеде, на основе которых студенты производят самоанализ, пытаясь определить собственную культурную принадлежность. Студенты также анализируют белорусскую культуру в соответствии с основными категориями культуры, знакомятся с невербальными аспектами межкультурной коммуникации. Анализ ситуаций межкультурного общения позволяет студентам в учебной ситуации продемонстрировать уровень владения коммуникативной и межкультурной компетенциями.

Я полагаю, что в рамках проблематики *круглого стола*, особый интерес представляют модули 3 и 5. Остановлюсь подробнее на модуле 3, который я курирую – «**Теория коммуникации: аспект содержания**». Он заявлен в спецкурсе третьим и завершает блок модулей, вводящих студентов в поле коммуникации, основная практическая цель которых заключается в развитии у студентов навыков активного взаимодействия «адресант-адресат» **–** активного слушания и говорения, аналитического/ критического чтения и понимания. В связи с данной целью лекционная форма проведения занятий видится нецелесообразной. Аудиторная работа организуется по принципу «workshop»: обсуждение студентами наводящих вопросов перемежается обобщениями со стороны преподавателя, а общетеоретические выкладки подкрепляются практическими заданиями, большую роль имеет контролируемая самостоятельная работа студентов, результатом которой является заполнение студентами своих «портфолио» (компендиум выполненных заданий).

Коммуникативная компетенция не мыслится нами без осознания того, какие компоненты и какие процессы составляют коммуникацию, понимаемую и как деятельность, и как результат этой деятельности. Соответственно, основным приемом объяснения сложных понятий «коммуникации» и «содержания» было выбрано моделирование.

Первое занятие посвящается рассмотрению *коммуникации как процесса*. Для нас важно проследить историю развития представлений о коммуникации, начиная с бихевиористской идеи и заканчивая социолингвистическими, не отрицая ни один из подходов и придавая содержательную значимость всем выделяемым компонентам коммуникативного процесса. Для обсуждения предлагаются модели Шеннона, Лассвелла, Якобсона, Винера, Бахтина, Лотмана, Барта, Кристевой и др. Список открыт, поскольку ведущая роль в обсуждении принадлежит студентам: именно они абдуктивно называют элементы модели, роль же преподавателя – показать, кем и как эти идеи уже были реализованы. Каждому из элементов модели (ситуация общения, канал, шум, сообщение, код, обратная связь и т.д.) коммуникации дается определение и подчеркивается его содержательный потенциал.

Особое место в обсуждении уделяется социолингвистической модели коммуникативной ситуации (модель Фрейзера, дополненная Карасиком), благодаря которой очевидными становятся такие элементы содержания (содержательные категории) коммуникативного продукта, как (1) участники ситуации (их характеристики: ролевые (социальные отношения, коммуникативные отношения) и индивидуальные (постоянные качества, переменные качества)); (2) условия общения – внутренние (цели общения, средства общения) и внешние (время и место, наблюдатели).

Первая тема модуля завершается практическим заданием на моделирование конкретных коммуникативных ситуаций, их возможных речевых продуктов и эффектов (например, ситуации групповой дискуссии, лекции, театрального представления и др.). В фокусе внимания находится специфическое наполнение как тех элементов модели коммуникации, которые являются общими для всех коммуникативных ситуаций, так и тех элементов, которые характерны только для анализируемой ситуации. Тем самым студенты подготавливаются к восприятию следующей темы модуля.

Второе и третье занятия посвящены *теориям содержания языковых знаков*. Линейно обсуждение строится так, чтобы со всей очевидностью показать студентам единство формы и содержания языковых знаков: сначала слова и высказывания, затем текста, и наконец, дискурса. Последовательно рассматриваются семиотические (Фреге и Пирс), семиологические (Соссюр) и, далее, интегративные модели содержания сложных коммуникативных продуктов с тем, чтобы прийти к идее синтезированного каузально-генетического подхода к моделированию содержания коммуникативного продукта (Ухванова-Шмыгова). Последняя модель необходима в рамках данного курса, поскольку именно в ней произведено разделение на информацию референтного (предметно-деятельностного) и кортежного (субъектно-деяттельностного) планов содержания. Для целевой аудитории курса – студентов отделения психологии – профессионально необходимым является умение снимать кортежную информацию. Каузально-генетическая модель дает понимание того, какое место эта кортежная составляющая занимает в дискурсе и как ее можно реконструировать из текста. В качестве самостоятельной работы студентам предлагается построить когнитивную карту (конспект-«шпаргалку») научной статьи автора каузально-генетической теории содержания, в которой как раз и объясняется сама модель и приводятся примеры ее использования для анализа предложения, текста, дискурса.

Четвертое занятие посвящается исключительно практической работе по *реконструкции содержания дискурса*. В рамках данного модуля мы фокусируем внимание на том, что такое явление как культура проявляет себя в коммуникативном продукте и в его кортежном, и в его референтном видах содержания. Культура является элементом ***картины мира***, транслируемой текстом; культура диктует ***речевое поведение,*** характер коммуникативного взаимодействия. Культура является элементом ***знания*** и влияет на характер ***отношений***, передаваемых текстом; она отражается в ***смысле*** текста и составляет его ***сущность***. Именно эти кластеры содержания, называемые нами *картинами*, становятся объектами реконструкции в рамках той дискурс-аналитической практики, которой мы стремимся научить студентов. И это – картина фрагмента *мира* и картина фрагмента взаимодействия – *кортежного взаимодействия*, картина *знания* и картина *отношения*, картина, несущая *смысл* или смыслы и картина, задающая саму сущность бытия, его самостность.

Отсюда и выбор материала для анализа – народные сказки. Мы предлагаем студентам (в малых группах) по образцу провести анализ народных сказок и реконструировать те культуры (и даже типы цивилизации), которые их со-

здали. Задача студентов – описать ключевые характеристики культур (с привлечением иллюстративного материала из текстов сказок) и назвать их.

Последнее **пятое занятие** – *контрольное*. Студентам предлагается тест на понимание ключевых терминов модуля. Требованием к зачету является наличие «портфолио» с выполненными письменно заданиями к предыдущим занятиям.

Ожидаемым **результатом** от прослушивания данного модуля являются сформированные у студентов (1) ***представления*** о сложности процесса коммуникации и многоплановости феномена содержания и (2) ***навыки аналитического и критического мышления***. Мы стремимся показать студентам, что только аналитический/критический подход, подкрепленный знанием о составных элементах содержания коммуникативного продукта, открывает им путь в *профессионалы*. Более того, умея не только профессионально раскрывать смыслы, подлежащие текстам, дискурсам и людям, но и аналитически подходить к созданию собственных текстов и дискурсов, каждый из них может стать *Мастером*.

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

Текст и реконструкция его содержания в профессиональной деятельности документоведа

Спецкурс разработан для студентов 4 курса специальности «Документоведение и информационное обеспечение управления» исторического факультета (8-й семестр), дневная форма обучения. Распределение часов в 2009/2010 учебном году: лекции – 10 часов; практ. – 16 часов; КСР – 8 часов; консультации, зачет.

Целевая установка. Курс нацелен на то, чтобы: (1) привлечь внимание студентов к проблемам кодирования и декодирования (порождения и понимания) профессиональных текстов с учетом разных профессиональных установок, к проблемам перевода текстов в другие форматы, к проблемам сбора качественной базы данных и ее интерпретации; (2) дать знания студентам о видах содержания, о содержательных категориях, о способах работы с текстовым содержанием, о формах организации текстового пространства; (3) сформировать навыки работы как с малым текстом, так и с большим массивом текстов, а также навыки постановки задач при работе с текстом, организации целенаправленного поиска способов их реализации, навыки презентации результата поисковой работы с текстом.

В основе курса – опыт теоретического осмысления содержания открытых и закрытых текстовых пространств (дискурсов, дискурсий и собственно текстов), представленный в работах семиотического, семиологического и интегративного подходов в парадигме качественного исследовательского поля. В частности, в основе курса – наработки каузально-генетического подхода.

Курс постоянно *обновляется*, с учетом обнаружения новых возможностей теорий, заложенных в нем. Так, в этом учебном году особенно продуктивной

для оптимизации работы студентов в данном курсе оказалась идея Елены Савич о необходимости соотнесения терминологий лингвосемиотического направления и когнитивной лингвистики. Так, эвристическую идею каузально-генетического подхода о необходимости реконструкции содержания с учетом четырех пространственных форм организации содержания дискурса – иерархической, структурной, системной и линейной – Елена Савич предложила рассматривать в контексте реконструкции операциональных категорий каждой, а именно: в контексте *ряда структур* – аксиологической, ментальной, парадигматической и синтагматической. И здесь нет тавтологии: понятие «структура» в своей реализации берет на себя все формы – в нем и идея линейности (составляющие в их линейной последовательности), и структура-дерево, и структура-классификация и структура ряда соподчиненных начал.

Таблица 1

Содержание курса

№	**Лекции**	**Практические занятия**	**КСР**	**Кол-во часов**
1	Введение в терминологию и проблематику спецкурса. Текст как источник различного рода информации. Знакомство с семиотическими, семиологическими, интегративными моделями содержания текста\дискурса.	Понятия *жанр* и *формат*. Устные и письменные жанры академического и профессионального взаимодействия. Построение синтезированной модели взаимодействия в контексте профессионального общения.	Моделирование ситуаций профессионального общения.	4+3+2
2	Методологические основания качественного исследования текстов и дискурс-исследования. Дискурс-категории. Типы. Виды. Классификации. Реконструкция. Операционализация.	Работа в малых группах с текстами по выбору студентов (с учетом их профиля). Заполнение таблиц по *первой группе* дискурс-категорий. Фокус внимания – предметно-тематическое, смысловое, референтное содержание.	Описание таблиц, составление аналитических записок, аннотаций, тезисов.	4+5+3
3		Аналогичная работа с дискурс-категориями *второй группы*; фокус внимания на категории, отражающие и формирующие субъект-субъектное взаимодействие (коммуникативное, кортежное содержание).	Описание таблиц, составление аналитических записок, аннотаций, тезисов.	5+2
4	Обзор новых направлений дискурс-исследований в широком гуманитарном контексте. Перспективы дискурс-исследований в научно-исследовательской работе специалиста-документоведа.	Презентация результатов работы в формате панельных докладов на научных студенческих конференциях.	Тест	2+3+1
Всего	10 (ауд.) часов	16 часов	8 часов	34

Что эта идея дает? Мы видим ее продуктивность в возможности расширить диапазон методических приемов работы с текстом. Так, до настоящего времени мы, *во-первых*, использовали для реконструкции содержания *денотатные, словарные и семантические карты* (успешно применяемые в контексте обучения порождению собственных текстов). *Во-вторых*, нами была разработана идея построения *когнитивных карт*, которые упрощают реконструкцию различных видов содержания из текста (т.е. они наиболее продуктивны для обучения интерпретации, что в дальнейшем облегчает задачу борьбы с плагиатом). Теперь же мы можем предложить технологию составления еще ряда учебных карт. Таковыми могут быть *аксеологические карты* (помогающие реконструировать ценностный потенциал текстов), *парадигматические карты* (отражающие лексико-семантические поля уже не языкового, а речевого пространства) и, наконец, синтагматические или синтактические, развивающие идею *карты-маршрута*.

Марина Гаврилова (Россия, Санкт-Петербург)

Дискурс-анализ в программах учебных курсов для студентов гуманитарных специальностей

Ниже представлены отдельные фрагменты программ учебных курсов (цели, задачи, компетентностные характеристики, самостоятельная работа), предназначенных для студентов гуманитарных специальностей «связи с общественностью», «политология», журналистика». В программах полностью или частично используются междисциплинарные методики анализа политического текста, в частности методика дискурс-анализа.

Мы предлагаем посмотреть на четыре наших курса:

- Политический дискурс: методы и результаты исследований;
- Политическая коммуникация XX века;
- Основы теории коммуникации;
- Этнокультурные коммуникации.

Ниже мы представляем наш материал и комментарии с акцентом на тематические и методические фокусировки, а также дидактические цели и задачи.

Курс «Политический дискурс: методы и результаты исследований». Курс посвящен изучению политического дискурса как объекта междисциплинарного исследования.

Цели и задачи курса. Цель – сформировать у студентов базовые навыки прикладной аналитики с применением различных методов и методик изучения политического дискурса. Задачи – научить студентов определять цели специальных исследований и использовать для их осуществления методы изученных наук; познакомить студентов с основными подходами к прикладному изучению политического дискурса; представить возможности применения междисциплинарных методов в профессиональной деятельности; развить навыки самостоятельной исследовательской работы с текстовой информацией и подготовки аналитических заключений.

Тематическая и методическая фокусировки. Компетентностными характеристиками в освоении данного спецкурса следует считать: 1) умение применять различные методики научного анализа общественно-политических текстов в практической деятельности специалиста; 2) умение на основе полученных знаний оптимизировать речевое воздействие публичного текста; 3) способность проводить лингвистический мониторинг общественного сознания; 4) умение оценивать и прогнозировать развитие ситуации в краткосрочной и среднесрочной перспективах на основе анализа текстовой информации.

С целью развития навыков самостоятельного применения различных техник анализа общественно-политических текстов студентам предлагается выполнить следующие практические работы: обнаружить механизмы использования языка как инструмента социальной власти в выступлениях политиков; провести мотивационный анализ политического текста; провести интент-анализ текста; определить языковые значения концептуальной переменной; выявить метафоры в выступлении политиков и определить ее функции; составить когнитивную карту общественно-политического текста; провести свободный ассоциативный эксперимент; определить способы искажения истины в выступлениях политиков.

Курс «Политическая коммуникация XX века». Курс посвящен изучению дискурсивных особенностей русской политической коммуникации в конкретные исторические периоды развития страны и дискурсивных особенностей речевого поведения российских и зарубежных глав государства.

Цели и задачи курса. Цель изучения дисциплины: познакомить студентов с особенностями институционального дискурса, показать взаимосвязь языка и общества, представить механизмы воздействия семиотических систем на общественное сознание. Задачи курса – расширить границы исторического знания студентов через рассмотрение политического текста в социокультурном контексте, познакомить студентов с особенностями речевого поведения политика, показать историческое развитие речевого образа главы государства, повысить уровень политической и риторической культуры студентов, способствовать развитию коммуникативной компетентности студентов.

Тематическая и методическая фокусировки. Компетентностными характеристиками в освоении данного курса следует считать: 1) умение использовать средства речевого воздействия в профессиональной деятельности; 2) умение оценивать эффективность публичного выступления; 3) умение анализировать жанры публичной коммуникации в исторической перспективе; 4) умение на основе полученных знаний оптимизировать речевое воздействие текста.

Студентам предлагается провести сравнительный анализ художественного и политического текстов, описать речевой портрет политика, выявить особенности системы аргументации в выступлении политика, представить риторический образец политической речи, определить жанр политического текста, определить жанр президентской риторики, провести сопоставительный анализ речей главы государства, обнаружить речевые особенности парламентских дебатов, написать тест, проверяющий умение определять авторство политической речи.

Курс «Основы теории коммуникации». Цель – знакомство студентов с правилами проведения и сферами прикладного применения различных методов и методик изучения массовой коммуникации, что отвечает требованиям компетентностного подхода, усиливает собственно практико-ориентированность образования, его прагматический, предметно-профессиональный аспект обучения.

Тематическая и методическая фокусировки. Изучая массовую коммуникацию, студенты знакомятся (в том числе) а) с основными теоретическими подходами к эффективности воздействия массовой коммуникации на общественное мнение; б) методологическими подходами к изучению массовой коммуникации; в) коммуникативной матрицей (событие – медиа-событие – медиа-текст); г) когнитивной схемой описания коммуникативного события в СМИ (Т. ван Дейк); д) отечественным и зарубежным опытом дискурс-анализа текстов СМИ; е) критическим дискурс-анализом.

Формой контроля усвоения данного материала является проведение студентами дискурс-анализа новостного сообщения.

Курс «Этнокультурные коммуникации». ***Цели и задачи*.** Цель – развить способность к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах для успешного межличностного общения, познакомить с методиками выявления идеологических (в том числе националистических) представлений автора.

Тематическая и методическая фокусировки. Изучая тему «Виды отношения к межкультурным различиям», студенты знакомятся, в том числе, а) с работами «критических» лингвистов о роли дискурса в воспроизводстве национальных различий и этнического неравенства; б) понятием «критического диалога» Ю. Хабермаса. Формой контроля усвоения данного материала является выявление в текстах СМИ семантических шагов, отрицательно представляющих «Другого».

Дорота Бжозовска (Польша, Ополе)

Анализ дискурса: обзор академических программ

В университете в г. Ополе на специальностях «польская филология» и «культурология» вопросы, касающиеся дискурса, входят в учебную программу с конца 90-х гг. XX века. В последние годы в магистратуре введен отдельный предмет под названием «Дискурс-анализ». Ранее элементы исследования дискурса присутствовали в бакалавриате и магистратуре в контексте многих предметов, обязательных и факультативных, как например: *основы прагматики, стилистика текста, лингвистика текста, язык в действии, методология лингвистических исследований, культурная коммуникация, общее языкознание, языковая картина мира* и т.д. Кроме того, на всех уровнях обучения, в том числе на уровне аспирантуры (со времени ее введения в 1995 г.) и докторантуры, успешно защищаются научные проекты, посвященные исследованию дискурса. Последними такими работами стали:

- **дипломные работы** Томаша Скотака (2009) «Феномен социальных порталов», Александры Выжгол (2009) «Способы создания идола в СМИ»,

Изабеллы Сюбяк (2009) «Коммуникативная роль фотографии на примере снимков современных польских феминисток», Катажины Магера (2009) «Мода и ее механизмы. Анализ функционирования на рынке популярных брендов»;

- **магистрантские работы** Юстыны Качмарчык (2007) «Язык и стиль фельетонов Кинги Дунин», Александры Бабиньской (2007) «Жанровый образец предложения о работе»;
- **кандидатские диссертации** Лешека Шиманьского (2009) «Язык интернетного чата. Практическое изучение», Моники Орловской-Павлик (2009) «Коммуникативные стратегии во время поиска работы»; Анджея Ружицкого (2007) «Виртуальные дискурсы: анализ интернет-сообществ (коммуникативный аспект)», Артура Матковского (2006) «Спорт и язык современного польского общественного дискурса», Катажины Молек-Казаковской (2006) «Дискурсивные показатели идеологии контркультуры на примере стихов Алена Гинсберга»;
- **докторские диссертации** Иоланты Ноцонь (2009) «Школьный учебник в дидактическом дискурсе – традиция и новшество», Рышарда Вольного (2004) «Крик над бездной: Дискурс власти в поэзии Роберта Браунинга и Алгернона Чарльза Суинбруна».

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Представление своих авторских программ и знакомство с тем, как сегодня знание и опыт различных дискурс-аналитических практик используются в академической среде, оказалось еще одним шагом к более глубокому пониманию того, что сегодня может предложить студенту-гуманитарию и молодому ученому, специализирующемуся в гуманистике, современная *наука о дискурсе*. Важно и то, что мы рассмотрели эти предложения в контексте их актуальности для развития нашего общества в интеллектуальном и социальном планах.

Мы полагаем, что здесь мы сделали также и шаг навстречу в контексте университетского сотрудничества в области дальнейшего совершенствования современных учебных программ, возможного обмена мастер-классами и учебными курсами.

4
ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ

Последняя (четвертая) сессия нашего *круглого стола* была посвящена «постерному» академическому общению (стендовые доклады) и ее проводили студенты и аспиранты из университетов – участников *круглого стола*, а именно из БГУ и Вроцлавского университета. Из нашего опыта научного общения можно сказать, что практика *постерного* взаимодействия является относительно редкой формой общения в академической среде, о чем мы сожалеем, ибо участники такой формы взаимодействия – а это главным образом молодые ученые – имеют возможность проверить и развить базовые навыки и компетенции исследователя. Они учатся тому, как представлять результаты исследования в вербальной и визуальной формах, постепенно переходить от анализа к синтезу, свободно выражать свое мнение и эффективно реагировать на аргументы, которые выдвигаются аудиторией, знакомящейся с материалами постеров. При этом есть еще один плюс данного исследовательского инструмента: постерная сессия не вызывает стресса, который обычно сопровождает процессы подготовки и презентации своего материала. И это особенно важно на самых ранних этапах научной карьеры. Вместо того чтобы испытывать стресс, молодые ученые приобретают уверенность в общении с более опытными коллегами.

Данная часть книги включает в себя материалы, подготовленные студентами третьего курса БГУ и аспирантами Вроцлавского университета специально для этой «постерной сессии». Работы, выполненные молодыми исследователями, являются лучшим тестом для любой научной дисциплины, и дискурс-анализ здесь не исключение.

Маргарет Охиа (Польша, Вроцлав)

Расистские структуры (на примере случаев Фестона и Веслава)

Введение. В данной статье речь пойдет о том, как с помощью критического анализа можно обнаружить проявление «нового варианта расизма» [1], который значительно отличается от традиционного понимания этого явления. «Новый расизм» скрыт в действиях членов доминантной группы; он не выражается открыто и, таким образом, является идеальным объектом для дискурс-анализа. Социально-когнитивная система расистского дискурса позволяет нам обнаружить дискриминационные стратегии, которые функционируют на различных уровнях коммуникации (микро и макро) и направлены на представителей разных рас. Их анализ может быть успешно осуществлен с по-

мощью критического изучения структур дискурса, в частности, расистских структур.

Структуры дискурса. Ключевые инструменты для анализа текста представлены ниже в схеме, основанной на теории структур дискурса Тойн ван Дейка [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Структуры текста, свидетельствующие о предрассудках членов доминантной группы, связаны с социальными и когнитивными компонентами расистской системы. Эта взаимосвязь показывает, что убеждения людей лежат в основе неолиберальной трактовки политической корректности. Статьи, которые я выбрала для анализа, были опубликованы соответственно не в радикальной правой прессе, а в тех печатных изданиях, которые разделяют либеральные и левые взгляды. Это объясняет тот факт, что семантическое развитие выражено в них не прямо, а завуалировано, символически.

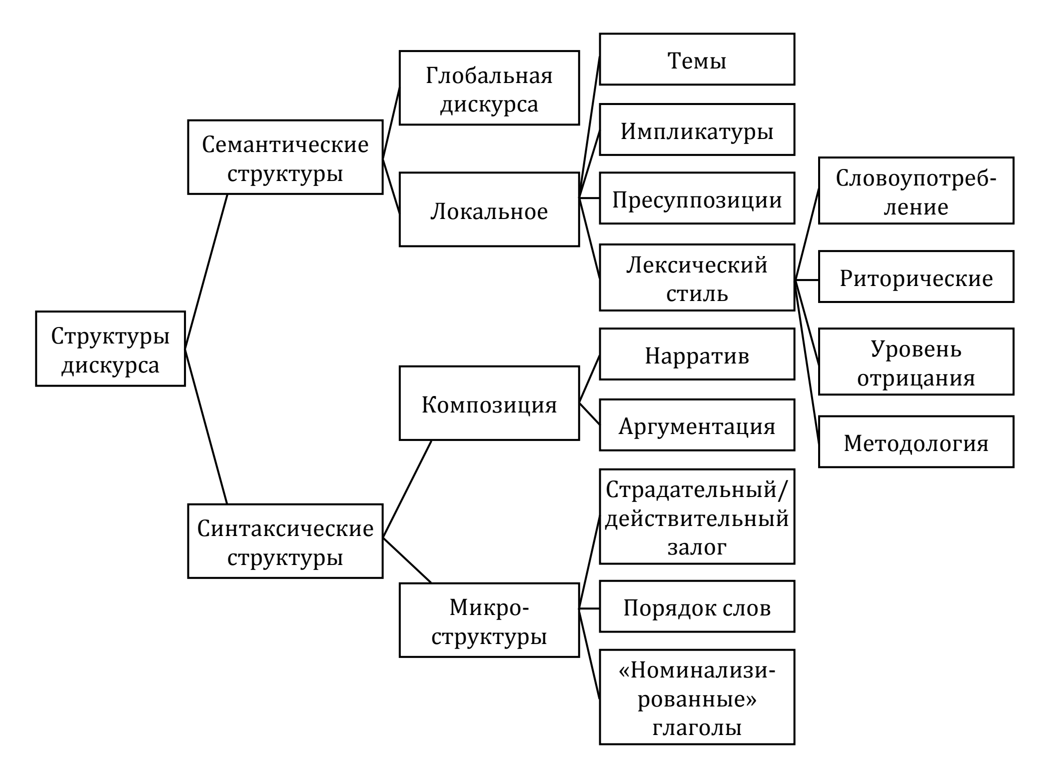

Схема структур дискурса

Случай Фестона и Веслава. Для иллюстрации вышесказанного проведем анализ двух статей, где акторами являются ВИЧ-позитивные мужчины разного цвета кожи, которые в прошлом имели сексуальные контакты, однако оба об этом умалчивали, оставляя партнеров в неведении. Первая статья напечатана в британском журнале «Independent» (история Фестона), вторая – в польской газете «Rzeczpospolita» (история Веслава).

Фестон. Ниже представлены отрывки из журнальной статьи, описывающей случай темнокожего актора.

(1) **’Sexual predator’ who infected women with HIV** starts 10-year jail term.
(2) **An African asylum-seeker who infected three women with HIV by having unprotected sex with them despite knowing he had the virus** started a 10-year prison sentence today.
(3) **Feston Konzani, 28, a musician, was charged** with inflicting grievous bodily harm on the three women, aged between 15 and 27, between 2000 and 2003 in Middlesbrough.
(4) **Police have labelled him** a „sexual predator" and the trial judge at Teeside Crown Court said it was the worst case of GBH imaginable.
(5) Konzani's victims included a 15-year-old virgin he kept prisoner at his home in Middlesbrough, a 27-year-old African student who had a child by him and a 26-year-old voluntary worker. **The African woman was standing by Konzani and professed her love for him in a letter read in court. The letter said: „I love you and cherish you. I am still there for you and together we will stand strong. I am always yours**"[1].

Использование семантической структуры, выражающей отклонение от общепринятых норм поведения, часто появляется в заголовках и подзаголовках. Так, автор текста (1) употребляет негативный риторический прием – метафору «сексуальный хищник»[2]. Фестон подается как злостный преступник, виновность которого не подвергается сомнению и который заслуживает высшей меры наказания. Черты, приписываемые Фестону, указывают на такие преступления, как педофилия и изнасилование, что, однако, выходит за пределы предъявленного ему судебного обвинения. Использование метафоры открывает возможности для более широкой интерпретации и нуждается в пояснении: «хищник» – пришелец из космоса, существо из другого мира, которое охотится за (нашими) женщинами. Автор использовал кавычки для того, чтобы явно обозначить дистанцию. Тем не менее, кроме этой метафоры в качестве фиксированной риторической фигуры в последующей части статьи используется выражение «*полиция окрестила его*» (4). Таким образом, данную информацию мы можем интерпретировать как буквальную социополитическую легитимизацию расистской структуры.

Название (1) анализируемого текста обращает нас к выражению глобальной согласованности текста, то есть семантической микроструктуре, а именно «*Сексуальный хищник», который заражал женщин ВИЧ, начал отбывать 10-летний тюремный срок*». В свою очередь, подзаголовок (2) включает риторическое повторение информации из названия статьи. Несмотря на оценочный термин в предыдущем предложении, используется еще одно выражение, указывающее на категорию инаковости – *африканский беженец*, что является распространенным способом установления контраста между (белыми) Нами и (темнокожими) Другими. Эта структура может также сигнализировать о неравенстве[3] членов группы с темным цветом кожи [6]. Отметим, что повторяется (и детализируется) не только информация из заголовка. Эта информация может быть снята и в качестве семантического параллелизма между хищным пришельцем и африканским иммигрантом, что, таким образом, подразумевает синонимичность выражений *сексуальный хищник* и *африканский беженец*.

[1] Independent 15/04/2004, URL: http://www.independent.co.uk/news/uk/crime/sexual-predator-whoinfected-women-with-hiv-starts-10year-jail-term-563498.html [01.04.2009]

[2] Основано на аргументации социоэкономической ситуации, относящейся к эмигрантам и культурным различиям, возникающими с связи присутствием групп меньшинств.

[3] Он был назван так в одном из польских таблоидов ("Super Express"), URL: http://www.se.pl/wydarzenia/kronika-kryminalna/zaraza-hiv-em-w-caej-polsce_77552.html

Использование неопределенного артикля (*an)* по отношению к «*африканскому беженцу»* подразумевает, что любой африканский иммигрант мог бы так себя вести. Следовательно, читатель может подумать, что это негативное действие может быть отнесено ко всем членам темнокожей группы.

И, наконец, в абзаце (3) цитируется личная информация о Фестоне. Следовательно, мы можем предположить, что тот факт, что он африканец, более важен для представления о нем, чем его индивидуальные особенности. Несмотря на фамилию, возраст и профессию, Фестон описывается в терминах инаковости и хищничества. Из этого я делаю вывод, что автор прямо использует схему постколониального дискурса, которая делит мир на темнокожую Африку и белую не-Африку.

В дополнение в предложении используется одна из основных синтаксических структур – страдательный залог, что позволяет избежать прямой ответсвенности за действия. Таким образом, в этом описании Фестон является синтаксическим *субъектом* предложения (*Фестон был обвинен* и, следовательно, оказывается в первой позиции), а не *объектом* (как в предложении: *Судья обвинил Фестона*). Более того, в этой части статьи используется также такая семантическая структура, как интенсивная метафора (гипербола): *тяжкие телесные повреждения.*

В следующем абзаце (4) используется еще одна характерная стратегия презентации негативных событий членов групп этнических меньшинств – выражение мнения представителей структур власти (*полиция окрестила его, судья сказал*). Автор текста, таким образом, используя косвенную речь, скрывает часть мнения, выбирая высказывания, которые пытаются создать впечатление, что это единственные слова (*сексуальный хищник, самый худший случай из возможных случаев*), которые сказали полиция или судья. Таким образом, я предполагаю, что такими структурами (прямой и косвенной речью) проводится стратегия дистанцирования от ярлыков, которые используюся доминантной группой.

Еще одно интересное (coherent) лексическое средство содержится в последнем абзаце (5) текста; предполагается, что оно «играет важную роль в дискурсе и коммуникации … и позволяет передавать значения, которые не выражены в тексте буквально» [3, с. 109]. В этом примере одна из жертв (африканская женщина) подается как действительно влюбленная в Фестона. Такая подача материала свидетельствует о своего рода сочетаемости таких явлений, как африканская женщина (жертва) и Фестон (хищник). То есть имплицитно зарождается значение противопоставления *африканской солидарности,* основанной на наивных эмоциях, европейской судебной системе, основанной на здравом смысле.

Веслав. Мы обращаемся ко второй статье как к материалу для **с**равнения фрагментов печатных СМИ с целью показать общую стратегию презентации групп “Мы”–“Они”. Итак, рассмотрим фрагмент статьи о Веславе, белом “негодяе” (lowlife[1]), имеющем сексуальные контакты с женщинами, скрывая при этом факт, что он заражен ВИЧ-инфекцией. Выделенные части являются самыми важными для сравнительного анализа:

(1) Takie zachowanie może świadczyć o **głębokiej patologii**. Należałoby dokładnie się dowiedzieć, **co się zdarzyło w jego życiu**. Może chciał się zemścić za **doznane urazy psychicz-**

[1] RP 4/10/2008 URL: http://www.rp.pl/artykul/21,214330.html [02.04.2009]

ne albo jest **pozbawiony wyobraźni? – zastanawia się Marcin Drewniak z krakowskiego Centrum Profilaktyki i Edukacji Społecznej Parasol**.
(2) Jego życiorys sugeruje odchylenia od norm społecznych, wynikających z **błędów wychowania** lub z **osobowości psychopatycznej**. Widać, że **nie czuje sensu norm moralnych i życia społecznego**. Interesuje go tylko własny los – dodaje prof. Zbigniew Nęcki, psycholog z Uniwersytetu Jagiellońskiego. – To jest wielki problem naszego społeczeństwa: jak chronić się przed takimi psychopatami.

Сравнение этого фрагмента текста с предыдущим дает основания для утверждения, что существует тенденция описывать действия членов социальной группы противоположным образом. Так, в то время как непохожесть (инаковость) Фестона подчеркивается почти в каждом абзаце и становится средством объяснения его поведения, Веслав описывается как единичный случай в своей социальной группе. С помощью использования отдельных смысловых приемов, таких как импликатура и пресуппозиция, а также гипербола, метафора и негативная лексикализация, Веслав представлен как “белая ворона” в польском обществе. Он – исключение, он оказывается за пределами того, что есть социальная норма. И вот тут он попадает в поле зрения экспертов. Однако в отличие от случая с Фестоном, здесь точка зрения экспертов подается с использованием прямой речи. Интересно, что социальный статус экспертов, рассматривающих случай Веслава, относительно более нейтрален, чем в первом случае (в случае Веслава в качестве эксперта выступает психолог, член социальной службы).

Заключение. Проделанный анализ дает основания предположить о наличии в печатных СМИ глобальной коммуникативной стратегии позиционирования героев своих материалов по отношению к доминантной группе (в терминах *принадлежности* или не *принадлежности* к ней). В этой связи существует большая вероятность того, что люди из группы большинства (“мы”), ведущие себя негативно, вероятно, будут репрезентированы в терминах патологии, исключительности и денатурализации, в то время как негативные черты и негативное поведение людей из группы меньшинства (“они”) будут представляться этими же СМИ как естественные и универсальные для этой группы. Критический анализ позволил нам констатировать наличие таких контрастивных методов презентации в изданиях одной политической направленности. Отсюда мы делаем еще один вывод о том, что расистские структуры можно обнаружить в процессе реконструкции ключевых идей текстов в их социополитическом и культурном контекстах.

1. *Barker M.* The New Racism, Junction Books. London, 1981.
2. *Van Dijk T.A.* Discourse and inequality. Conference of the International Communication Association (ICA). Dublin, 1990.
3. *Van Dijk T.A.* Analyzing racism through discourse analysis. Some methodological reflections // Race and ethnicity in Research Methods / J. Stanfield (ed.). Sage: Newbury Park, 1993. P. 92–134.
4. *Van Dijk T.A.* Ideological discourse analysis. The Special Edition: “Interdisciplinary approaches to Discourse Analysis” / E. Ventola, A. Solin (red.). University of Helsinki. 1995. № 4. P. 135–161.
5. *Van Dijk T.A.* Elite discourse and the reproduction of racism // Hate Speech / R. K. Slayden & D. Slayden (eds.). Sage: Newbury Park, 1995. P. 1–27.
6. *Van Dijk T.A.* New(s) Racism: A discourse analytical approach // Ethnic Minorities and the Media / S. Cottle (ed.). UK: Open University Press, Milton Keynes, 2000.
7. *Van Dijk T.A.* Discourse and racism // The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies / D. Goldberg, J. Solomos (eds.). Blackwell, Oxford, 2002. P. 145–159.

Гжегож Зажечны (Польша, Вроцлав)

Проблемы при переводе международных новостей: случай Латвии в польских СМИ

Введение. Как утверждают Е. Бельса и С. Басснетт [2, с. 2], «такие области знания, как исследования вопросов глобализации, исследования СМИ, социология и теория перевода, во многом пересекаются, но до сих пор ученые не начали вместе исследовать сферы своих общих интересов. Проблема глобальных информационных потоков связана со способами, которыми СМИ конструируют информационные материалы. Трансляция этих материалов часто включает не только пересечение пространственных границ, но также языковых и культурных». В рамках одного естественного языка текст новостей рассматривается как конечный продукт сложного коммуникативного события (дискурса). В этом продукте сохраняются структуры дискурса и правила, которые свидетельствуют о наличии специфических стратегий передачи-получения информации (например, сознательная манипуляция информацией в процессе текстопорождения) [4, 3, 8, 7]. Общую модель коммуникативного процесса в новостных СМИ описал Т. Пекот [8, с. 107–108]:

> (1) в рамках определенной **культурной среды** (2) и при определенных **социальных** условиях (3) некто (человек, институт) видит **события** (4), **выбирает и интерпретирует** их (5) для **распространения** (6) с помощью доступных **языковых ресурсов** (7) с определенными **намерениями** (8) и в определенной **форме** (9). **Адресат читает и интерпретирует этот текст** (10) благодаря своим навыкам и умениям (11), принимая во внимание свои **потребности и ожидания** (12), также используя свои **знания о мире** и **индивидуальный опыт** (13) и знание фактов, полученных из **других источников** (14). В результате в сознании адресата возникает **ментальный образ событий**, описанных в тексте.

В мире международных новостных агентств этот продукт коммуникативного события становится частью другого процесса – перевода, но с «фокусом не на лингвистическом переводе, а, скорее, на переносе информации в формат, удовлетворяющий потребностям целевой читательской аудитории» [2, с. 132]. Конечно, «читатель оригинала и читатель перевода принадлежат к разным языковым и культурным сообществам, соответственно, у них нет одинакового опыта, который является частью фоновых знаний и лежит в основе толкования прочитанного, они разделены культурными кодами» [9, с. 5]. Более того, манипулятивная сущность перевода может способствовать трансляции (усиливать или опровергать) особых отношений неравенства в социальных практиках. На конечную форму перевода каждой новости оказывают влияние несколько факторов. В нашем случае важнейшими являются постколониальные отношения [10, 1, 6] и идеология [5].

Отдельный исследовательский проект (case-study). Существуют две версии (*Текст А* и *Текст С*) новостного сообщения, опубликованного на английском языке русским агентством новостей «*РИА Новости*», и один польский перевод этого новостного сообщения (*Текст В*), опубликованного в электронном издании газеты «*Дзенник*».

Текст А, вышедший в печать в 17 час. 26 мин., рассказывает о намерении поставить памятник в честь немецких солдат на месте бывшего концентрационного лагеря.

TEKST A (2) **Latvia builds monument to German soldiers at former death camp** (4) RIGA, September 25 (RIA Novosti) - Work on a monument to German soldiers who died in WWII is underway at the site of a former death camp in the small Latvian city of Salaspils, the Salaspils Vestis paper said on Thursday. (5) The city of Salaspils, located 18 km (11 miles) to the southeast of Latvia's capital Riga, was home to the WWII Stalag-350-s camp for Soviet prisoners of war. (6) The newspaper said that the construction of the monument was being financed by the administration of the German city of Bremen. (7) According to documents presented at the Nuremberg Trials, over 100,000 people, including children, were killed at the Nazi death camp. Torture and 'medical experiments' were common. (8) Galina Mushtavinskaya, an activist from a pro-Russian movement in Latvia, said that surviving Salaspils death camp inmates regard the monument as "an outrage" and "an insult". (10) A Soviet monument to the dead was unveiled at the camp in 1967. (13) Russia has repeatedly drawn the EU's attention to what it calls Estonia and Latvia's attempts to glorify Nazi Germany. It has also spoken out against their "discriminatory policies" with regard to ethnic Russians resident in the two former Soviet republics. (14) In spring of this year, Riga hosted a march by Waffen SS veterans, which involved over 200 Latvian Legion veterans and their supporters. The march passed through Riga under tight police security, and commemorated Latvians who had fought for the Nazis during WWII.

Затем этот текст переводится и публикуется по-польски – *Текст В* (вышел в печать в 18 час. 51 мин.)

TEKST B (1) **Kontrowersyjna decyzja łotewskich władz** (2) **W dawnym obozie postawią pomnik hitlerowcom** (4) Co można postawić w miejscu niemieckiego obozu zagłady? Władze łotewskie twierdzą, że najlepiej stworzyć tam pomnik żołnierzy... niemieckich, którzy zginęli w czasie II wojny światowej. (6) Prace w miasteczku Salaspils sfinansują władze niemieckiej Bremy. (8) „Dla tych, którzy przeżyli obóz zagłady w Salaspils ta decyzja to jeden wielki skandal" - krytykuje władze, w rosyjskiej agencji „Ria Novosti" Galina Musztawińskaja z rosyjskiej mniejszości na Łotwie. Bo nikt nie może zrozumieć dlaczego, za niemieckie pieniądze, na terenie dawnego obozu, tuż obok pomnika ofiar zagłady, stanie pomnik poświęcony ich katom. (9) W obozie w Salaspils, który początkowo był tylko obozem dla sowieckich jeńców wojennych, Niemcy zamordowali aż sto tysięcy ludzi. Hitlerowscy naukowcy przeprowadzali w nim, także na dzieciach, okrutne eksperymenty medyczne. (14) To nie pierwsza kontrowersyjna decyzja łotewskich władz. W marcu, przez Rygę przemaszerowało ponad dwustu weteranów łotewskich oddziałów SS, składając hołd swym kompanom, którzy zginęli walcząc ramię w ramię z hitlerowcami.

Далее на сайте «РИА Новости» в 20 час. 50 мин. появляется *Текст С* как дополнение к *Тексту А*; в котором сравнительно менее значимый фрагмент А10 заменен на элементы С11-12, которые одновременно объясняют и завершают случай. В польской версии эта информация до настоящего времени не обновлялась.

TEKST C (2) **Latvia builds monument to German soldiers at former death camp** (4) RIGA, September 25 (RIA Novosti) - Work on a monument to German soldiers who died in WWII is underway at the site of a former death camp in the small Latvian city of Salaspils, the Salaspils Vestis paper said on Thursday. (5) The city of Salaspils, located 18 km (11 miles) to the southeast of Latvia's capital Riga, was home to the WWII Stalag-350-s camp for Soviet prisoners of war. (6) The newspaper said that the construction of the monument was being financed by the administration of the German city of Bremen. (7) According to documents

presented at the Nuremberg Trials, over 100,000 people, including children, were killed at the Nazi death camp. Torture and 'medical experiments' were common. (8) Galina Mushtavinskaya, an activist from a pro-Russian movement in Latvia, said that surviving Salaspils death camp inmates regard the monument as "an outrage" and "an insult". (11) Juris Vrublevskis, the director of the Salaspils memorial camp, denied however that a monument was being built to commemorate German soldiers. (12) "No one is going to erect a monument to German soldiers on the territory of the former death camp," he said. "Work is currently underway near the Salaspils memorial to landscape a cemetery containing 256 German soldiers who perished after the war in a Soviet camp for German prisoners of war located in the same place." (13) Russia has repeatedly drawn the EU's attention to what it calls Estonia and Latvia's attempts to glorify Nazi Germany. It has also spoken out against their "discriminatory policies" with regard to ethnic Russians resident in the two former Soviet republics. (14) In spring of this year, Riga hosted a march by Waffen SS veterans, which involved over 200 Latvian Legion veterans and their supporters. The march passed through Riga under tight police security, and commemorated Latvians who had fought for the Nazis during WWII.

Постколониальные отношения в новостном сообщении. *Текст С* является окончательной версией *новости*, посвященной памятнику немецким солдатам, которая была представлена агентством «РИА новости». Неизвестно, существует ли первоначальная версия этой новости на русском языке, но очевидно – на основании закрепленных в дискурсе стратегий передачи, "подсказывающих" предпочтительное понимание, мы можем утверждать, что эта информация, независимо от формы (англоязычной и неправильно сбалансированной), выражает российскую, антилатвийскую точку зрения. Какой бы ни был текст новости с точки зрения формального перевода, он должен быть организован так, чтобы отвечать потребностям и ожиданиям целевой аудитории, а затем подвергнут полной адаптации «одомашниванию» [10]. Однако все это не изменяет факта, свидетельствующего о том, что идеологические вопросы, находящиеся у основания данного текста, могут указывать на источник точки зрения [2, с. 10]. В обсуждаемом новостном сообщении на уровне глобальной организации текста этому служат определенные параметры (несмотря на сбалансирование всей информации латвийским опровержением). Важнейшие элементы новостного текста остаются неизменными: заголовок (С2) и *лид* (введение к статье) (С7), которые выражают российскую точку зрения. Такой же важной является оппозиция (она выстраивается в тексте новости практически последовательно) между участниками события – нациями/странами, основные признаки которых прямо выражены в тексте.

Таблица 2

Признаки оппозиционных стран в анализируемом новостном сообщении

	Аспекты	**Эстония**	**Латвия**	**Германия**	**Россия**	**СССР**	
Прошлое	моральный			жертва		палач	С12
			(палач)	палач		жертва	С5
	правовой		(преступник)	преступник		пострадавший	С7
	иерархический		подчиненный	руководящий			С14

Окончание табл. 2

	Аспекты	Эстония	Латвия	Германия	Россия	СССР	
Настоящее	иерархический		подчиненный	руководящий			C6
	правовой	дискриминирующий			дискриминируемый		C13
	моральный	пронацистский			антинацистский		C13

Россия (а исторически и Советский Союз) представлена позитивно в моральном и правовом аспектах. Общая картина Латвии представлена с помощью нескольких операций. Самая важная из них – это установление субординационных отношений (негативных самих по себе) по отношению к Германии. В результате, хотя историческим антитезисом советских *жертв лагерей военнопленных* (моральный аспект) и *победителей Нюрнбергского процесса* (правовой аспект) является национал-социалистическая Германия, метонимические отношения дают возможность приписать эти свойства «подчиненной» Латвии. Правовая и моральная оценка (практики дискриминации и пронацизма) настоящего Латвии (также как и Эстонии) представлены только с точки зрения России. Такая субъективность выражена прямо, хотя в качестве уравновешивающего элемента (который относится исключительно к моральному аспекту настоящего) может выступать только дополнительная информация в *Тексте С* (по сравнению с *Текстом А*) – высказывание управляющего музеем в Саласпилсе (С12). Проблема заключается в том, что вводится противоречивая оценка господствующего мнения, которое относится к историческому моральному аспекту немецко-советских отношений, и таким образом оно (мнение) может быть парадоксально интерпретировано как подтверждение пронацистского характера современной Латвии.

Интерпретация идеологии. *Текст В* – это польско-язычная версия первого новостного сообщения, опубликованного агентством «*РИА Новости*». Насколько оригинал имел полностью пророссийскую направленность (и одновременно антилатвийскую) неизвестно и здесь польский переводчик столкнулся со сложной задачей. Привлекательность сообщения (с одной стороны, – сложное и вызывающее сильные эмоции событие: прославление нацизма, с другой стороны, – абсурдные события: сострадание палачу, а не жертвам в месте их гибели) для польского читателя могла бы значительно снизиться, если бы он встретился с его оригинальной формой. В наихудшей ситуации текст мог бы быть истолкован противоположным образом, и для этого есть, по меньшей мере, несколько причин:

- ***одинаковый исторический контекст***: Латвия, как и Польша, принадлежит к странам, пережившим тоталитаризм не только со стороны нацистов, но и со стороны коммунистов;
- ***одинаковый геополитический контекст***: Латвия, как и Польша, принадлежит к странам, которые Россия воспринимает как сферу своего влияния и которую хочет контролировать по государственным соображениям;
- ***антироссийские стереотипы и предрассудки***: несмотря на вышеупомянутое (так же, как и множество разных противоречивых позиций и убеждений) в Польше существует глубоко укорененное негативное суждение, касающееся российского народа и его страны.

В этой ситуации автор польской новости решил значительно изменить переводимый текст в его начальной части (B1-4) и в частях B8 и B14. Это проявилось в изменении описания конфликта. В *Тексте А* главными участниками конфликта были ЛАТВИЯ и РОССИЯ, а в *Тексте В* представлено что-то намного более знакомое польскому читателю – оппозиция ВЛАСТИ и ОБЩЕСТВА, которая устраняет потенциально противоречивое толкование (или даже опровержение сообщения), одновременно превращаясь в дихотомию оригинала: МЫ – «противники памятника» и ОНИ – «сторонники памятника»:

Таблица 3

Изменение оппозиции МЫ – ОНИ в двух анализируемых новостных сообщениях

№ п/п	Фрагмент Текста А	Фрагмент Текста В
1.	**(А2) Латвия** начинает строительство памятника	**(В1) Противоречивое решение латвийской власти** (В2) В старом концлагере поставят памятник
2.	(А4) Работа над памятником немецким солдатам, которые погибли во время Второй мировой войны, идет полным ходом	**(В4) латвийские власти утверждают**, что лучше там поставить памятник
3.		(В14) Это не первое **противоречивое решение латвийских властей**
4.		(В8) …**критикует власть** в российском агентстве «РИА Новости» Галина Муштавинская
5.		(В8) Так как **никто не может понять,** зачем за немецкие деньги
6.	(А14) …более 200 членов ветеранов латвийского легиона **и их сторонников**	(В14) более двухсот ветеранов латышских отделов СС
7.	(А8) Галина Муштавинская, **активист пророссийского движения** в Латвии	(В8) Галина Муштавинская**, представительница российского меньшинства** в Латвии

Эти изменения упомянуты уже в наиважнейшей части текста (№ 1): эквивалентом оригинального заголовка *(Латвия строит...*) становится вводная часть (подзаголовок, фотография и заголовок), которая сужает сторонников строительства памятника до *латвийских властей*, одновременно показывая, что, с точки зрения обычного гражданина, они принимают *противоречивое решение.* Так же введение (№ 2) *Текста В* начинается с темы инициаторов (*латвийские власти утверждают…*) и это особенно видно при сравнении с неагентивным описанием во введении к *Тексту А*. Второй полюс представленной оппозиции (ОБЩЕСТВО) построен в некоторых частях *Текста В*, которые, по понятным причинам, не имеют своих эквивалентов в *Тексте А* (№ 3–5). Новая дихотомия вынуждает использование еще двух операций, что делает текст более согласованным. Во-первых, информация о *сторонниках ветеранов латвийского легиона* (№ 6) исчезает, их марш протеста представлен просто как результат деятельности властей (№ 3). Во-вторых, Галина Муштавинская, цитируемая в тексте, из *активиста пророссийского движения* (что могло бы вызвать негативные коннотации с точки зрения Польши) превращается в *представителя российского меньшинства* (№ 7), то есть в результате высту-

пает в качестве общественного голоса, не способного понять деятельность властей. Более того, российский оригинал объясняет, почему она критикует власть *в российском агентстве «РИА Новости»* (№ 4). И, наконец, благодаря значительному вмешательству автора *«Дзенника»* мы получаем согласованный текст, который может быть воспринят польским читателем.

Заключение. Проведенный анализ показывает, какими сложными являются глобальные процессы, результатом которых является информация о событиях, происходящих в контексте, который отличается от хорошо известного. Это также показывает, какие виды специфических факторов могут влиять на окончательную форму новости и насколько ее последующие версии, несмотря на миф о журналистском объективизме, могут отличаться друг от друга. Этот критический подход кажется наиболее ценным при изучении перевода международных новостей, как утверждают Е. Бельса и и С. Басснетт [2, с. 132].

Доминирование определенных языков в мировом масштабе также означает, что неравенства власти, которые существуют на социально-политической арене, проявляют себя в текстовых стратегиях, которые используются международными журналистами. Исследования в области перевода международных новостей позволяют нам лучше осознавать манипулятивные процессы, которые лежат в основе того, что мы читаем, и поднимают серьезные вопросы о степени нашего знания о том, что было и чего не было сказано в другом культурном контексте.

1. Post-Colonial Translation. History and Practice / S. Bassnett, H. Trivedi (ed.). London: Routledge, 1999.
2. *Bielsa E., Bassnett S.* Translation in Global News. London: Routledge, 2009.
3. Dyskurs jako struktura i proces // *Van Dijk T.A.* (ed.). Warszawa: PWN, 2001.
4. *Fowler R.* Language in the News. Discourse and Ideology in the British Press. London: Routledge, 1991.
5. *Hatim B., Mason I.* The Translator as Communicator. London: Routledge, 1997.
6. *Hatim B., Munday J.* Translation. An Advanced Resource Book. London: Routledge, 2004.
7. *Machin D., Van Leeuven T.* Global Media Discourse. A Critical Introduction. London: Routledge, 2007.
8. *Piekot T.* Dyskurs polskich wiadomości prasowych. Kraków: Universitas, 2006.
9. *Skibińska E., Cieński M.* Słowo wstępne // Język – stereotyp – przekład / E. Skibińska, M. Cieński (ed.). Wrocław: Dolnośląskie Wydawnictwo Edukacyjne, 2002.
10. *Venuti L.* The Translator's Invisibility. A History of Translation. London: Routledge, 1995.

Алена Попова (Беларусь, Минск)

Дискурс-аналитические практики в обучении реконструкции дискурс-картины мира текста

Рабочая программа курса обучения студентов отделения международной журналистики Белгосуниверситета профессиональному английскому языку (ESP) предусматривает прочтение обязательного количества текстов (дискурсий) по определенным темам. Тексты становятся отправной точкой для развития дискуссии, изучения нового словарного корпуса, грамматического материала, но прежде всего, выполнения ряда упражнений для развития и закрепления навыков и умений студентов устному иноязычному общению.

В фокусе внимания здесь – развитие аналитических способностей (пошаговой реконструкции содержания), но также и синтетической коммуникативной деятельности – реферированию. Под последним понимается навык и умение кратко, четко, используя новый лексический корпус, пересказать прочитанный текст, выявить его темы, идеи, концепции, непосредственно эксплицированные всем ходом развития текста. Вместе с тем важны навык и умение эксплицировать те темы, идеи, концепции, которые остались в тени, сохраняя свою ценность для аудитории в качестве потенциального содержания дискурсии. Наивысшим достижением подобной работы считается проведение сопоставительного анализа трех видов содержания: номинативного (что названо текстом), фактологичного (к чему текст относит читателя) и когнитивного (что осмыслено текстом). Для достижения идеального результата – создания подробного *вербального эскиза текста*, фактической реконструкции его референтного содержания на иностранном (английском) языке – необходимо научить студентов *эффективным аналитическим практикам*, которые позволили бы решить перечисленные выше задачи, но при этом и верифицировать результаты поиска.

Дискурс-анализ – это термин-зонтик, который «накрывает» многие качественные аналитические практики. В контексте таких практик для нас представляют интерес методики, выработанные в русле каузально-генетической теории содержания сложных языковых знаков, теории, которая включает в ядро содержания *референтный* (информацию о предмете общения) и *кортежный* (информацию об участниках коммуникации) планы, которые, в свою очередь, обогащаются в процессе своей вербализации *знаково-референтным* и *знаково-кортежным планами.* Все эти четыре плана содержания организованы *структурно, иерархически, линейно и системно*. Эти формы организации содержания являются одновременно и операциональными категориями содержания – содержание в них реализует самого себя. Так, **иерархия** воплощает в себе оценочное, аксиологическое содержание, **линия и система –** синтагматическое и парадигматическое содержание, **структура –** интеллектуальное (когнитивное) содержание. Соответственно каждая из этих форм высвечивает и воплощает свое наполнение или свой аспект содержания из общего целостного рисунка содержания.

Понятно, что мы предлагаем студентам адаптированный алгоритм проведения дискурс-аналитической *практики* реконструкции референтного содержания с опорой на вышеперечисленные операциональные категории, однако он в любом случае остается методом всестороннего, многоступенчатого, верификативного изучения частного случая (в нашем случае конкретного текста) с целью выявления его существенных характеристик и экстраполяции на аналогичные явления [1, 2].

Зафиксированные основной методикой этапы реконструкции референтного содержания (фрагмента картины мира), представленной в конкретной дискурсии (тексте) для студентов переведены в вполне осязаемые микрошаги. Это необходимо, ибо качественная исследовательская парадигма является не только новым типом анализа для студентов в целом, но и иным типом мышления, принять который не всегда бывает просто. Итак, для реконструкции референтного содержания текста в его полноте и объеме мы осуществляем следующее:

- «*сбор базы данных*»: (1.1) определение всех тем анализируемого материала и выявление его *тематического среза/тематической палитры* с учетом структурного и иерархического развития (значения и значимости); (1.2) определение *знакового (системного и линейного)* ряда тематического среза. В ходе линейного анализа важно осознать, какое линейное развитие получает каждая тема (ее эволюцию). Здесь важно найти информативно значимые (ключевые) слова, словосочетания и синтагмы и их линейное распределение в печатном издании. Системная характеристика тем выявляется, когда мы ищем, какими кодами (лексическим, грамматическим, синтаксическим) тема подается. Каждая из собранных позиций верифицирует другие;
- «*организацию собранного материала в таблицы*». Собранную на 1-м этапе базу данных необходимо зафиксировать письменно и сорганизовать визуально;
- *«описание базы данных»*. К нему приступаем после того, как наши таблицы станут «читаемы», т.е. четко организованы и систематизированы. При описании выписываемой лексики (репрезентирующей тему) и ее последующей систематизации мы можем увидеть, как она сорганизуется, в какие группы или подгруппы. Описывая, обращаем внимание на иерархию таких групп (ранжирование по значимости): какой лексики больше/меньше (впрочем, количественный показатель не всегда равен значимости, поэтому к показателю больше/меньше мы учим студентов относиться критически), насколько она вариативна, деривативна и как это влияет на содержание темы;
- «*осмысление описанной базы данных, ее оценку, интерпретацию и выводы»*, т.е. описание референтного содержания исследуемого материала в целом. Здесь мы приступаем к этапу синтеза, возвращаем «нарушенные» связи. При этом помним, что в данном случае речь идет об исследовании «*отдельного случая*». На этом этапе мы как бы поднимаемся над полученными результатами, чтобы увидеть их в целостности. Это необходимо для того, чтобы осознать необходимость дополнительных категорий – *топик* (сквозная, глобальная тема материала) и *фокус* (то, на чем материал фокусирует внимание, ради чего он включен в общение, во взаимодействие «автор-читатель»).

Перечисленные этапы могут выполняться студентами с учетом разной степени погружения в аналитическую практику (в зависимости от степени развития аналитического мышления у студентов группы). Наш опыт говорит о необходимости не спешить, дать студентам возможность постепенного вхождения в работу. Так, студенты вначале лишь «притрагиваются» к определенным параметрам, работают с наиболее понятными им дискурс-категориями. Цель: аккуратное, последовательное, выверенное введение качественного анализа. Задача: обучение системному мышлению и эффективному говорению, где идеи озвучены, понятия введены, значимые слова и грамматические формулы зафиксированы – все на своем месте.

---

1. *Lawrence W.R.* A case study in speech criticism: the Nixon-Truman analog // Methods of rhetorical criticism: a twentieth-century perspective / L. Bernard [et al.]. – 3d ed. Detroit, 1989. P. 117–133.

2. *Попова А.В.* СМИ, ориентированные на высокостатусные группы // Журналістыка–2004: матэрыялы 6-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 2–3 снеж. 2004 г. / Беларус. дзярж. ун-т; редкал.: В.П. Вараб'ёў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2004. Вып. 6. С. 255–256.

Елена Васильева, Анна Рыбчинская, Инга Халиманович (Беларусь, Минск)

Распаковываем текст: три дискурс-аналитические практики

Введение. Текст для нас это своего рода информационный пакет (также пакет знаний, упакованный коммуникативный продукт) и мы *распаковываем* его в процессе чтения, чтобы *увидеть*, что внутри, *разглядеть* содержимое в деталях, осмыслить увиденное. Чтобы сделать это эффективно, мы используем разные аналитические практики. Это помогает не только увидеть детали, но и посмотреть на них с разных сторон, перепроверить их содержимое. Такой подход выводит нас на уровень качественного исследования текста, который, в противоположность количественному исследовательскому подходу, предполагает максимальную концентрацию на исследовательском материале, подбор методик исследования с учетом самого материала (а не подбор материала под соответствующую методику), поиск не только общего, но также особенного, единичного. *Целевая установка* такого *аналитического* (исследовательского) *чтения* – действительно понять текст с учетом его латентного (потенциального) содержания, чтобы не только прореферировать (наиболее полно передать его ключевую информацию), но также предложить различного рода интерпретации текста. *Целевая установка данной статьи* – проиллюстрировать сам ход такого исследовательского подхода на примере конкретного оригинального учебного текста.

В качестве материала исследования мы выбрали текст «What is Journalism», опубликованный в учебном пособии «Master Your English» (ссылка). Данный текст является составляющим корпуса текстов по теме «Careers in Journalism». Ниже мы предлагаем текст в его оригинальной версии:

What is Journalism

What is journalism? Journalism is information. It is communication. It is the events of the day distilled into a few words, sounds or pictures, processed by the mechanics of communication to satisfy the human curiosity of the world that is always eager to know what's new.

Journalism is basically news. The word derives from "journal"; its best contents are "du jour", of the day itself. But journalism may also be entertainment and reassurance, to satisfy the human frailty of a world that is always eager to be comforted with the knowledge that out there are millions of human beings just like us.

Journalism is the television picture beamed by satellite direct from the Vietnam war, showing men dying in agony. It is the television picture of a man stepping on to the surface of the Moon, seen in millions of homes as it happens.

Journalism can communicate with as few people as a classroom news-sheet or a parish magazine, or as with many people as there are in the world.

The cave-man drawing a buffalo on the wall of his home did so to give other hunters the news that buffaloes were nearby. The town-crier reciting the news in the market-place provided a convenient way in which a number of people could simultaneously learn facts affecting all their lives.

Today the news media are swamped by the very availability of news. There is simply more of it than ever before - unimaginably more, available to many more people.

Journalism is about people. It is produced for people.

And what happens now? The bedside transistor radio switches itself on with the alarm. Mother has her radio on in the kitchen as she cooks breakfast. The kids have their radios switched to Radio One with its mixture of pop music and news flashes. Father glances at the morning paper over breakfast, then gets into the car and turns on "Today" as he drives to work. Mother carries the radio around the house as she dusts and makes the beds to the voice of Jimmy Young. Father buys an evening paper as he leaves work, glances at the headlines, then turns on the six o'clock radio news as he drives home. After eating, they turn on the telly and sit down to an evening's viewing. Mother may read the evening paper if there is a sports programme on TV which she finds boring. They watch the BBC's television nine o'clock or ITN's "News at Ten".

The newspaperman has to be aware of the changes in the lives of his readers. It is not enough for him to print the "hard news" of the evening before (most national newspapers start printing their major editions around 10 p.m., with further editions for the city in which they are produced coming up until 4 a.m.), since his readers who look at the paper over breakfast will have heard most of that and seen many of the public figures and significant events on television the night before. Or they will hear on the early morning radio news items which have become news three hours later than the latest possible edition of the morning paper.

The press has been slow to catch on to this change and to revise its methods of operation so that the newspaper still has a function. That it has a function, there can be no doubt: for the television or radio news bulletin is tightly encapsulated, containing only a few of the main facts in a highly abbreviated form.

Newspapers are archives, objects of record. They can be referred to, checked back on, in a way that the television or radio news cannot. They can describe events at greater length, add more relevant detail, give authoritative comment from people in a position to detect trends and the likely lines in which a news story will develop.

But the old concept of a newspaper "scoop", the presentation of a startling hard news story a day before its rivals, is virtually dead-killed by radio and television.

Notes: *du jour (in French) means daily; BBC (British Broadcasting Corporation); ITN (Independent Television News)*

Предмет исследования, гипотезы и методы анализа текста. Набор используемых аналитических практик зависит как от цели исследования, так и от выбора предмета исследования. Нашим предметом исследования стало референтное содержание, т.е. содержание, которое отвечает на вопрос «о чем текст?». Понятно, что это «о чем» может быть далеко неоднозначным. Наша *первая гипотеза* заключается в том, что референтное содержание профессионально ориентированного текста (а данный текст относится именно к этому типу текстов) должно включать в себя три информационных уровня. Это, во-первых, уровень фактов или *фактологический уровень*, т.е. некоторая информация о реальном мире, которую текст отображает; это, во-вторых, уровень слов и грамматико-синтаксических явлений или уровень вербальной информации (т.е. информация языкового и речевого планов) и это, наконец, уровень понятий. Наша *вторая гипотеза* заключается в том, что для каждого уровня референтного содержания должна быть своя методика исследования, своя аналитическая практика.

Наш опыт работы с содержанием оригинальных англоязычных текстов позволяет констатировать, что оптимальными аналитическими практиками для распаковывания референтного содержания (*what the text refers to?*) могут быть: фактологический анализ, анализ ключевых слов и анализ ключевых идей (тем).

Предлагаем далее иллюстрацию того, как работает каждая из этих практик. Использование предложенных аналитических практик мы рассматрива-

ем в качестве исследовательских шагов, а каждая из нас берет роль эксперта в одной из этих практик.

Шаг первый: в поиске фактов (Инга Халиманович)

Моя непосредственная исследовательская задача – провести фактологический анализ предложенного текста. Для этого я внимательно читаю текст, фокусируя внимание исключительно на тех словах и словосочетаниях, которые называют конкретные факты, и выписываю их. Я – будущий журналист, а значит, первое, что я нахожу, – это названия каналов, радиостанций, теле- и радиопередач и время их выхода в эфир (хотя я и делаю это, скорее, бессознательно). Я также нахожу ключевые события, которые получают освещение в СМИ. Получается определенный список реалий:

***the Moon, 10 p.m., 4 a.m., Radio One, "Today", Jimmy Young, TV, BBC's television nine o'clock, ITN's "News at Ten"*, Vietnam .**

Теперь время осознать, что же собралось в итоге. Таким образом, далее я привлекаю индуктивную логику: необходимо подвести собранную лексику под знаменатель, собрать ее в группы и назвать получившиеся группы (категоризовать свой поиск). Это важно, ибо помогает (1) подвести итоги (чем полезна оказалась данная аналитическая практика), а также (2) подготовиться к реферированию текста с опорой на его фактологию. Работа в классе показывает, что лучше организовать собранный фактологический материал в таблицу (табл. 4).

Таблица 4

Фактологическая информация

Географические названия и названия планет	**Названия каналов и передач**	**Известные люди**	**Время**
Vietnam, the Moon	«Radio One», «Today», BBC' television «Tine o'clock», ITN's «News at Ten»	Jimmy Young	10 pm 4 pm

Понятно, что данная работа по сбору базы данных открыта пересмотру, уточнению, расширению: все зависит от того, для какой аудитории следует подготовить реферирование текста. Таким образом, фокус внимания может переходить от одной группы фактов к другой. Главное, чтобы он оставался последовательным и мотивированным.

Попробуем обобщить результаты проведенной работы. Можно сказать, что факты, выбранные из текста, непосредственно формируют содержательную *структуру текста* («скелет»). В данном случае она состоит из вполне *конкретных* феноменов (хотя текст при первом приближении и воспринимается как некая обобщенная информация, абстрактция); из вполне конкретных *мест* (на земле и за ее пределами), где происходят события, представленные в тексте; из не менее конкретных субъектов и институтов – *людей и компаний,* вовлеченных в сюжет; и, наконец, из определенности временного порядка – фиксации *хронологии* описываемого.

Шаг второй: в поиске ключевых слов (Анна Рыбчинская)

Моя непосредственная исследовательская задача в процессе аналитической работы с представленным выше текстом состояла во внимательном прочтении его с фокусировкой внимания на ключевых словах и словосочетаниях, из которых «сплетена» содержательная ткань текста. В результате такой работы получился достаточно объемный список слов и словосочетаний, которые мы для наглядности также представляем в табл. 5.

Таблица 5

Вербальная «ткань» текста

Ключевые слова	Journalism, Information, Communication, Events, Words, Sounds, Pictures, Entertainment, News-sheet, News, World, Journal, Contents, Du jour, Television/TV, Satellite, Market-place, Facts, Media, Availability, Mixture, Headlines, Function, Scoop.
Ключевые словосочетания	Mechanics of communication, Human curiosity, Evening paper, Sports programme, National newspapers, „Hard news", Parish newspapers, News flashes, Morning paper, Number of/produced for/about people Transistor radio, Pop music, Public figures, Significant events, Objects of record, Relevant detail, Authoritative comment.

Данный вербальный план текста я подвергаю осмыслению: важно решить, как двигаться дальше. Так, возможно идти по пути их системной (парадигматической) обработки, т.е. соорганизовать их в смысловые группы, построить на их основании некий тезаурус, определить, какие лексико-семантических поля в них представлены, чтобы уже далее строить реферативный пересказ на основании этих групп. Возможен и другой путь (синтагматический), который нам здесь показался более приемлемым – изучить линию лексического развития текста, линию подачи ключевой лексики. Для этого следует ее «просеять» по тому или иному признаку, ибо такую работу можно проводить с небольшим количеством слов и словосочетаний. Так, здесь я оставила те лексические единицы, в которых я увидела обобщающий характер (мне показалось, что они вбирают в себя остальные слова и фразы). Таким образом и была построена следующая линия:

Journalism – Information – Communication – News (facts) – Media – People – Changes – Function – Archives (object of record).

В результате осмысления построенной линии можно увидеть логику развития текстового содержания, а именно постепенный переход фокуса внимания с профессионального поля (***Journalism)*** на его назначение (***Information – Communication***) и далее на результат профессиональной деятельности, ее смысл (***News, facts***), на средства достижения этого результата (***Media***), на аудиторию, а значит взаимодействие (***People***), что приводит к новому результату (***Changes***), вовлекая новые действия (***Function***), которые уже видятся вне результата действия, а последний уходит в забвение (***Archives, object of record).***

Так выстраивается «вербальное здание» проанализированного нами текста: так называются и развиваются идеи текста, его знаково-тематический ряд, его значение и значимость.

Шаг третий: в поиске тем (Елена Васильева)

Моя непосредственная исследовательская задача в процессе аналитической работы с текстом состояла во внимательном прочтении его с фокусировкой

внимания на выделение и формулировку основных тем (с опорой на вербальный ряд текста), на их интерпретацию. Так, мною были выделены и сформулированы на языке оригинала следующие темы:

- Definition of the phenomenon "journalism";
- Journalism is news, entertainment and reassurance;
- Major differences between papers, TV and radio;
- The role of media in people's life;
- The necessity of revising newspapers;
- A special function of printed media.

В принципе, формулировка тем требует своей верификации с помощью реконструкции рематического ряда (наличие рем подтверждает факт развитие темы, а значит, ее наличия; отсутствие рем означает, что заявленная тема не состоялась). Такая работа может быть проделана с помощью ведения диалога с текстом (тексту задается уточняющий вопрос и затем проводится поиск ответа на него, т.е. здесь задействована дедуктивная логика мышления – от общего к частному).

Какую пользу несет нам данная аналитическая практика? Выделенные темы лаконично представляют тематическую палитру изучаемого материала, структурируют материал, условно делят содержание на целостные смысловые части в их логической последовательности. Кроме того, такая подробная разбивка содержания на темы помогает лучше понять топик всего текста (его глобальную тему), а значит, и реконструировать в дальнейшем тезисы, которые автор посылает своей аудитории.

В качестве подведения итогов работы с текстом с опорой на все три аналитические практики можно сказать, что каждая из этих практик помогает увидеть в текстовом содержании что-то свое, особенное, и в этом ее ценность. А вместе они помогают увидеть текст в максимальном объеме его содержания и, что нам кажется главным, настраивают на далеко неоднозначное его прочтение. Они помогают также понять, насколько аккуратен должен быть журналист в своей работе, насколько внимателен к тому, что он пишет и как это воспринимается его читателями или слушателями.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Итак, мы имели возможность познакомиться с исследованиями отдельных случаев, выполненными нашими аспирантами и студентами. Мы полагаем, что эти примеры работы начинающих исследователей обладают не только чисто когнитивной ценностью, но и метаязыковой или методологической. Данные исследования, предложенные на заседании *круглого стола* в виде панельных докладов, содержат в себе информацию об отношении авторов к канонам дискурс-анализа и его авторитетным фигурам, а также то, как молодые исследователи понимают и принимают базовые аналитические категории. Но главное – это то, что они предлагают также и свое прочтение современных исследовательских направлений, а в каких-то случаях и свое понимание проблем, которые, возможно, принесут свои плоды в постановке новых задач перед дискурс-наукой будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наш первый *круглый стол* «Дискурс в исследовательском и академическом дискурсе» завершился. Что же осталось? К чему мы пришли?

Мы здесь представили наше виденье данного исследовательского и академического поля, объекты и предметы нашего особого интереса, наши исследовательские подходы. Мы обрисовали то, что нам видится актуальным для изучения с учетом возможности, которые представляют современные методики.

Мы пришли к согласию в отношении того, что современная лингвистика изменила свой вектор от лингвистики текста к лингвистике дискурса, что привело и к изменению объема многих лингвистических терминов. Дискурс-лингвистика – это не мода и не «бренд», она придумана не для того, чтобы сделать кого-то счастливым или несчастным. Она императив нашего времени, ибо помогает увидеть, как тексты функционируют в современном обществе, как они становятся *независимыми* субъектами коммуникации (тот факт, что любой человек может стать автором текста, снимает фокус внимания с автора, переводя его на аудиторию и делая аудиторию кортежем автора, а автора кортежем аудитории. И в этом взаимодействии *независимые* субъекты становятся *зависимыми* – зависимыми от ситуации общения, от отношений общающихся и многого другого).

Дискурс-лингвистика это лингвистика, которая изучает коммуникацию как процесс и результат и именно поэтому она переходит из разряда гуманитарных в разряд социальных наук, при этом дискурс-лингвистика не отрицает традиционную лингвистику. Она ее порождение и ей необходимо время для роста, созревания, для построения своей терминологической системы, для самой индентификации в различных своих проявлениях. Кроме того, очевидным становится и тот факт, что этому направлению лингвистики нужны свои критерии оценки, ибо о ней трудно судить, опираясь на правило, установленное в традиционной науке о языке, традиционной лингвистике.

Дискурс-лингвистика – это исследовательское и академическое поле, далеко вышедшее за узко национальные рамки. Скорее это понятие глобальное. Внутреннее разнообразие ее подходов – знак ее развития, но никак не знак хаоса. Иначе говоря, ей необходимы пространство и время и ей нужны адепты. Ей необходимы новые исследовательские практики и результаты.

Наш постоянно действующий *круглый стол* открыт таким исследователям, работающим во всех странах мира.

Приглашаем на интерактивную страницу нашего интернет-сайта:

www.dart.uni.wroc.pl